

**Международный Фонд социально-экономических
и политологических исследований
(Горбачев-Фонд)**

Круглый стол «Экспертиза»

**«СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ И
ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕННОМ
СОЗНАНИИ»**

**Стенограмма круглого стола «Экспертиза»,
состоявшегося 27 февраля 2007 г.**

Участники обсуждения на круглом столе

Горбачев М.С.	Президент Международного Фонда Социально-экономических и Политологических исследований
Волкова Л.П.	Воронежский МИОН
Глазьев С.Ю.	докт.экон.наук, депутат Государст- венной Думы, член-корр. РАН
Гонтмахер Е.Ш.	докт.экон.наук, профессор, руководитель Центра социальной политики Института экономики РАН
Глухова А.В.	профессор, д.п.н., зав. кафедрой социологии и политологии ВГУ
Дианов М.А.	Генеральный директор Института региональных проблем
Зайончковская Ж.А.	директор Центра миграционных исследований, канд.географ.наук
Здравомыслова О.М.	исполнительный директор Горбачев-Фонда
Кувалдин В.Б.	доктор исторических наук, профессор, Горбачев-Фонд
Ломсадзе Д.Г.	Воронежский МИОН

Малева Т.М.	директор Независимого института социальной политики
Малютин М.В.	канд. филос. наук. координатор АсПЭК
Медведев В.А.	член-корреспондент РАН, руково- дитель проекта, Горбачев-Фонд
Петухов В.В.	директор по исследованиям ВЦИОМа
Победаш Д.И.	ассистент кафедры языков регионов УрГУ
Погребняков П.В.	начальник ОСП УНИР РГУ им. И. Канта, БалтМИОН
Рябов А.В.	Главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения, эксперт Горбачев-Фонда
Соловей В.Д.	эксперт Горбачев-Фонда
Шахматова Н.В.	доктор социологических наук, профессор Саратовского госуниверситета

Содержание

Кувалдин В.Б.

Доклады

Гонтмахер Е.Ш.

Петухов В.В.

Вопросы

Гонтмахер Е.Ш.

Волкова Л.П.

Дианов М.А.

Медведев В.А.

Погребняков П.В.

Петухов В.В.

Соловей В.Д.

Победаш Д.И.

Глазьев С.Ю.

Дианов М.А.

Ломсадзе Д.Г.

Глухова А.В.

Из дискуссии

Малева Т.М.

Гонтмахер Е.Ш.

Петухов В.В.

Глазьев С.Ю.

Малютин М.В.

Медведев В.А.

Дианов М.А.

Здравомыслова О.М.

Рябов А.В.

Зайончковская Ж.А.

Ломсадзе Д.Г.

Волкова Л.П.

Шахматова Н.В.

Глухова А.В.

Кувалдин В.Б.

Начинаем очередное заседание нашего Круглого стола «Экспертиза». Тема – «Социальные проблемы современной России и их отражение в общественном сознании». Нам показалось интересным соединить эти два сюжета, то есть дать характеристику объективной ситуации и то, как сами люди оценивают положение дел в этой области. Социальные проблемы – это то, что касается всех и каждого. Это – здравоохранение, образование, социальное обеспечение, пенсии. То есть то, из чего складывается жизнь наших сограждан. И как эта реальность воспринимается, как она преломляется через призму общественного сознания. Потому что мы знаем, что сознание – не зеркало, а очень активный, работающий, отбирающий, адаптирующий, механизм.

Мы пригласили двух уважаемых докладчиков, признанных специалистов в своем деле – Евгения Шлёмовича Гонтмахера и Владимира Васильевича Петухова. Поскольку у нас отменные партнеры – Фонды «Иноцентр» и «Новая Евразия» (их представители здесь присутствуют), – мы пользуемся их уникальными возможностями и приглашаем глубокоуважаемых представителей наших региональных университетских центров. У них будет возможность после докладов задать вопросы, а затем принять участие в обсуждении.

На этом я передаю слово докладчикам. Наш регламент следующий: докладчикам дается по 12 минут, участникам прений – по 10. Тех, кто хочет выступить, прошу дать соответствующий знак, чтобы я мог включить их в список.

Доклады

Гонтмахер Е.Ш.

Социальная политика: тенденции последних 15 лет и возможные перспективы *Советское наследие*

Советский социальный механизм представлял собой внутренне непротиворечивую систему, построенную на демонстративном эгалитаризме, культивировании умеренных материальных потребностей (в последние годы существования СССР это именовали «культурой потребления»), государственной монополии на производство и распределение практически всех социальных благ и услуг, а также жестком государственном регулировании доходов населения, которое предопределяло их «прозрачность» и практически полностью исключало теневые поступления.

Этот социальный механизм сформировал гражданина, социальному поведению которого были свойственны такие черты, как:

уверенность в том, что все социальные проблемы обязано решать государство (во многих случаях, особенно у старших поколений, такого рода патернализм сочетался с ударной работой и политической благонадежностью);

привычка к социальной уравниловке;

сильно развитое чувство «социальной справедливости», понимаемой как равенство в быту и уровне жизни, а также огромный потенциал «черной зависти» к более богатому и удачливому ближнему;

подмена естественных форм самоорганизации людей псевдоколлективистским образом жизни, при котором большую роль играли партия, профсоюзы, домкомы и пр.

Советский образ жизни практически искоренил стимулы личной активности и инициативы, ослабил естественную способность человека защищать самого себя, в том числе в социальной сфере. Когда на закате советской эпохи в общество начала просачиваться информация о западном образе жизни, молодежь и люди среднего возраста, жители крупных городов стали поддаваться затаенному соблазну устроить многое у себя, «как у них». В советском понимании это означало желание стать обладателем знаменитой триады *квартира-машина-дача*, без чего у обывателя возникал комплекс неполноценности.

Государство практически полностью контролировало уровень жизни населения. Для этого использовались мощнейшие перераспределительные механизмы: общественные фонды потребления и централизованная бюджетная система. Например, заработная плата регулировалась тарифно-квалификационными справочниками, в которых по полочкам был разложен любой вид трудовой деятельности. Сдельная или сдельно-премиальная системы оплаты труда появились только в конце советской эпохи и использовались там, где нужно было добиться быстрых, стратегически важных результатов (в частности, при разработке нефтяных месторождений, на строительстве БАМ и пр.).

Тотальное участие государства в социальной жизни выражалось и в таких реалиях как всеобщая обеспеченность бесплатным здравоохранением и образованием, доступность учреждений культуры (библиотек, клубов, музеев), что выгодно отличало СССР от многих развитых стран мира. В совокупности с жесткой регулируемостью зарплат такая система не позволяла возникнуть качественным контрастам в уровне жизни между регионами, по крайней мере внутри тогдашней РСФСР.

Необходимо отметить, что советское социальное устройство было внутренне сбалансировано и стабильно. Это устройство выдерживало даже острую нехватку на тогдашнем потребительском рынке элементарных продуктов питания, одежды и обуви. Его состояние никак не способствовало развалу Советского Союза.

2. Пертурбации 90-х годов XX века

Нельзя согласиться с устоявшимся мнением, будто в начале 90-х годов российские власти утратили интерес к социальной проблематике и сосредоточили все внимание на экономических преобразованиях. Именно в те годы сформировалось законодательство, регулировавшее развитие основных секторов социальной сферы (образование, здравоохранение и др.), а также социально-экономическое положение некоторых категорий населения (пенсионеры, инвалиды, пожилые, беженцы, вынужденные переселенцы и пр.). Был юридически закреплён принцип равенства всех организационно-правовых форм проведения социальной политики и признано право на существование в социальной сфере негосударственных организаций.

Одновременно видоизменялась и социальная инфраструктура. Возникли новые для России органы управления социальной сферой, в ней появились неизвестные прежде организации и учреждения, а существовавшие и прежде социальные структуры приняли иные «правила игры». Началось внедрение современных социальных и информационных технологий, а также создание необходимых баз данных, возникли новые социальные профессии. Изменились принципы финансирования социальной сферы в целом и отдельных направлений социальной политики. Значительные суммы из государственного бюджета были заменены обязательными страховыми взносами, для аккумуляирования которых были созданы внебюджетные социальные фонды.

Кроме того, постепенно была перераспределена ответственность между участниками социальных отношений, так что в итоге часть полномочий и объектов социальной сферы, прежде принадлежавших предприятиям, были переданы органам региональной власти и местного самоуправления.

Эти изменения дали толчок появлению благоприятных социальных тенденций, в частности зарождению не существовавших прежде социальных групп (предприниматели, самозанятое население), возникновению новых и развитию перспективных сфер занятости. Принятые меры смягчили шоковые последствия экономических преобразований начала 90-х, облегчили многим россиянам выживание и психологическую адаптацию к новым условиям. Однако законотворческий энтузиазм в социальных вопросах строился на ошибочной посылке - уверенности в том, что, быстро выйдя из экономического кризиса, Россия существенно расширит ресурсы государственной социальной политики. Когда этого не произошло, принятые в истекшем десятилетии законы о социальной защите ветеранов, инвалидов, жителей Крайнего Севера, военнослужащих и других категорий населения, которые явно не соответствовали экономическим возможностям страны, превратились в мощный раздражитель общественного сознания.

Таким образом, итоги первого этапа социальных реформ оказались внутренне противоречивыми. С одной стороны, появились разнообразные формы проведения социальной политики, да и сама она приобрела новые, современные черты, но, с другой - эта политика оказалась в резком разладе с ресурсной базой. Посеяв иллюзии, она породила затем массовое общественное разочарование и недовольство преобразованиями.

В 1997 году и в начале 1998-го экономическая ситуация несколько улучшилась, и это на время приглушило чувство, что в стране нарастают серьезные социальные проблемы. Правительство впервые попыталось сформулировать принципы реформирования ряда отраслей социальной сферы (в том числе концепцию довольно радикальной пенсионной реформы и новые подходы к трудовым отношениям). Однако этим попыткам помешал августовский кризис 1998-го. Примерно на полтора года социальная политика превратилась в «латание дыр» - в погашение задолженностей по выплате заработной платы бюджетникам, пенсий, детских пособий, а также в поддержание текущей работы учреждений здравоохранения, образования и культуры.

Таким образом, с конца 1993 до начала 2000 года на фоне усугубления прежних проблем в России шло накопление ростков нового в социальной реальности. Политические перемены конца 1999 - начала 2000, а также улучшение экономической ситуации позволили вернуться к вопросу о глубоком реформировании социальной политики - практически по всем ее направлениям.

С 2000 года ситуация вокруг социальной политики начала кардинально меняться. Во-первых, обозначился серьезный экономический рост (сначала в сырьевых, а затем и в некоторых перерабатывающих отраслях). Как следствие, во-вторых, начали расти усредненные показатели доходов населения. В-третьих, новое политическое руководство страны заявило о необходимости очередного этапа реформ. В их числе оказалась пенсионная реформа, реформа образования, здравоохранения и системы социальной защиты.

Что получено к настоящему времени? Рассмотрим это на примере пенсионной реформы и «монетизации» льгот.

3. Реформы начала 2000-х годов

3.1. Пенсионная реформа

Необходимость в пенсионной реформе была и есть. Тому много причин. Из них можно выделить две основные.

Россия (как, впрочем, и многие экономически развитые страны) входит в очень неблагоприятный демографический период. Происходит неуклонное старение населения. Если еще 20-30 лет назад на каждого пенсионера приходилось 3-4 работающих, то сейчас это соотношение – 1:1,7 и продолжает ухудшаться. Что это означает? В условиях распределительной (солидарной) пенсионной системы, когда пенсии выплачиваются за счет страховых взносов работающих, уже через 15-20 лет пришлось бы отчислять в Пенсионный фонд не 28% от фонда оплаты труда как сейчас, а все 40-45%. Такие цифры абсолютно противопоказаны для любой динамично развивающейся экономики.

Вторая причина: не устраивающее нас экономическое поведение работника. Люди привыкли задумываться о пенсии только тогда, когда до нее остаются считанные годы. Поэтому они не заботятся о долгосрочном вложении своих сбережений, не пользуются современными финансовыми механизмами. А ведь в условиях развитой экономики эти деньги являются важнейшим инвестиционным ресурсом, столь дефицитным в нынешней России.

Именно поэтому была введена накопительная составляющая пенсионных отчислений (от 2 до 6% от оплаты труда в зависимости от возраста работника). Эти деньги уже не идут на выплату пенсий нынешнему поколению ветеранов, а на протяжении десятилетий инвестируются в различные финансовые инструменты. Тем самым они не просто сохраняются, но и в случае удачного размещения приум-

ножаются с тем, чтобы дать человеку очень существенную добавку к базовой и страховой части его будущей пенсии.

Казалось бы, отличная схема, которая позволяет и уменьшить зависимость пенсионной системы от демографического фактора, и стимулировать новое экономическое поведение работника в отношении собственной старости. Но в реальной практике все далеко не так успешно.

Первое, что насторожило, это мизерное число работников (5%), выбравших для своих инвестиций частные управляющие компании. Конечно, это можно объяснить отсутствием доступа людей к сколько-нибудь внятной информации о возможностях этого выбора. Проще всего обвинить в этом Пенсионный фонд, но, с другой стороны, почему государственная структура должна склонять к инвестированию через негосударственные каналы? Где же наши многочисленные частные управляющие компании (а их после конкурса оказалось ни много ни мало 55!) с хорошо продуманной и агрессивной рекламой?

Однако дело не только в недостаточной рекламе. Государство не должно им подыгрывать, но в то же время, если признано, что его стратегический интерес — активизация экономического поведения человека, то нужно было (не силами Пенсионного фонда) подтолкнуть людей к более активному выбору в пользу частных структур. Этого не было сделано и не делается сейчас, хотя на рынок инвестирования вышли еще и негосударственные пенсионные фонды.

В последнее время много говорится о необходимости укрепления гражданского общества. Но неужели непонятно, что его объективной основой должен стать как раз экономически независимый от государства и не ожидающий от него милостыни гражданин и для

этого, в частности, активно имеющий дело с частными финансовыми структурами?

Нельзя не сказать и о том, что для участия в пенсионной реформе негосударственных кампаний имеется множество барьеров. Например, дискриминационное налогообложение взносов в негосударственные пенсионные фонды, слишком жесткие ограничения по набору инструментов инвестирования для частных управляющих фирм. Но и дальнейшая концентрация накопительной части пенсионных взносов в государственной управляющей кампании – Внешэкономбанке – ничего хорошего не сулит. Ведь в этом случае разрешенный инструмент инвестирования один-единственный – государственные ценные бумаги, которые заведомо не могут дать сколько-нибудь существенную прибыль. По итогам 2006 года доходность по средствам, размещенным во Внешэкономбанке, составила 5,7% при инфляции 9%. Кроме того, вкладывание десятков миллиардов рублей в эти бумаги еще более утяжеляет внутренний государственный долг, фактически делает недоступными эти постоянно растущие средства для реального инвестирования в нашу экономику.

Тяжелый удар по пенсионной реформе нанесли и вступившие с 1 января 2005 года новации, связанные со снижением ЕСН. Для того, чтобы компенсировать уменьшение поступлений в Пенсионный фонд и сохранить выплаты нынешним пенсионерам пришлось отрезать от накопительного процесса людей среднего возраста (1953-1967 годов рождения). Этот шаг, во-первых, существенно снизил потенциальные поступления в те же частные управляющие кампании и негосударственные пенсионные фонды, во-вторых, укрепил среди наиболее зрелой и платежеспособной части нашего общества и без того стойкий скептицизм по отношению к государственной социальной политике.

Снижение ЕСН привело к дефициту собственных доходов Пенсионного фонда. В ближайшие годы, как показывают прогнозы, до половины его доходов будет формироваться за счет прямых дотаций федерального бюджета. Тем самым пенсионная система теряет свою страховую природу, быстро возвращается к принципам социального обеспечения, характерным для советской модели.

Дальнейшее развитие наметившихся тенденций приведет к еще большей уравниловке в размере пенсий, размер которых не будет устраивать ни пенсионеров, ни общество.

3.2. Монетизация льгот

Монетизация льгот была задумана как очень простой шаг:

- перевод подавляющей части льгот из натуральной в денежную форму. Это оправдывалось тем, что натуральные льготы неудобны, у людей нет выбора. Скажем, человек живет в деревне; он не ездит на городском транспорте, у него нет телефона, хотя теоретически он эти льготы имеет. А вот если этому человеку дать деньги, он почувствует, что его социально защитили;

- расплачиваясь за бывшие натуральные льготы по проезду на автобусах, троллейбусах и трамваях «живыми» деньгами бывшие льготники должны существенно помочь улучшению финансового положения муниципальных предприятий общественного транспорта;

- приведение в соответствие обязательств бюджетов всех уровней и их реальных возможностей. Однако при этом Госдума настояла на включении в 122-й закон требования, чтобы положение ни одного льготника не было ухудшено. Из этого следует, что при выдаче денег сумма должна была быть не меньше, чем та виртуальная сумма льгот, на которую каждый льготник имел право.

К такому замыслу было два вопроса: финансовый и психологический.

Финансовый вопрос заключался в том, чтобы полностью компенсировать деньгами каждому льготнику стоимость предоставляемых ему льгот. Его решить не удалось. Как показывают обследования, даже с учетом сохраненного для федеральных льготников социального пакета (или его денежного эквивалента) у трети льготников материальное положение ухудшилось, у трети – не изменилось и лишь у трети улучшилось. Причина в том, что выделили слишком мало денег, особенно на компенсацию региональным льготникам (ветераны труда, труженики тыла, жертвы политических репрессий). Финансовый вопрос не удалось решить и в связи с введением для федеральных льготников социального пакета – сохраненных наиболее весомых натуральных льгот: по приобретению лекарств, проезду на пригородном железнодорожном транспорте и санаторно-курортному лечению. Кроме того, была допущена уравниловка в отношении людей, попавших в одну категорию льготников. Например, инвалид первой группы получил одинаковую ежемесячную денежную выплату (ЕДВ) вне зависимости от его места жительства и диагноза.

Психологический вопрос заключается в том, что глубоко пожилые люди, например участники и инвалиды Великой Отечественной войны, воспринимали льготы как привилегии, которыми их благодетельствовало государство за особые заслуги перед страной. Потеря социального статуса обладателя привилегий никак не компенсировалась даже повышенными денежными выплатами – распространены настроения: «от нас откупились». Это не способствует созданию благоприятной атмосферы в обществе.

Но наибольшие сбои произошли из-за разделения льготников на федеральных и региональных. Чем же закончилось внедрение монетизации в субъектах Российской Федерации?

Можно с уверенностью утверждать, что все упомянутые выше цели на региональном уровне не были достигнуты.

Первая цель. Среди субъектов Федерации можно выделить четыре типа поведения в связи с монетизацией. Пятнадцать субъектов федерации пошли по пути сохранения всех или почти всех льгот в натуральной форме с введением в ряде случаев региональных ежемесячных денежных выплат (РЕДВ). Двадцать девять регионов сохранили большинство натуральных льгот, а остальные монетизировали в форме РЕДВ. Двадцать один регион монетизировал большинство льгот. И только восемь регионов - Владимирская, Воронежская, Калужская, Архангельская, Вологодская, Камчатская области, Карелия и Краснодарский край - монетизировали практически все льготы (за исключением льгот по оплате жилья и коммунальных услуг). Таким образом, сплошная монетизация в регионах не состоялась. В результате пусть во многом формальное, но единое социальное пространство, которое существовало до этого, распалось. Скажем, жертвы политических репрессий в разных регионах оказались в разном положении. Дифференциация очень большая - размер РЕДВ от 505 рублей в Мурманске до 50 рублей в Московской области, хотя там и там почти все льготы оставили в натуральном виде. Но Конституция (статья 19, ч.2) гарантирует равенство прав независимо от места жительства. Таким образом, человек, относящийся к определенной федеральным законом категории, имеет равные права по всей территории страны, где бы он ни жил. Мы же имеем ровно противоположный, т.е. прямо нарушающий Конституцию порядок.

Вторая цель. Очевидно, что в этих условиях далеко не во всех регионах в адрес муниципальных предприятий общественного транспорта стали поступать дополнительные потоки «живых» денег. Более того, даже там, где льготы по проезду на внутригородском транспорте были заменены РЕДВ, ситуация мало изменилась. Люди просто оставили деньги себе, перестав ездить на автобусах, троллейбусах и трамваях. Таким образом, не достигнута и вторая из поставленных перед монетизацией целей.

Третья цель. При проведении реформы не должно было произойти ухудшения положения льготников. Но регионы, вводя свои меры, исходили абсолютно не из этого требования, а из того, сколько у них есть денег. Никто не подсчитывал реальную стоимость натуральных льгот, которыми пользовались люди, и в результате значительная часть региональных льготников материально проиграла. Но если хотя бы один человек в нашей огромной стране ухудшил свое положение - это прямое нарушение 122-го закона.

Однако помимо фиаско с тремя заявленными целями реализация 122-го закона в регионах породила и ряд других тяжелых проблем. На местах приняли три различные схемы индексации РЕДВ. Первая соответствует норме, касающейся льготников, получающих ежемесячные денежные выплаты из федерального бюджета: увеличение происходит вместе с индексацией базовой части трудовой пенсии. Вторая привязывает рост РЕДВ к местному индексу инфляции. Третья оставляет этот вопрос на полное усмотрение властей субъекта федерации. Такой разнობой еще более увеличивает и без того недопустимые межрегиональные различия в положении льготников.

Другая проблема. Представим ситуацию - житель, допустим, Московской области, ветеран труда, на старости лет остался один, а

дети у него, скажем, в Калужской области. Он переезжает к ним жить, но в Калужской области ему ничего не положено, пока он там не зарегистрируется. Врач даже не выпишет ему льготный рецепт, потому что для бюджета этого региона он чужой. А если он не хочет регистрироваться, потому что в Московской области у него, допустим, остался дом? Если бы льготы в Московской области были монетизированы, ему хотя бы перечислялись на счет какие-то деньги, но поскольку правительство Московской области почти все льготы оставило в натуральном виде, получается абсурдная ситуация - льготник, ветеран труда не может пользоваться льготами ни там, ни там! В такой ситуации оказались сотни тысяч человек, но об этом как-то не говорят и не пишут.

Еще одно неприятное последствие. Льготники далеко не всех случаях относились к малоимущим. Но в связи с отвлечением значительных средств из местных бюджетов на вновь введенные РЕДВ, а также необходимостью индексации заработной платы бюджетников в местных бюджетах оказались перекрытыми возможности адресного подхода к социальной поддержке. Сейчас всего в 35 регионах действуют специальные программы помощи малоимущим, то есть фактически программы борьбы с бедностью.

Сильное давление на бюджеты заставляет регионы идти на различные хитрости. Например, сейчас местные власти в лице органов соцзащиты подталкивают пожилых людей к тому, чтобы они получали инвалидность. Инвалиды - это уже зона ответственности федерального центра. В органах медико-социальной экспертизы сформировались очереди на месяцы вперед.

Вывод: монетизация была необходима, но из-за спешки и некомпетентности авторов этой реформы мы получили во многом обратный эффект.

4. Предварительные итоги первой половины текущего десятилетия

Так почему же, подводя предварительные итоги 2000-2006 гг., можно с уверенностью констатировать, что системных сдвигов в социальной политике не обеспечено? Более того, допущены многочисленные ошибки. Причин тому несколько.

- Социальные реформы так и не стали приоритетными в деятельности государства. Основное внимание уделяется финансовой стабильности (снижение инфляции, формирование профицитного бюджета), поддержанию деятельности естественных монополий.
- Несмотря на принятие новой законодательной базы так и не достигнут оптимум в разграничении полномочий в сфере социальной политики и ее финансовом обеспечении между различными уровнями государственной власти и местным самоуправлением.
- Институты гражданского общества (неправительственные организации, профсоюзы, объединения работодателей) из-за своей общей слабости оказались неготовыми к формированию собственных конструктивных предложений в сфере социальной политики.
- Экспертное сообщество оказалось сильно ослабленным из-за отсутствия притока молодых кадров, которые предпочитают заниматься финансовыми и экономическими вопросами, а также из-за косности системы высшего образования, не готовящей специалистов по социальной политике.
- Риторика политических партий, органов законодательной власти сводится к чистому популизму (требования радикального повышения зарплат, пенсий, пособий, объемов финансирования образования, здравоохранения, культуры).

- Как итог: отсутствие полноценного диалога между всеми субъектами, формирующими социальную политику, что предопределило скудость идей, конструктивных предложений, а также привело к получению массы негативных последствий при попытке отдельных реформ (пенсионная сфера, льготы).

Перечень причин, не позволивших сделать социальную политику первой половины этого десятилетия осмысленной, можно продолжить, но уже названные из них дают представление о степени неразработанности даже концептуальных подходов к формированию современной социальной политики.

Все указанные выше проблемы нашли отражение в институте «приоритетных национальных проектов».

В связи с невозможностью дальнейшего механически-фискального наращивания профицита бюджета и Стабилизационного фонда было принято решение выделить специальные средства на решение наиболее острых проблем в образовании, здравоохранении, жилищной сфере и в АПК. Эти сектора действительно требуют особого внимания из-за кризисной ситуации, в которой они находятся. Но оценки показывают, что там необходимы реформы, о необходимости которых в своем Послании 2004 года заявил Президент Путин. Однако содержание национальных проектов не имеет к реформам никакого отношения и представляет собой латание наиболее зияющих дыр, причем зачастую с очень низкой эффективностью.

Приведу пример национального проекта «Здоровье». Для наглядности в таблице 1 представлены: нерешенные задачи отрасли, основные идеи из Послания Президента 2004 года и структура национального проекта.

Таблица 1

<i>Нерешенные проблемы</i>	<i>Послание Президента 2004 года</i>	<i>Национальный проект «Здоровье»</i>
1. Отсутствие стандартов лечения. 2. Неразбериха с разграничением бюджетного и страхового финансирования, а также с установлением приемлемых объемов участия населения в финансировании из собственных средств медицинского обслуживания. 3. Отсутствие четкой и оптимальной этапности оказания медицинской помощи (начиная от профилактики и кончая реабилитацией после стационарного лечения). 4. Экономическая и финансовая несамостоятельность медицинских учреждений. 5. Сверхнормативная изношенность зданий, сооружений и медицинского оборудования. 6. Критически низкая оплата труда медицинских работников.	1. Гарантии бесплатной медицинской помощи должны быть общеизвестны и понятны. По каждому заболеванию должны быть выработаны и утверждены стандарты медицинских услуг с обязательным перечнем лечебно-диагностических процедур и лекарств, а также с минимальными требованиями к условиям оказания медпомощи. 2. Пациентом может оплачиваться только дополнительная медпомощь и повышенный уровень комфортности ее получения. 3. Нужно перейти от сметного принципа содержания медицинских учреждений к оплате за оказанный объем и качество медицинской помощи. Причем такая оплата должна производиться в соответствии с принципами обязательного страхования. 4. Правительство и парламент должны обеспечить правовую базу обязательного медицинского страхования, государственных гарантий медицинской помощи, частной медицинской практики, оказания платных услуг.	1. Укрепление первичного звена (повышение заработной платы участковым врачам, участковым педиатрам, врачам общей практики, а также работающим вместе с ними медсестрам). 2. Повышение оплаты труда работникам «Скорой помощи». 3. Проведение диспансеризации людей, работающих во вредных условиях труда. 4. Выдача родовых сертификатов. 5. Оснащение новым диагностическим оборудованием поликлиник. 6. Закупка новых машин «Скорой помощи». 7. Строительство новых федеральных центров по оказанию высокотехнологической медицинской помощи. 8. Увеличение объемов высокотехнологической медицинской помощи.

Таким образом нынешний этап развития России продолжает оставаться переходным от советской системы к желаемой долгосрочной модели, многие параметры которой все еще не ясны. Однако общемировые тенденции говорят о существенной активизации «человеческого фактора» как неопременного условия общественного

и экономического прогресса, социального благополучия. В этом смысле формирование долгосрочной социальной политики может стать катализатором и многих других трансформаций нынешней российской действительности.

5. Нерешенные проблемы

Какие же вызовы стоят перед социальной политикой? Какие вопросы требуют принципиального ответа?

- Для нынешней социальной политики характерны некомплексность и безадресность, что резко снижает ее эффективность. Все внимание сосредоточено на повышении денежных доходов населения, но при этом регулирование их отдельных элементов (пенсии, пособия, оплата труда в бюджетных отраслях) происходит вне связи друг с другом.

- Внутренне не сбалансирована и политика доходов. Ее слабые звенья - оплата труда в бюджетных отраслях, система семейных пособий, выплат и компенсаций. Неоправданно велика отраслевая дифференциация заработной платы. Около 20 проц. населения не дотягивает до прожиточного минимума, в то время как ежемесячные индивидуальные доходы "верхних" 1-2 проц. населения измеряются миллионами рублей. Массовое сознание не готово принять эти реалии рыночной экономики, что мешает установить социальную и политическую стабильность в обществе.

- Так и не разделены страховые и бюджетные механизмы поддержки доходов населения.

- Неудовлетворительно используются и такие атрибуты социальной политики развитых стран, как организация адресной социальной защиты наименее обеспеченных слоев населения, натуральное безвозмездное вспомоществование малообеспеченным гражданам.

- До сих пор в принципе не решен вопрос, каким образом разумно сочетать элементы платности, льготности, страхования и бесплатности при предоставлении отдельных видов общественно значимых социальных услуг. Именно поэтому не удастся относительно безболезненно для населения изменить организацию образования, здравоохранения и культурного досуга, сформировать и запустить механизмы эффективного использования бюджетных средств в сфере образования, здравоохранения и культуры.
- Остается открытым вопрос: как наилучшим образом разделить ответственность за проведение социальной политики между федеральными, региональными органами власти и местным самоуправлением? Такое разделение затрудняют два обстоятельства: во-первых, отсутствует четкий механизм взаимоотношений между местными и федеральным бюджетами, а во-вторых, не решена принципиально важная проблема роли федеральных и местных властей при проведении социальной политики.

6. Сценарии социального развития России на ближайшие 10 лет

Автор хочет предложить для обсуждения три возможных сценария развития социальной ситуации в России в ближайшие 10 лет.

В качестве исходных позиций при подготовке этих сценариев были взяты крайние позиции: от т.н. англо-саксонского варианта, предполагающего исключительную роль индивида и лишь дополняющую роль государства, до т.н. скандинавского варианта, в котором два этих актора социальной политики поменяли свои места. Думаю, что для России не подходят обе эти крайности. Даже страны, персонифицирующиеся с этими двумя вариантами (например, США, Швеция), к настоящему времени сильно смягчили свои модели. Хотя

при этом все же существенные различия остались. Скорее можно говорить об, условно, «право-» и «лево-центристской» моделях.

Очень важно отметить, что в условиях устоявшейся демократии любая пришедшая к власти политическая партия жестко ограничена в своих действиях коридором между упомянутыми выше «правым» и «левым» вариантами. Уже невозможно даже возвращение к исходным крайностям (англо-саксонского и скандинавского типа). Этому препятствует общество, в котором доминирует (и в электоральном смысле) средний класс, кровно не заинтересованный в каких-либо радикальных социальных пертурбациях. Иногда этот консерватизм даже вреден – возьмите, например, Францию, где практически любые «правоориентированные» намеки на реформы (последний пример – договор первого найма) встречает массовое и открытое сопротивление.

Что выберет Россия?

Прежде всего, важно войти в «коридор стабильности», о котором говорилось выше. Для этого нужно много чего сделать – и не только в социальной политике. Но это тем более важно, потому что над нами довлеет еще недавнее советское прошлое, когда мы 70 лет жили в условиях даже не скандинавской, а реально патерналистской социальной модели с жестким доминированием государства по всем линиям. Очевидно, с таким наследием мы в желанный «коридор стабильности» никак не попадаем.

Но, как это ни парадоксально, в 90-е годы, наряду с попытками построить рыночную экономику и полноценную демократию, в социальной сфере политика по-прежнему строилась на советских принципах государственной заботы обо всем и обо всех. Все наиболее затратные законы («О социальной защите инвалидов», «О ветеранах», «О государственных пособиях семьям, имеющих детей»,

«Об образовании», чернобыльский закон и пр.) были приняты как раз в первой половине 90-х годов. Правда, они и не исполнялись в полном объеме из-за острой нехватки (что и следовало ожидать) бюджетных средств. Да и сейчас, при совершенно других финансовых возможностях российской бюджетной системы, 60% доходных поступлений концентрируется в федеральном бюджете! Чем не продолжающийся советский социальный патернализм, только внешне прикрытый современной фразеологией?

Поэтому выбор возможной траектории построения социальной политики в ближайшие десять лет – вопрос не праздный. Он потребует от вновь избранного Президента и нового же правительства целостной, внутренне непротиворечивой позиции, которая недвусмысленно дистанцируется от затянувшегося сожительства с прошлым и, в то же время, максимально соответствует главной цели – повышению уровня и качества жизни подавляющего большинства жителей России.

Попытаемся начать с «инерционного» сценария, не предполагающего никаких реформ и просто продляющих в будущее сложившиеся ныне социальные тенденции. Тем самым автор попытается проиллюстрировать очень простую мысль: у нас нет другого выбора, чем проводить социальные реформы.

Но какие именно?

Этому посвящены два следующих сценария, условно названных «индивидуалистским» и «общественным». Тем самым подчеркивается ведущая роль соответственно индивида и государства. Оба этих сценария – сконструированные автором намеренно крайние позиции, критический анализ которых позволит выйти на упомянутую выше «право-» и «лево-центристскую» пару, применимую к совре-

менной России. А уж окончательный выбор – за теми, кто придет к власти в стране в 2008 году.

6.1. Инерционный сценарий

6.1.1. Демография.

Рождаемость не претерпит никаких радикальных изменений, так же как и смертность. Миграция в Россию на ПМЖ существенной роли играть не будет. Таким образом, население будет убывать нынешними темпами (700-800 тыс. человек в год) и в 2016 году сократится до 133-135 млн. человек. Продолжится процесс старения населения и уменьшения в нем доли трудоспособных людей.

Размещение населения по территории станет еще более неравномерным: оголение Сибири и Дальнего Востока, концентрация населения в Москве, Санкт-Петербурге, Краснодарском крае, возможно Екатеринбурге, Самаре, Нижнем Новгороде.

6.1.2. Рынок труда.

Общее снижение объема предложения на рынке труда из-за уменьшения количества трудоспособного населения (см. раздел 1.1), а также роста инвалидизации (число инвалидов с нынешних 13 млн. человек может приблизиться к 20 миллионам). Кроме того, нельзя не учитывать: постепенное уменьшение числа трудовых мигрантов из стран СНГ из-за их переориентации на Западную Европу, а также продолжающееся вымывание в западном направлении наиболее перспективных «умных голов» и квалифицированных рабочих из России.

Таким образом, дефицит трудовых ресурсов (и количественный, и качественный – см. раздел 6.1.3) будет все более и более препятствовать экономическому росту и станет основной проблемой российской экономики.

6.1.3. Образование.

Несмотря на дополнительные вложения в укрепление материальной базы общеобразовательных школ, а также попытки механического повышения оплаты труда учителей качество преподавательского корпуса будет продолжать падать (резкое преобладание женщин предпенсионного и пенсионного возраста). Соответственно не удастся переломить имеющуюся тенденцию увеличения разрыва между небольшим числом наиболее продвинутых школ и основной их массой. Результат - ухудшение качества массового школьного образования, еще большее повышение неформальной его платности (взносы в пользу школ и учителей, репетиторство). Такую ситуацию поощряет не критическое отношение к подбору студентов в большинстве вузов, незаинтересованных в уменьшении числа приемных мест.

Развал системы начального и среднего профессионального образования (в частности, в связи с передачей ПТУ и СПТУ в ведение регионов, а также из-за постоянного повышения доступности некачественного высшего образования) еще более обострит дефицит на рынке труда квалифицированных рабочих кадров.

В большинстве вузов еще более обострится дефицит современных преподавателей (особенно экономических, юридических и бизнес-дисциплин). Качество массового вузовского диплома еще более упадет. Для получения настоящего высшего образования наиболее продвинутая часть молодежи будет уезжать на Запад. Экспорт образовательных услуг практически будет сведен к нулю (дополнительный фактор – ксенофобские настроения).

Отсутствие системы доступного дополнительного образования для тех, кто ранее получил образование, приведет к еще большему ухудшению положения на рынке труда людей предпенсионного и

пенсионного возраста, что еще более обострит проблему нехватки сколько-нибудь квалифицированной рабочей силы. Что в свою очередь поставит под сомнение перспективы экономического роста в России.

6.1.4. Здравоохранение.

Продолжится стагнация системы здравоохранения. При этом будет продолжаться процесс разделения этой системы на четыре основные части, предоставляющие следующие типы услуг:

- бесплатная медицинская помощь;
- бесплатная медицинская помощь со значительным объемом неформальных платежей со стороны населения;
- страховая медицина по линии дополнительного страхования (ДМС);
- платная медицина (в т.ч. за рубежом).

При этом максимально быстрыми темпами будут развиваться второй и четвертый сегменты, третий будет существенно ограничен платежеспособностью работодателей и работников, а первый останется только для наименее обеспеченных и маргинальных групп.

Тем самым от качественной бесплатной медицинской помощи будет окончательно отстранено порядка 15-20% населения, для более половины населения (60-65%) доступ к такой помощи будет лимитироваться материальными возможностями и способностью договориться о размерах неформальных платежей. И лишь 10-15% населения смогут пользоваться – через систему ДМС и официальную платность – цивилизованным доступом к высококачественной медицине.

Естественно, что такого рода ситуация не будет положительно отражаться на динамике заболеваемости и смертности населения,

особенно детского и трудоспособного возраста, что еще более обострит проблемы на рынке труда.

Разделение медицины на сектора будет усугубляться и тем, что молодые, а также наиболее подготовленные кадры будут приходить в первую очередь в третий и четвертый из них, даже несмотря на повышение зарплат, связанных с национальным проектом «Здоровье» (например, вместе с повышением зарплаты существенно возрастает объем работы участковых врачей и, наоборот, снижаются возможности подработки за счет совмещения ставок). Тем самым еще более будет ухудшаться ситуация с массовым здравоохранением.

Будет нарастать дифференциация по доступу к качественной медицинской помощи и между регионами, отдельными типами населенных пунктов, городом и селом.

Продолжится распространение таких социально опасных заболеваний как туберкулез и ВИЧ/СПИД, а также психических расстройств.

Таким образом, в среднесрочной перспективе в лучшем случае не произойдет никаких положительных сдвигов в состоянии здоровья основной части россиян, а в худшем случае произойдет его дальнейшее ухудшение. Это поставит под сомнение экономическое благополучие и безопасность страны.

6.1.5. Социальное неравенство.

Описанные выше процессы все больших различий в доступе к качественному образованию и здравоохранению социальных групп населения дополнятся углублением различий в материальном положении россиян.

Официально учитываемая заработная плата различается в десятки раз. Эта ситуация усугубляется сопоставимыми по объему

«серыми» выплатами. Однако в рыночном секторе такое положение во многом объективно связано с разделением на успешный сектор (крупные госмонополии, сырьевой экспорт и обслуживающие его отрасли) и неконкурентоспособный сектор (легкая промышленность, сельское хозяйство, значительная часть машиностроения и оборонки). В тоже время нельзя не отметить так и не устраненные административные и коррупционные препятствия для развития малого бизнеса, доля которого и в ВВП, и в занятости недопустимо мала и не соответствует требованиям современной высокоинтеллектуальной экономики. Но наиболее острая проблема с заработной платой – в бюджетной сфере (образование, здравоохранение, культура), где работодатель – государство и местное самоуправление – пока не нашли оптимальное сочетание между оплатой труда и его результатами. Инерционный сценарий в этой проблематике приведет к маргинализации значительной части рабочей силы (неконкурентоспособные сектора и бюджетная сфера), когда значительная часть занятых (не менее 20-25 миллионов человек) потеряет сколько-нибудь реальные шансы на эффективную занятость и соответствующую ей оплату труда. Государство, опасаясь социального взрыва, вынуждено будет фактически дотировать мизерную зарплату в этих секторах, накладывая на себя дополнительные финансовые обязательства, источником покрытия которых (через налогообложение) в еще большей степени станет конкурентная часть нашей экономики. А это, в свою очередь, сильно обременит эту – успешную – часть, снижая ее возможности для дальнейшего развития.

Массированное социальное обременение грозит конкурентному сектору экономики и в связи с нынешними тенденциями в пенсионном страховании и обеспечении. Рост дефицита Пенсионного фонда во все большей степени покрывается за счет федерального

бюджета. Старение населения и необходимость хотя бы поддерживать достигнутый уровень пенсий рано или поздно приведет к необходимости либо повышения ЕСН, либо «раскупорки» Стабилизационного фонда. Оба варианта прямо противоречат долгосрочным экономическим интересам страны.

Финансовое положение Пенсионного фонда, как уже было упомянуто, не позволяет в обозримой перспективе добиться существенного повышения пенсий. Максимум, на который можно рассчитывать – сохранение нынешнего коэффициента замещения (менее 30%), а также нынешнего реального содержания пенсий. Это означает, что отдельно проживающие пенсионеры, как правило, по-прежнему будут в своей массе относиться к малообеспеченным слоям.

К этим же слоям по-прежнему будут относиться и значительная часть семей с несовершеннолетними детьми. Несмотря на постоянно повышающиеся размеры единовременного пособия при рождении ребенка и пособия по уходу до достижения им возраста 1,5 лет, основной канал поддержки семей с детьми – ежемесячное пособие, выплачиваемое малообеспеченным семьям до достижения ребенком возраста 16 лет (а при продолжении очного обучения – 18 лет), передано в ведение регионов и его размер колеблется всего лишь от 70 до 200 рублей. Это явно недостаточно для сколько-нибудь существенной помощи. Ситуацию усугубляет и то, что ежемесячное пособие зафиксировано только в денежной форме, что не позволяет региональным властям оказывать помощь в натуральной форме, что зачастую предпочтительней в отношении детей из неблагополучных семей.

Как показывают обследования, монетизация льгот практически не повлияла на снижение уровня бедности в России. Это про-

изошло из-за сохраненного категориального подхода к социальной помощи никак не связанного с уровнем дохода семьи льготника. Если и в дальнейшей перспективе в этой сфере ничего принципиально меняться не будет, то размер ежемесячных денежных выплат, введенных для «федеральных» бюджетников и части бюджетников «региональных» будет меняться в лучшем случае на индекс инфляции.

Таким образом, сложившиеся тенденции никак не способствуют снижению в перспективе имеющегося социального неравенства, как в плане доступа к социальным услугам, так и по денежным доходам. Структура российского общества останется без изменений:

1-2% населения - богатые;

15-20% - средние классы (доходы позволяют делать сбережения, широко пользоваться кредитными механизмами, обладать собственной квартирой, автомобилем и дачей, образ жизни предполагает заботу о собственном здоровье, вложение денег в собственное образование и образование детей, участие в программах дополнительного медицинского и пенсионного страхования, отдых за пределами места жительства, активное участие в местном самоуправлении и т.п.);

60-65% - промежуточный слой между средними классами и бедностью (жизнью от зарплаты к зарплате, стесненность в расходах на высококачественные продукты питания и товары длительного пользования, лишь случайный доступ к качественным услугам образования и здравоохранения, высокая вероятность потери доходов и соответственно рисков сползания в бедность);

15-20% - бедность (борьба за выживание, невозможность доступа к качественным социальным услугам);

5-7% - социальное «дно» (беспросветная нищета, окончательная люмпенизация).

Такая социальная структура никак не гарантирует общественную стабильность, не может обеспечить и перелом к лучшему в сфере обеспечения *доверия* в треугольнике «общество-государство-бизнес».

6.1.6. Наиболее общий вывод, вытекающий из описания основных тенденций инерционного сценария: уже в среднесрочной перспективе (5-10 лет) социальные факторы не только будут препятствовать динамичному и качественному экономическому росту, но и поставят под угрозу само существование России как единой и суверенной страны.

Социальные преобразования практически по всем направлениям не просто необходимы, но и жизненно важны.

6.2. «Индивидуалистский» сценарий

Его основные принципы:

- форсированный перенос ответственности за формирование благосостояния трудоспособного человека и его семьи на него же;
- оказание государственной социальной помощи (в т.ч. через предоставление бесплатных услуг образования, здравоохранения и культуры) только тем одиноким людям и семьям, доходы которых ниже прожиточного минимума по объективным причинам (прежде всего нетрудоспособность и наличие большого числа несовершеннолетних детей), а также – на незначительный период – официально зарегистрированным безработным.

6.2.1. Рынок труда.

Прекращение любой (прямой или косвенной) поддержки неконкурентоспособных предприятий с соответствующим высвобождением занятых там работников. Существенное сокращение занятости в бюджетной сфере. Резкий рост нагрузки на центры занятости, быстрый рост официально зарегистрированной безработицы (до 10-

15% от трудоспособного населения). Поиск демпфирующих механизмов: массированные программы переобучения, повышения квалификации, ограниченные по времени налоговые преференции работодателям, создающим новые эффективные рабочие места, всемерная поддержка малого бизнеса (длинные налоговые каникулы, жесточайшее преследование любых проявлений коррупционного и административного давления).

Выплата пособий по безработице только в случае невозможности участия безработного в активных программах. При этом пособие выплачивается только очень ограниченное время (несколько месяцев) и его размер не составляет конкуренции даже скромной зарплате.

Внутренняя миграция выпадает из сферы интересов государства, но внешняя трудовая миграция жестко регулируется, исходя прежде всего из квалификационных требований.

6.2.2. Образование.

Происходит фактический переход к платности образования на всех уровнях, включая общеобразовательную школу. Претендовать на бесплатное среднее образование могут только дети из малообеспеченных семей, бесплатное высшее образование возможно за счет либо кредитов, либо дотаций из частных благотворительных фондов.

Образовательные организации трансформируются в автономные учреждения и автономные некоммерческие организации, часть из них (особенно вузы) – приватизируются (становятся открытыми акционерными обществами). Происходит сокращение количества мест в школах и вузах (прежде всего в связи с демографией, а также более жесткой увязки с требованиями рынка труда) и сопутствующее этому уменьшение численности занятых в образовании (на 25-

30%), при этом у оставшихся существенно повышается заработная плата (в общем по отрасли – до средней по всей экономике России).

Для значительной части молодежи появляется очевидный барьер (отсутствие средств для обучения) в получении полноценного среднего и тем более высшего образования. Тем самым появляется человеческий резерв для обучения (за счет средств бизнеса) и затем трудоустройства по рабочим специальностям.

6.2.3. Здравоохранение.

Произойдет окончательный разлом на три упомянутые выше (1.4) сектора. При этом произойдет их легализация. Прямое бюджетное финансирование станет очень небольшим и направленным только на отдельные объекты здравоохранения (например, травмпункты, станции переливания крови, примитивные поликлиники и больницы). Основное финансирование здравоохранения сместится в сторону добровольного медицинского страхования (обязательное медицинское страхование останется – но в очень небольших размерах и за счет отчислений из зарплаты работника, платежи за неработающее население будут отменены) и прямой платности услуг. Тем самым существующая ныне дифференциация доступа к качественным медицинским услугам будет окончательно закреплена. Несмотря на общий рост доходов, значительные слои населения (не менее 20-25%), лишенные этого доступа, будут охвачены преждевременной хронической заболеваемостью, приводящей либо к ранней смерти, либо к инвалидизации.

Так же как и в образовании, произойдет снижение занятости в здравоохранении (примерно на 20-25%), а также переход большинства объектов на другие организационно-правовые формы (автономные учреждения, автономные некоммерческие организации, открытые акционерные общества). В рамках этой реформы произойдет

общее повышение зарплаты в медицине до средних значений по всей экономике России.

6.2.4. Социальное неравенство.

За счет закрытия неэффективных, неконкурентоспособных рабочих мест заработная плата в экономике существенно вырастет. Это позволит возложить на нее дополнительные функции по удовлетворению социальных потребностей (оплата услуг образования и здравоохранения за счет разнообразных страховок или прямых платежей, пенсионное страхование).

В отношении тех категорий населения, которые не будут иметь таких возможностей, будут введены программы типа американских Medicare и Medicaid. Но их масштаб будет охватывать не более 15-20% населения (малообеспеченные семьи и одиночки).

Будут всячески поощряться индивидуальные пенсионные планы, рассчитанные на добровольные отчисления из заработной платы с размещением этих средств в негосударственных пенсионных фондах и частных управляющих компаниях. В отношении же нынешних поколений пенсионеров будет проводиться политика индексации размеров пенсий максимум на индекс инфляции. Это приведет к еще большему снижению коэффициента замещения (отношение средней пенсии к средней оплате труда) – до 20-25%. Лишь в долгосрочной перспективе (не менее 40-50 лет) с вступлением в пенсионный возраст работников со значительными индивидуальными пенсионными накоплениями коэффициент замещения может стабилизироваться, а затем и начать повышаться. Скорее всего пенсионный возраст будет повышен не менее чем до 65 лет для мужчин и 62-63 года для женщин.

Объем помощи семьям с детьми будет стабилизирован и переориентирован в основном на малообеспеченные семьи.

Если характеризовать изменения в социальном неравенстве, то наиболее радикальные изменения произойдут в положении средних доходных слоев. Большая их часть, видимо, улучшит свое благосостояние прежде всего за счет более эффективной занятости и составит дополнительную базу для расширения среднего класса. В то же время не уменьшатся полюса неравенства – наиболее обеспеченные 1-2 % (возможно увеличение до 3-5%) и малообеспеченные 10-15% населения. Но состав бедных слоев существенно поменяется за счет ухода оттуда работающих людей и притока одиноких пенсионеров (семей пенсионеров).

Некоторое влияние на уменьшение масштабов неравенства может сыграть перераспределение в пользу местного самоуправления налоговых доходов, что позволит реализовывать точечные, адресные программы оказания помощи наименее социально защищенным слоям.

6.2.5. Доверие.

Описанные выше социальные изменения носят радикальный характер и затрагивает материальные интересы практически всех общественных групп. Поэтому их реализация натолкнется на массовое общественное неприятие: люди не хотят рисковать, особенно если у государства в исходном пункте (2007-2008 гг.) имеет явный избыток нефтяных и подобных доходов. Объяснить тем, кто еще имеет шанс существенно поднять свое благосостояние за счет фактически принудительных увольнений и последующего перехода на новые рабочие места, очень сложно. Зачастую люди предпочитают получать мизерную зарплату в условиях стабильной, неконкурентной занятости перед высокой зарплатой, но требующей постоянного соревнования на рынке труда.

Такое же общественное неприятие вызовет и фактическое обеднение пенсионеров и сворачивание сектора бесплатных социальных услуг.

Слой удовлетворенных этими изменениями может начать расширяться только через несколько лет после начала реформ, если окажется, что первоначальные страхи и риски во многом надуманы. А для этого требуется три обстоятельства:

- профессионализм в проведении реформ;
- сильная политическая воля руководителей страны;
- легитимация реформ Государственной Думой и законодательными органами на местах, что придает особое значение результатам предстоящих выборов 2007 и последующих годов.

Тем не менее, нельзя исключить вероятности массовых социальных волнений и попыток изменить политический ландшафт в стране со стороны целого ряда вновь возникших партий и движений. В этих условиях, как это ни парадоксально, идея общественного договора, как компромисса между государством и обществом, может встать в повестке дня. Однако при этом у власти появляется очень сильный риск отступления от заявленных принципов в обмен на самосохранение. В таком случае «индивидуалистический» вариант социального развития станет невозможен и под давлением популистских сил страна может пойти по противоположному пути, сценарий которого весьма условно может быть назван «общественным».

6.3. «Общественный» сценарий

Его основные принципы:

- интенсификация участия государства в перераспределении денежных доходов от богатых к бедным;

- стремление обеспечить бесплатные минимальные социальные стандарты в области образования, здравоохранения и культуры всем гражданам России независимо от уровня доходов семьи;
- рост бюджетных расходов на социальные цели как в абсолютном, так и в относительном измерении (в случае, если сохранится благоприятная экспортная конъюнктура);
- стимулирование участия в социальной политике профсоюзов и других неполитических общественных организаций.

6.3.1. Рынок труда.

Акцент делается на поддержке безработных, а не на выбраковывание неэффективных рабочих мест. Промышленная политика (сформулированная как одно из направлений государственной политики) направлена на массированные государственные инвестиции в экономику с ее нынешней структурой. При этом консервируется и структура занятости.

С занятостью в бюджетной сфере практически ничего не происходит (см. инерционный сценарий), кроме попыток существенного повышения заработной платы.

6.3.2. Образование.

Предпринимается попытка фактического возврата к бесплатному общему и высшему образованию за счет установления и финансирования из бюджета высоких минимальных социальных стандартов. Единственное исключение – вузы, где лоббизм ректоров позволит оставить им широкие возможности набора и на платные места. Система непрерывного образования будет носить формальный характер в связи с низкой степенью конкуренции на рынке труда.

Заработная плата в отрасли образования существенно вырастет, но не достигнет среднего уровня по всей экономике России (75-80%).

Остается открытым вопрос о повышении качества предоставляемых услуг.

6.3.3. Здравоохранение.

Так же, как и в образовании, будут сформированы высокие минимальные социальные стандарты, требующие увеличения финансирования здравоохранения в 1,5-2 раза. В этой связи роль обязательного медицинского страхования уменьшится. Дополнительное медицинское страхование не приобретет широкого охвата, ограничившись лишь «социальными пакетами» на крупных фирмах. Платное здравоохранение будет узаконено только для ограниченного числа услуг.

Заработная плата в отрасли здравоохранения существенно вырастет, но не достигнет среднего уровня по всей экономике России (75-80%).

Остается открытым вопрос о повышении качества предоставляемых услуг.

6.3.4. Социальное неравенство.

Социальное неравенство уменьшится за счет обеспечения доступа к услугам образования и здравоохранения (однако остается вопрос о качестве этих услуг), а также введения прогрессивной шкалы подоходного налога, налогов на землю и недвижимость. Кроме того, будут предприняты специальные меры по повышению пенсий за счет прямых финансовых вливаний из федерального бюджета и даже, возможно, Стабилизационного фонда. Так же существенно возрастут и социальные пособия, причем только часть из них будет носить адресный характер.

Необходимо отметить, что все эти меры возможны только при обеспечении устойчивого экономического роста и конкурентоспособности экономики. Но будут ли они способствовать этому? Здесь

требуется окончательная ясность во взаимоотношениях социальных и экономических факторов развития (что первично и что вторично и есть ли обратная связь? инфляция? и т.п.).

Кроме того, усиление перераспределительных тенденций может привести к уходу в тень значительной части бизнеса, а также оттоку капитала за рубеж.

6.3.5. Доверие.

Безусловно, меры по наполнению бюджетным финансированием социальной сферы, улучшению текущего пенсионного обеспечения будут поддержаны ощутимым большинством населения. Этот эффект будет еще более усилен вовлечением в освоение бюджетных средств общественных организаций, некоторым расширением финансовых возможностей местного самоуправления (радикального поворота здесь не произойдет в связи с продолжающими играть ведущую перераспределительную роль федеральными властями).

Бизнес будет вынужден идти на серьезные уступки в коллективных договорах, особенно в части повышения оплаты труда. Это потенциально увеличивает издержки производства до той степени, когда конкурентоспособность отечественных производителей может быть серьезно подорвана.

6.3.6. В целом говоря «общественный» сценарий может рассчитывать на преимущественную поддержку среди населения, особенно если он будет оснащен популистскими обещаниями. Однако необходимо отметить, что успех его реализации напрямую связан с мировой экономической конъюнктурой. Если еще 10-20 лет России будет сопутствовать удача с ценами на нефть, газ, другое сырье, то «общественный» сценарий получает источники для своего осуществления. Если же мировая экономическая ситуация станет неблаго-

приятной для России, то тогда, видимо, спасительным выходом станет «индивидуалистический» сценарий.

Так как никто не может с уверенностью дать прогноз на такую исторически длительную перспективу, то, очевидно, что при принятии решений в области социальной политики в предстоящие 10 лет нужно действовать решительно, но таким образом, чтобы вовремя переключиться на сценарий, в силу меняющихся обстоятельств оказавшийся наиболее выгодным.

При этом не исключено, что на протяжении ближайших нескольких десятилетий придется неоднократно менять предпочтения. Главным критерием выбора должно быть достижение максимально полного эффекта повышения уровня и качества жизни, а также необратимость этих достижений, независимо от дальнейших маневров (если, конечно, России не случится свалиться в историческую «черную дыру» новых диктатур).

Предстоящие выборы и динамика социальных перемен

В России, как и любой другой стране мира, парламентские выборы, а уж тем более выборы главы государства – это возможность обществу и политическому классу подвести итоги развития страны, осмыслить проблемы, с которыми она сталкивается, сформировать цели и задачи на будущее. Потребность в этом, несмотря на то, что времени до следующих выборов еще много, становится все более отчетливо выраженной. Тем более что процессы, происходящие в обществе, особенно последние пять-шесть лет, дают пищу для самых разных интерпретаций и оценок.

Так, судя по исследованиям ВЦИОМ¹, как и других социологических центров, в российском обществе последние годы действуют по меньшей мере две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, это преодоление кризиса, в том числе и социально-психологического. Страхи, которые довели над страной десять-пятнадцать лет назад – распада страны, гражданской войны, экономического коллапса и т.д. – остались в прошлом. Заметно снизилась угроза терроризма, а «чеченский фактор» постепенно перемещается на периферию общественного внимания.

В эти годы также достаточно быстрыми темпами шло формирование среднего слоя. Сегодня к нему по разным оценкам можно причислить от трети до 40% занятого населения страны, а по самооценкам эта доля еще выше. Если в 1999 году по уровню материального положения относили себя к среднему слою чуть более трети россиян (37%), то сегодня их число достигло 59% (см. рис. 1 Приложения).

¹ В настоящем материале использованы результаты общероссийских социологических исследований ВЦИОМ за 1999-2006 гг.

Также заметно возросла доля россиян, которые могут позволить себе приобрести вещи длительного пользования; по сравнению с 1999 годом, их стало больше в 3 раза (рост с 4 до 12%), а тех, кто не испытывает проблем с обеспечением своей семьи продуктами и одеждой, стало больше вдвое (рост с 21% до 42%).

Безусловно, указанная группа и слои – это еще не средний класс в общепринятом смысле. Тем не менее, процесс роста его численности и влияния на общественную жизнь идет по нарастающей². С этой точки зрения еще недавно бытовавшее мнение в некоторых российских и зарубежных экспертных кругах о России как стране бедных, инертных людей, у которых доминируют патерналистские установки и ориентации, уже не соответствует действительности. У нас по-прежнему много бедных и еще больше малообеспеченных. Но, похоже, уходит в прошлое позорный для любой цивилизованной страны тип бедности – бедности здоровых, образованных, а главное много работающих людей – учителей, врачей и других «бюджетников».

Одновременно все более определенно проявляет себя контртенденция, являющаяся в значительной степени обратной стороной тех общественных перемен, которые произошли в стране за последние 5–6 лет. Политическая и социальная стабильность сама по себе перестает восприниматься значительной частью населения, прежде всего, молодежью, как приоритетная ценность, а выход страны из экономического кризиса резко повышает планку общественных притязаний, главным образом, активных слоев населения. Тем более,

² По данным исследований Института социологии РАН «Городской средний класс в современной России», доля среднего класса в составе взрослого городского населения на конец 2006 г. составила 20-22%, а в городах-миллионниках – 28%. Еще около трети взрослого городского населения составляет так называемая «периферия» среднего класса, представителям которого – для полного соответствия собственно среднему классу – не хватает либо образования, либо уровня доходов, либо самооценки социального статуса.

что в последнее время появились элементы застоя в возможностях социальной мобильности, угасания стимулирующей роли стратификационного фактора.

Как результат, основные индикаторы социального самочувствия населения (адаптированность к переменам, уровень материального положения, оценка своих перспектив на будущее) либо остаются неизменными, либо показывают позитивную динамику, в то время как показатели уровня удовлетворенности жизнью практически не растут. Более того, по сравнению с 2004 годом, когда на второй срок был избран президент В. Путин, эти показатели даже несколько снизились (см. рис. 2).

Иначе говоря, динамика общественных ожиданий начинает «обгонять» динамику экономических и социальных перемен. Но дело не только в этом. Резкое увеличение числа людей, способных к активному потреблению, причем не только товаров, но и качественных услуг, застало врасплох нашу государственную систему. И, прежде всего, ее социальные институты, которые совершенно не в состоянии удовлетворить «возрастающие потребности трудящихся». Большинство предлагаемых сегодня государством социальных услуг – либо откровенно низкого качества, либо не доступны по цене даже для людей со средним достатком. Все менее доступными становятся не только качественное жилье, но и качественные медицинские и образовательные услуги, отдых и многое другое.

Неслучайно, ситуацию в сфере образования как скорее хорошую оценивают 39 % россиян, как плохую 53 %, в сфере здравоохранения 29 % и 67 % соответственно, а в жилищной сфере ситуация в глазах общества выглядит и вовсе провальной. Со знаком плюс ее оценивают 15 % опрошенных, со знаком минус – 78 % (см. рисунок 3).

Ход реализации национальных проектов, по крайней мере пока, не смог переломить ситуацию. Среди видимых позитивных сдвигов респонденты отмечают в основном материально-технические аспекты реализации этих проектов (улучшение финансирования поликлиник, больниц, школ; поставку оборудования, техники и т.п.). Гораздо скромнее оцениваются такие аспекты, как, например, рост доступности медицинской помощи, повышение качества обслуживания пациентов в больницах и поликлиниках и т.д. Скажем, сегодня в Москве и некоторых других городах даже за хорошие деньги крайне сложно получить хорошее лечение и уход за пожилым человеком или устроить ребенка в детский сад.

Что же касается ситуации с жильем, то обманутые «дольщики» это лишь часть айсберга, когда казалось бы вполне благополучные люди, которые много работают, неплохо зарабатывают, но тем не менее не в состоянии решить эту проблему. В результате, даже те люди, у которых есть свободные средства, в большинстве своем, стремятся тратить их либо откладывать, что называется, на «черный день». Бум потребительского кредитования, отсутствие у большинства россиян сберегательных стратегий, является обратной стороной сложностей с «инвестициями в будущее» для очень большого числа наших сограждан. Одна из причин этого – кризис доверия, начиная от финансовых институтов и заканчивая государственными органами. «Жить сегодняшним днем», не строя планов на будущее – это и есть главный симптом такого недоверия. При чем это относится не только к средним слоям населения, о которых речь шла выше, но и об обществе в целом.

Не спадает и острота и напряженность многих стоящих перед страной конкретных проблем, прежде всего, социальных. Причем, судя по результатам исследований, россияне достаточно определен-

но разводят круг общенациональных проблем, которые важны для страны в целом, и проблемы, актуализированные в личном плане.

Так, наибольшую тревогу для страны в целом вызывают такие проблемы, как рост алкоголизма и наркомании (66%), инфляция и рост цен (55%), терроризм и преступность (43 и 36% соответственно). В личном плане россиян беспокоит, прежде всего, все та же инфляция (55%), кроме того, пенсионное обеспечение (34%), безработица (33%) и ситуация в сфере жилищно-коммунального хозяйства (32%). От 24 до 27 % опрошенных тревожит ситуация в сфере здравоохранения, преступность и снижение уровня жизни. Алкоголизм и наркомания, рассматриваемая россиянами как проблема национального характера номер один, в личном плане беспокоит в два раза меньше опрошенных. То же самое можно сказать о терроризме и таких проблемах, как влияние олигархов на экономическую и политическую жизнь страны, состояние морали и нравственности и некоторых других (см. рис. 4).

То есть в обществе есть понимание того, что в стране существуют проблемы, которые, возможно, напрямую не затрагивают каждого отдельного человека, но, тем не менее, влияют на общее состояние дел в России, на социально-психологическое состояние ее граждан, не решив которые очень трудно двигаться вперед. Тем более что многие из них носят застарелый характер, и позитивных сдвигов в их решении пока не просматривается. Исследования показывают, что проблемы, беспокоящие наших сограждан, находятся в прямой зависимости от того, насколько, по мнению респондентов, меняется ситуация в той или иной сфере российской действительности. И здесь респонденты настроены крайне критично. Лишь по двум позициям отмечается превышение положительных оценок над отрицательными. Это – положение России в мире и реализация на-

циональных проектов. По всем же остальным негативные оценки преобладают, причем наибольшее ухудшение фиксируется в отношении ситуации с ростом цен, алкоголизмом и наркоманией, преступностью, состоянием морали и нравственности, ситуацией в сфере ЖКХ и экологией. По всем этим позициям ухудшение отметили более половины опрошенных (см. рис. 5).

Тот факт, что с большим отрывом в перечне проблем, волнующих население, лидируют инфляция (то же самое мы наблюдали в 2003 году накануне предыдущих парламентских и президентских выборов), является отчетливым сигналом власти, что их действия по повышению жизненного уровня населения практически нивелируются ростом цен на различные товары и услуги, тарифов, ростом стоимости жизни в целом. Такое положение воспринимается крайне болезненно всем обществом, но в первую очередь низкодходными группами населения. В частности, рост цен на товары и услуги в качестве наиболее тревожной проблемы называют сегодня 58% респондентов, оценивающих свое материальное положение как плохое. Тарифы ЖКХ волнуют сегодня практически все группы и слои населения, как и проблема наркомании и алкоголизма, беспокоящая, причем в равной степени, представителей самых разных социальных групп – молодежь и пожилых, бедных и состоятельных, высоко и мало образованных.

Особо следует отметить обеспокоенность многих россиян, причем в личном плане, проблемой безработицы. Это несколько неожиданно, учитывая, что даже на пике экономического кризиса 90-х годов безработица в России не достигала критического уровня. К началу 2006 г. она составляет, по данным Госкомстата, 1 млн. 830 тысяч человек (официально зарегистрировавшихся на биржах труда), т. е. чуть больше 1% взрослого трудоспособного населения. По-

нятно, что есть еще скрытая, латентная безработица, заметно превышающая этот показатель. В целом, по данным того же Госкомстата, число безработных в стране с учетом как зарегистрированных, так и незарегистрированных безработных составляет 5 млн. 200 тысяч человек. Примерно такое же соотношение фиксируют и данные последних опросов ВЦИОМ. Среди неработающих россиян, составляющих сегодня 44 % населения страны, доля безработных сравнительно невелика – 11% (из них 3% зарегистрированных и 8% незарегистрированных). Чем же тогда объясняется обеспокоенность многих наших сограждан этой проблемой? Здесь несколько причин: во-первых, несмотря на экономический рост, число безработных в стране если и сокращается, то незначительно; во-вторых, сравнительно невысокий уровень безработицы резко увеличивается в отдельных социальных группах и слоях. Так, среди жителей села более половины не имеет постоянной работы, то же самое можно сказать и о поселках городского типа. Высок уровень латентной безработицы в Южном федеральном округе и, прежде всего, в республиках Северного Кавказа. И в-третьих, пожалуй, главная причина существующих опасений состоит не столько в отсутствии работы, сколько в боязни ее потерять или не найти, если речь идет о молодежи. Неслучайно, самый высокий уровень опасений по поводу безработицы демонстрирует молодежь в возрасте 18–24 лет (42%) и женщины-домохозяйки (53%) среднего и старшего возраста, для которых проблема трудоустройства представляет серьезную проблему.

По сравнению с выборами 2003 года, наоборот, несколько ослабла обеспокоенность россиян угрозой терактов, так как за последние два года в России (после бесланской трагедии) масштабных терактов не происходило, меньше стала интересоваться чеченская проблема. Широко обсуждаемые в настоящее время значительной ча-

стью российской и зарубежной элиты проблемы – ослабление позиций России в мире, «охлаждение» отношений нашей страны с Западом, ограничение демократических прав и свобод – внимание россиян привлекают гораздо меньше. Для страны в целом проблемы демократии и места России в мире актуализированы для 17 и 13% опрошенных. В личном плане – для 11 и 6% соответственно.

Тот факт, что проблема демократии мало актуализирована в массовом сознании, многими аналитиками интерпретируется по-разному. Одними – как возвращение политического процесса в свои «естественные пределы», когда демократические институты и процедуры становятся частью повседневности, а политическая жизнь уже не вызывает экзальтированного интереса, характерного для драматических, переломных моментов жизни нации. Для других такая стабилизация символизирует только новый застой и стагнацию общественной активности, отказ масс от ценностей демократии и ее институтов.

Истина, как всегда, лежит где-то посередине. Несомненно, давно прошли те времена, когда политические баталии вызывали неподдельный интерес, а лидеры политических партий были кумирами миллионов людей. Появилась и получила признание «частная жизнь». Граждане получили свободу выбора между участием и неучастием в политике. Воспользовавшись этим правом, большую часть своей жизненной энергии они направляют на работу, образование, семью, детей, ближний круг, творчество, досуг и т.п.

При этом, у россиян еще с перестроечных времен укоренилась приверженность к таким ценностям и институтам, как наличие свободы слова и СМИ, свободы выбора, предпринимательства, свободы передвижения и т. п. Сохранилось и позитивное отношение к демократии как к оптимальной и самой передовой модели обществен-

ного устройства. И все это несмотря на то, что её становление происходило отнюдь не в тепличных условиях распада СССР, войны на части территории страны, террористических атак, экономического кризиса и т.д. Учитывая это, нельзя не признать мифом тезис о якобы отторжении российской почвой демократических ценностей и институтов, существующей между Россией и Западом «ценностной пропасти» и т.д.

Однако прошедшие годы, благоприобретенный политический и социальный опыт научили россиян видеть разницу между нормативной моделью демократии (что и как должно быть) и тем, какие формы она обрела в нашей реальности. Результатом стала «прагматическая селекция», т. е. отбор слагаемых демократии, в которых либо есть реальная заинтересованность, либо тех, которые в последнее время оказались в дефиците.

Прежде всего сюда относится весь комплекс социально-экономических прав и свобод; равенство всех граждан перед законом, независимость суда; возможность политического самовыражения и высказывания мнений. Как результат, в массовом сознании укоренилось представление о демократии как такой системе организации общественной жизни, которая призвана обеспечить, во-первых, законность и правопорядок и, во-вторых, реализацию социально-экономических прав граждан.

Ни того, ни другого наша демократия сегодня, по мнению респондентов, не обеспечивает. И поэтому, оценивая практическую реализацию «российского демократического проекта», они далеко не так строги, как некоторые зарубежные и близкие внутренние наблюдатели, но достаточно критичны. Лишь 15% опрошенных полагают, что Россия уже стала демократической страной. 37% считают, что «переходный период» еще не завершен, но мы уже близки к цели. А

33% придерживаются той точки зрения, что наша страна сегодня также далека от демократии, как и во времена СССР.

При этом, вопреки широко распространенному мнению, «искушением» авторитаризмом Россия уже переболела в середине – конце 90-х, а еще раньше – пережила испытание «повседневностью», когда люди, принявшие демократию на «ура» идеализировавшие ее, испытывали настоящий шок, по мере того, как она трансформировалась в реальность. Сегодняшнее российское общество волнует совсем другое, а именно – наполнение демократии новым социальным, этическим и правовым содержанием.

Итак, если говорить о «повестке дня» будущей избирательной кампании, почти наверняка в центре внимания окажется социальная, в широком смысле, тема. Причем, наряду с проблемами уровня и качества жизни, с решением социальных проблем в отдельных областях и сферах жизни общества (здравоохранение, образование и т. д.), также будет активна проблема преодоления высоко уровня социальной дифференциации, противоречия между богатыми и бедными.

Не только исследования, но и реальная практика свидетельствует, что разрыв между доходами бедных и богатых в России остается по-прежнему огромным. Доходы 10% самых состоятельных россиян в 7 раз превышают совокупный доход самых бедных слоев населения. К такому выводу пришли, например, эксперты Всероссийского центра уровня жизни (ВЦУЖ). Сегодня, по данным этого центра, россияне, чьи доходы не превышают минимального прожиточного минимума, составляют 13,4% населения. Но на долю этих граждан приходится всего 3% доходов. А самых высокообеспеченных у нас в стране 7,8%, но в их карманах оседает более трети всех доходов россиян (см. таблицу 1).

Эта ситуация беспокоит сегодня практически все слои, группы российского общества. В чрезмерной социальной дифференциации россияне видят главную угрозу российской демократии. Так, только за последние 2 года, с 30 до 45 % увеличилось число тех, кто на первое место среди угроз демократическим завоеваниям ставит бедность населения, высокий уровень социальной дифференциации (см. рисунок 6).

Пока это противоречие не трансформировалось в острый классовый конфликт, поскольку в нашей стране практически нет прямых форм эксплуатации наемных работников «капиталистами». Скорее наоборот, уровень зарплат и «социальный пакет» в частном секторе, как правило, выше, чем на государственных предприятиях и уж тем более в бюджетной сфере. Вообще было бы неправильным указанное противоречие сводить к материально-имущественной стороне дела, как проявление неприязни бедных, малоимущих к своим более успешным согражданам. Россияне, называя противоречие между богатыми и бедными в качестве определяющего, возможно интуитивно, но очень четко фиксируют новые линии социального противостояния, социокультурного раскола – между культурой, образом жизни «социальных верхов» и культурой массовой, «срединной». «Куршевельский казус» высветил эту проблему со всей определенностью. Россияне, и прежде всего средние слои, тратя массу жизненной энергии на поддержание сносных условий жизни для себя и своих семей, шокированы сверхгедонистским образом и стилем жизни новой российской элиты, болезненно переживают и обращают к власти недоуменные вопросы: как в нашей пока еще очень бедной и далеко не самой развитой стране может происходить такое? В любом демократически организованном обществе консенсус по поводу принципов гражданской морали (civic morality) является необ-

ходимой предпосылкой для нормального функционирования общества, а законопослушание и следование общепринятым моральным ценностям – одной из важнейших предпосылок социальной мобильности и успешных практик.

В России все чаще проявляется обратная зависимость, что многим представляется как аморальным, так и несправедливым. Многие люди сегодня просто не знают, как, каким образом конвертировать опять, знания, квалификацию, а также приверженность к моральным ценностям в материальный достаток и карьерный рост. В том числе и потому, что в сознании россиян понятия успех и мораль не соединимы. Отсюда – жизнь по принципу «вы нас не трогайте, и мы вас трогать не будем», организовывать в своем непосредственном окружении социально-экономические ниши, в которых можно чувствовать себя более-менее комфортно. Интерес значительной части населения к общественной и политической жизни страны, востребованность легальных форм политического участия год от года снижается. Самое тревожное здесь – это падение интереса к выборным механизмам легитимации власти. Параллельно идет процесс деидеологизации общества, который порождает ситуацию идейного вакуума. Это, в свою очередь, может создать и уже создает предпосылки для широкого и быстрого распространения радикальных идеологических воззрений.

Следующей по остроте и значимости проблемой современной российской действительности, которую вряд ли удастся обойти в ходе предстоящих выборов, является проблема возрастающего напряжения между обществом и властью и, прежде всего, чиновничеством. Высокий уровень поддержки президента страны не должен вводить в заблуждение. В массовом сознании президент не является частью власти, он – над ней, олицетворяя «хорошее государство»,

которое вместе с обществом противостоит коррумпированному чиновничеству, неприязнь к которому начинает затмевать неприязнь к олигархам. Ситуация усугубляется еще и тем, что высшее чиновничество и крупный бизнес уже начинают восприниматься обществом как закрытый, оторванный от национальной почвы анклав постсоветской элиты, которая тем не менее определяет настоящее и будущее страны. Неслучайно, в иерархии угроз вторую позицию занимает процесс сращивания высшей бюрократии и олигархии. Причем, и в данном случае заметно растет доля россиян, считающих именно так. В 2004 году их было 15%, в 2006 – 24%.

Многочисленные попытки борьбы с коррупцией, создание специальных антикоррупционных ведомств и комиссий пока не приносят существенных результатов. По мнению ряда исследователей феномена российской коррупции (Г. Сатаров и др.), она приобрела системный характер, и ее не возможно победить чисто административными мерами. Это сложный, многофакторный процесс, в значительной степени определяемый и неэффективностью нынешнего российского государства, и особенностями общественного менталитета и политической культуры. Кроме того, меняющиеся социально-экономические и политические условия жизни общества постоянно обновляют «коррупционное поле» социальных взаимодействий, вводя в него новые действующие лица – объекты и субъекты коррупции. Причем лишь единичные факты коррупции становятся достоянием общественности, что в свою очередь приводит к мифологизации этого социального явления.

Общество рассчитывало, что Путину удастся «равно удалить» как олигархов, так и чиновников. Надежды на это оправдались лишь отчасти, так же как и надежды на решительное наступление на бедность. Несмотря на возросшие экономические возможности государ-

ства, в России никто, в том числе и президент, всерьез не ставил вопрос о формировании того, что принято называть «обществом всеобщего благосостояния» или «обществом равных возможностей», как о цели посткоммунистической трансформации России. В. Путин ограничился паллиативным вариантом «национальных проектов», которые сами по себе безусловно есть шаг вперед, но не могут стать «сверхидеей», которая могла бы консолидировать общество. Между тем, идея общего блага востребована в России во все времена, в том числе и в настоящее время. Концепт «общества всеобщего благоденствия» и соответствующая ему практика актуальны для России еще и потому, что позволят преодолеть как последствия «командного социализма», так и «дикого капитализма» 90-х, хотя бы в какой-то степени легитимировать базовые принципы рыночной экономики. Ведь ни для кого не секрет, и это подтверждают все опросы, что сложившаяся в России экономическая система воспринимается населением как чуждая и глубоко не справедливая.

Критические аргументы, согласно которым во многих странах Западной Европы «общество всеобщего благосостояния» усиливает иждивенческие патерналистские настроения в обществе, вряд ли применимы к современной России. Возможно, лет через 30–40, когда уровень доходов и социальной защиты населения приблизится к европейским образцам, можно всерьез начать разговор об издержках «социального государства». Что же касается настоящего времени, то, судя по результатам исследования, у наших сограждан нет каких-то особых завышенных притязаний, в том числе и к государству. Большинство из них (54%) хотели бы иметь небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне, а много работать и хорошо зарабатывать (даже без особых гарантий на будущее) – в два раза меньше - 26% опрошенных. И лишь 12% настроены на богатст-

во, собственный бизнес. В этих условиях крайне важным представляется, во-первых, признание фактора многообразия России, многоукладности, многосоставности ее социальной структуры, и, во-вторых, не декларативное, а реальное обеспечение гражданам такой свободы выбора, когда индивиды, имеющие разный социальный опыт, разную систему ценностей, разные жизненные стратегии, могли бы сами выбирать сферу и способы приложения своих усилий.

Наконец, третья группа противоречий и проблем связана с ситуацией в сфере межнациональных отношений и ростом радикализма и экстремизма. Только за последний год в стране было совершено несколько громких преступлений на почве национальной, религиозной и политической неприязни, получившие широкую огласку и острую реакцию общественности. При этом рост экстремизма происходит на фоне заметного улучшения экономической и социальной ситуации в стране. Это говорит о том, что современная Россия уже не может быть отнесена к странам, экстремизм в которых «напрямую» детерминирован политической нестабильностью, и экономическим и социальным кризисом, а во все в большей степени начинает определяться факторами, традиционно присущими развитым странам и вытекающими из самой природы любого развитого капиталистического общества. Прежде всего – неравенством экономического распределения, когда люди винят в своих социальных несчастьях богачей, инородцев и т. д. Сказывается и то, что в «переходных обществах», где нет устоявшейся системы ценностей, где люди разобщены и предоставлены самим себе, где крайне сложно провести демаркацию между действительным стремлением людей, скажем, к свободе, равенству, национальному или религиозному возрождению и – откровенно экстремистскими действиями. Неслучайно подавляющее большинство сегодняшних россиян весьма смутно пред-

ставляют себе, что такое политический экстремизм и кто такие экстремисты.

Но главная опасность, безусловно, исходит от стихийного немотивированного и практически никак идеологически не окрашенного экстремизма людей, доведенных до отчаяния, как это было в Кондопоге. Эти события отчетливо продемонстрировали, что в России возможны стихийные бунты, особенно когда социальное недовольство трансформируется в межнациональную рознь. Причем последние исследования показывают, что зоной повышенной национальной напряженности, являются, прежде всего, мегаполисы и крупные индустриальные центры, а отнюдь не небольшие провинциальные города. Это говорит о том, что стихийные выступления чаще происходят не там, где уровень недовольства выше, а там где мало или нет совсем возможностей его канализировать в легитимные формы, что называется «докричаться до властей» (см. рис.7).

Спонтанность, неорганизованность, стихийность многих протестных выступлений является крайне опасной. Особенно когда стихийное недовольство сочетается с отторжением значительным числом граждан легитимации власти через выборные процедуры. В этих условиях некоторые эксперты не исключают возможности использования экстремистских организаций в качестве «подручного средства» в случае, если начнутся схватки и драки внутри элиты, если правящая верхушка не сможет договориться по какому-то существенному вопросу.

Тем не менее, вероятность такого рода сценария сравнительно невелика. Можно с большой долей уверенности прогнозировать, что избирательные кампании 2007–2008 г.г. будет проходить в принципиально иной общественной атмосфере, чем это было, например, в 1996 г. и в 2000 г., когда страна пребывала в глубоком экономиче-

ском кризисе, была политически и идеологически расколота, а «торговля страхом» являлась чуть ли не единственным орудием политической борьбы. Сегодня россиян очень трудно чем-то всерьез напугать или предложить повестку дня, которая большинству населения не интересна. Еще труднее их вывести на баррикады. Прежде всего, потому, что запрос на стабильность сегодня даже более актуален, чем 3 года назад накануне предшествующих президентских выборов (см. рис. 8).

Скорее можно опасаться отсутствия заметного интереса, прежде всего, активной дееспособной части общества к перипетиям межпартийной борьбы и, соответственно, низкой явки на парламентские выборы. А те, кто на выборы все же придет, скорее всего, будут голосовать по прагматическим основаниям и руководствоваться оценкой социально-экономической ситуации в стране, действий властей, включая президента и той партии, которая эту власть представляет в настоящий момент. Иными словами, избиратели при голосовании будут исходить из довольно простой альтернативы: если при действующей власти ему жилось хорошо и то, что происходило в стране, ему импонирует, он проголосует за правительственную партию или не пойдет на выборы, если нет – то проголосует за оппозицию либо опять же на выборы не пойдет.

Приложение

Рисунок 1

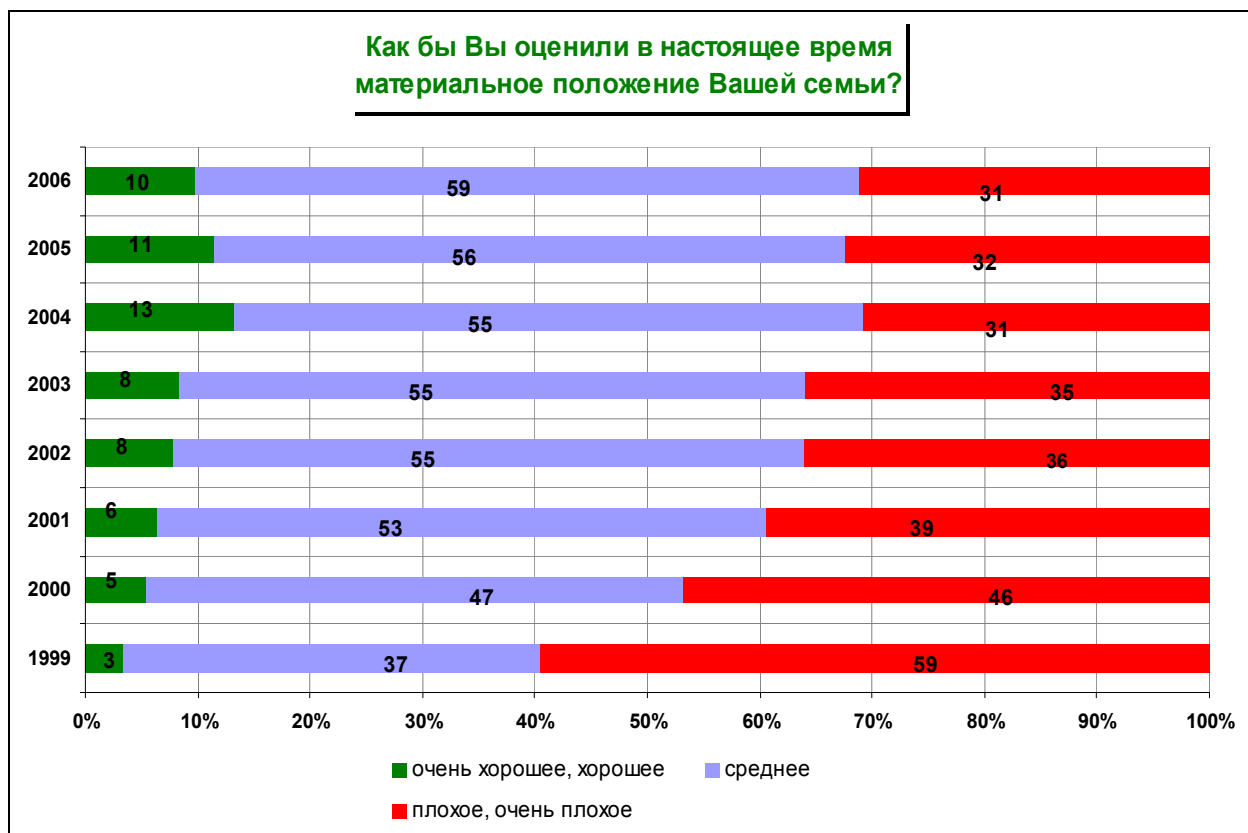

Рисунок 2

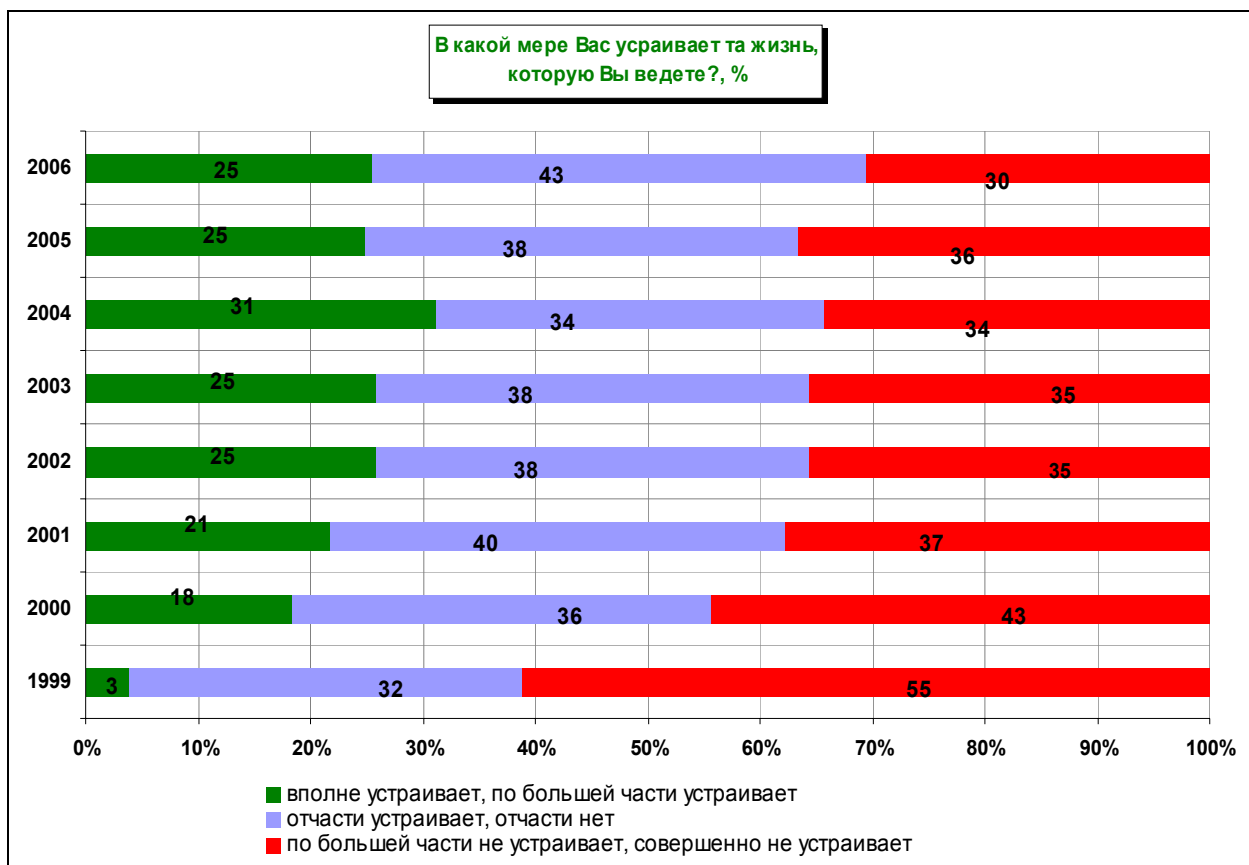

Рисунок 3

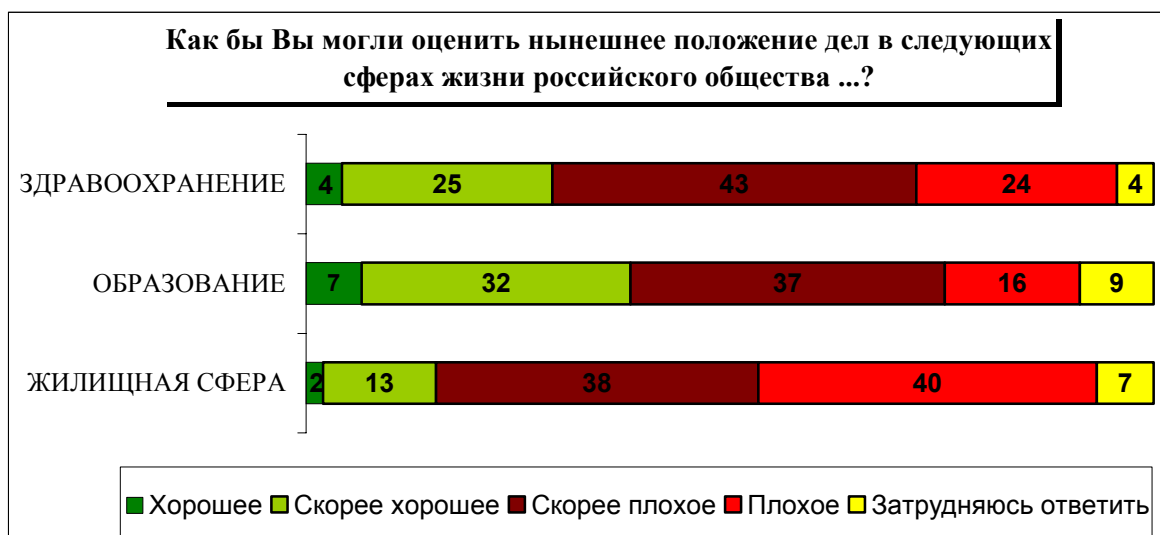

Рисунок 4

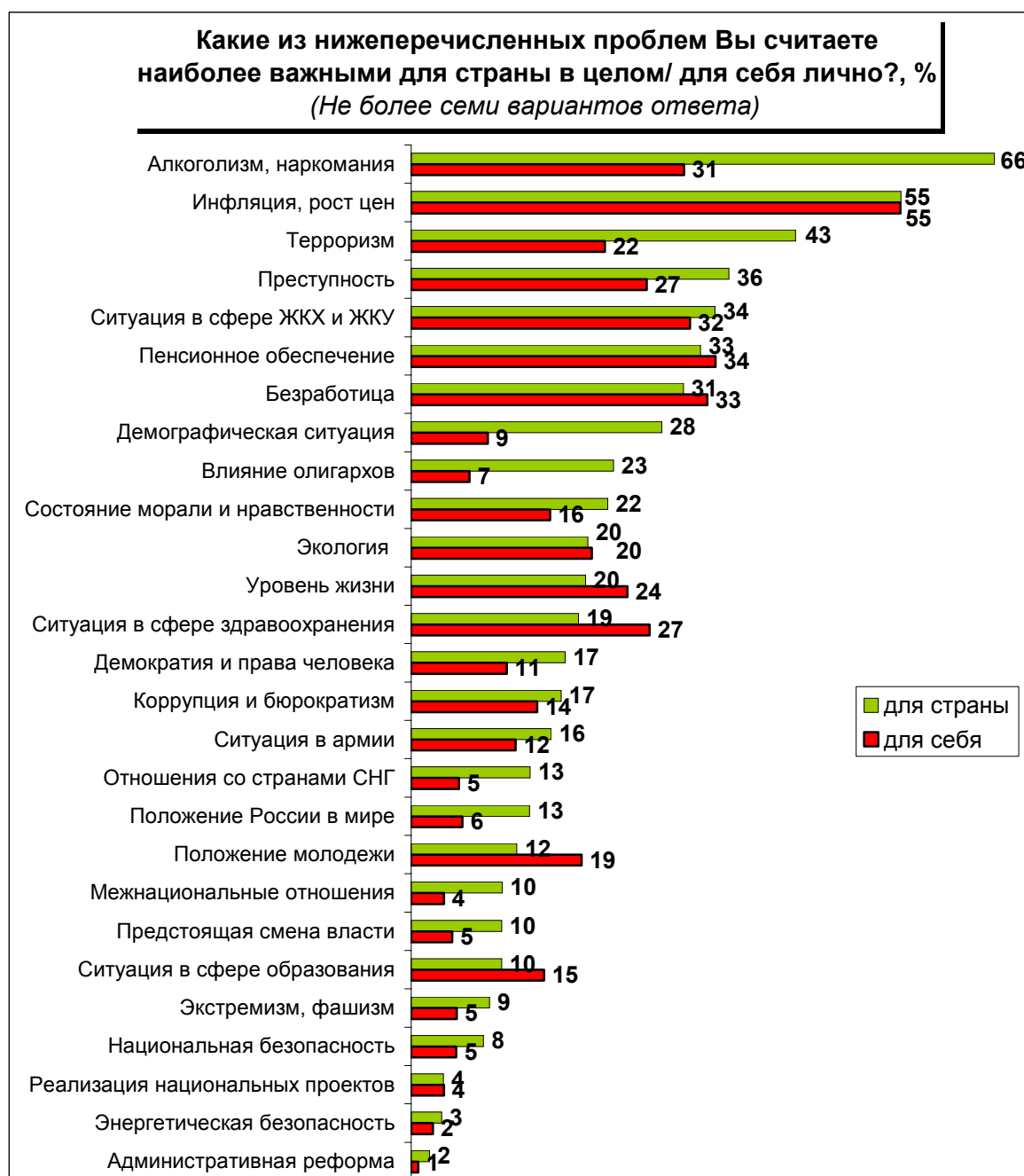

Рисунок 5

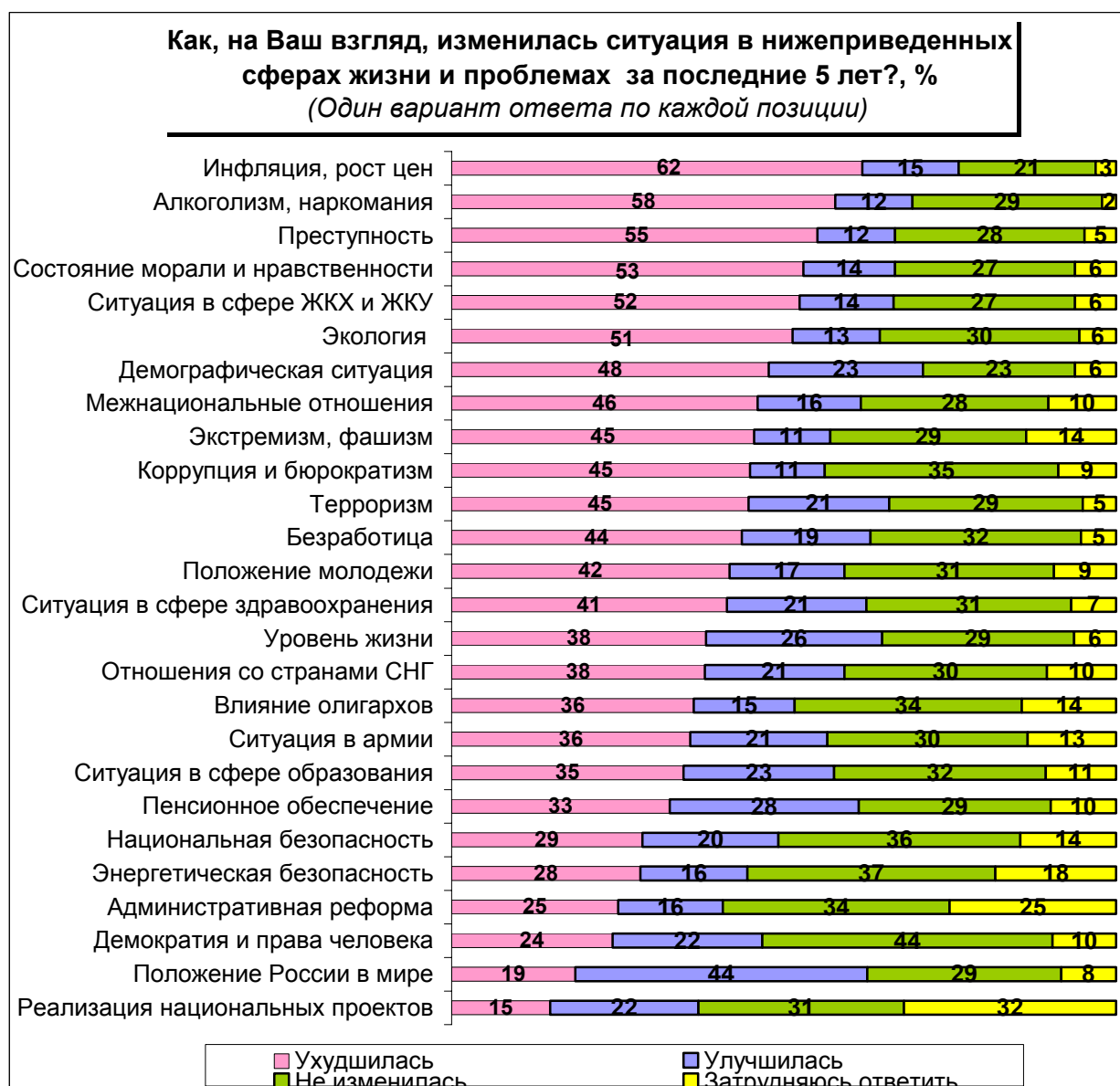

Таблица 1

**Динамика распределения доходов среди представителей
различных имущественных групп российского общества**

		2006 г.	Распределение доходов по группам, %			
Социальные группы		Доля от общего насе- ления, %	1990 г.	2004 г.	2006 г.	2008 г. (про- гноз)
	Бедные	13,4	0,4	4,7	3,0	2,1
	Низкообеспечен- ные	28,4	8,5	18,0	13,4	10,2
	Среднеобеспечен- ные	50,4	76,6	59,4	57,8	54,4
	Высокообеспечен- ные	7,8	14,5	17,9	25,8	33,3

Источник: Всероссийский центр уровня жизни

Рисунок 6

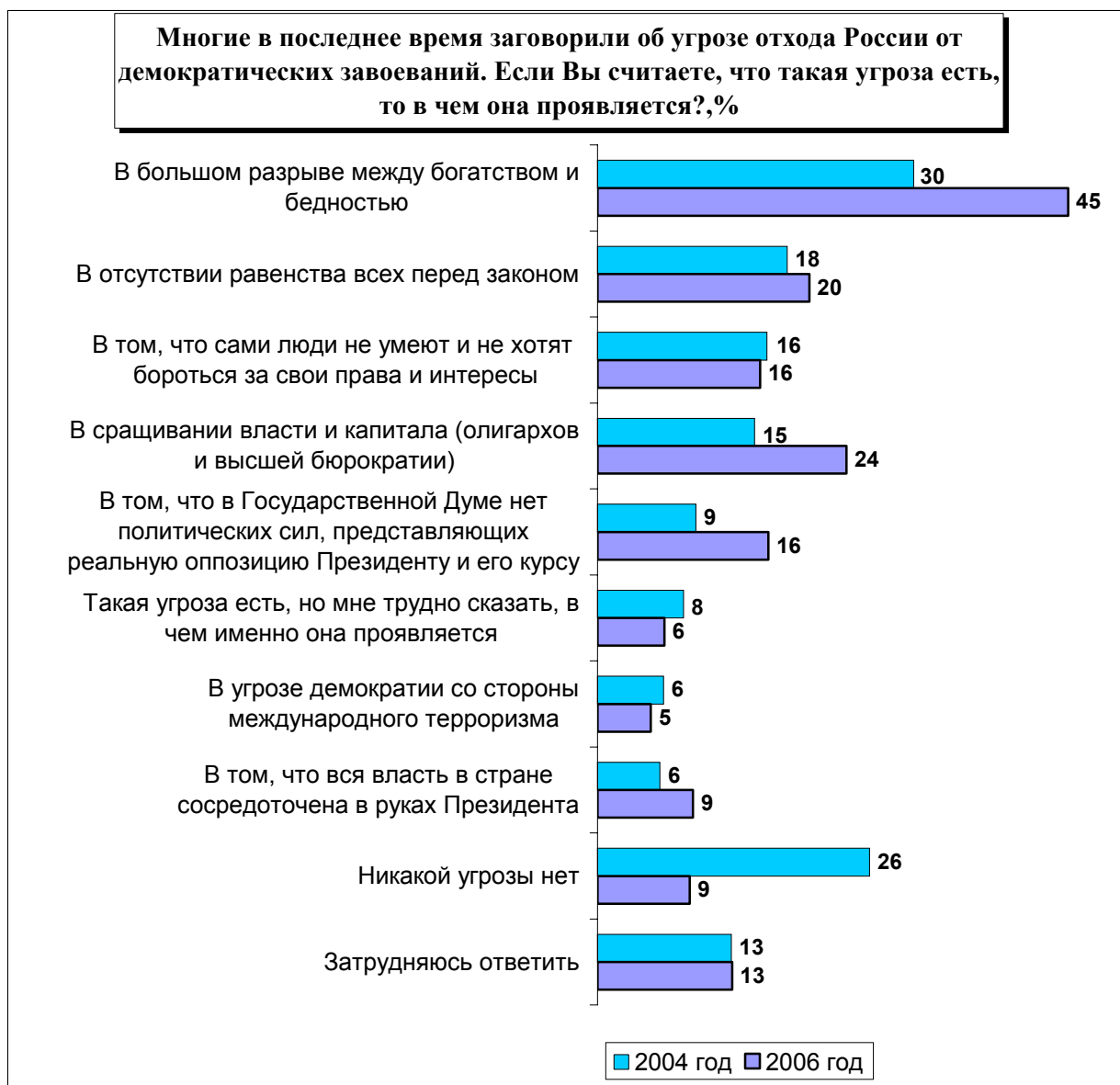

Рисунок 7

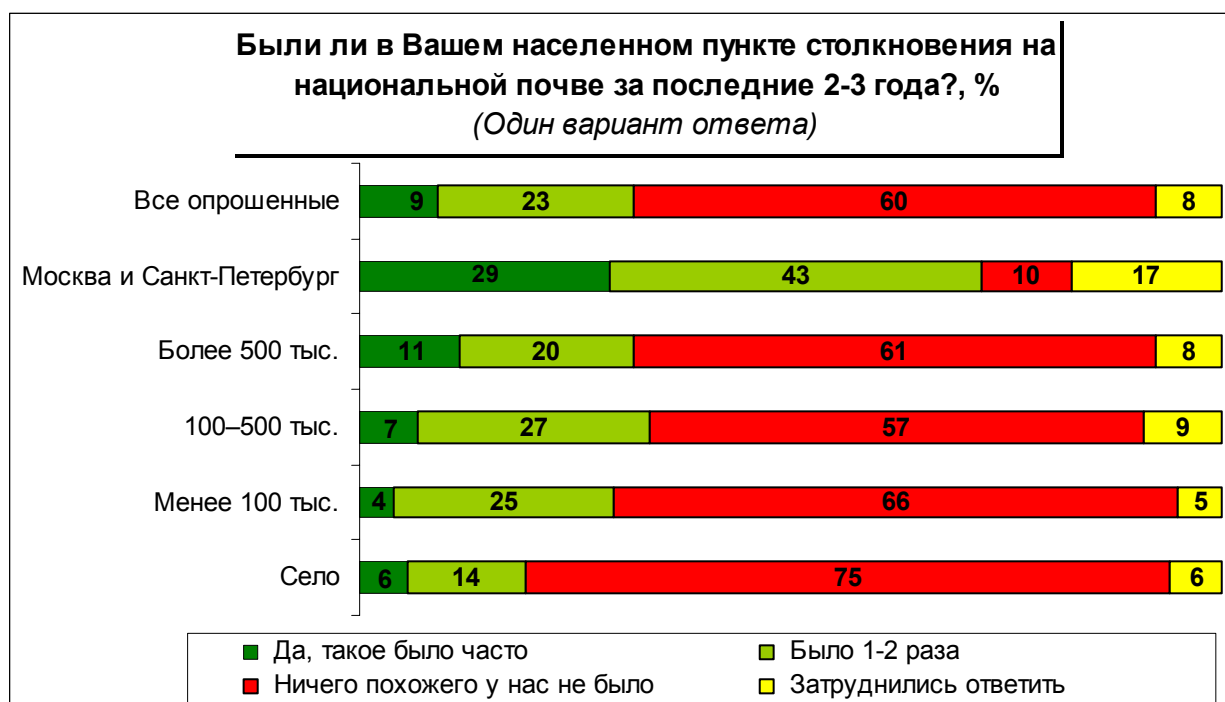

Рисунок 8

Вопросы

Гонтмахер Е.Ш.

Спасибо за возможность выступить с этим сообщением. Мне бы хотелось в эти двенадцать минут поделиться моими наблюдениями за эволюцией социальной политики, начиная с конца советской эпохи и до нынешнего момента. И немножко попытаться как-то заглянуть хотя бы в какое-то ближайшее будущее: что мы можем на этом поле иметь.

С моей точки зрения, мы за истекшие с 91-го годы прошли несколько этапов именно социальной политики как цельного явления. Оно, конечно, никогда особо не оформлялось в виде именно документа. Были конкретные реальные действия – стихийные, плановые, - которые создавали некую общую тенденцию, общее явление.

Мы в конце 91-го года получили советское наследие – советскую социальную политику. Должен сказать, что я не склонен сейчас метать какие-то камни в адрес этой политики по многим причинам. Не социальная политика была причиной того, что Советский Союз перестал существовать. Та политика, которая тогда проводилась, была внутренне сбалансирована и соответствовала и тем отношениям собственности, и политическому устройству, и социальной структуре, которые были тогда.

По многим пунктам (сейчас уже можно об этом говорить достаточно объективно) та политика была даже образцом для целого ряда стран. Например, Всемирная организация здравоохранения в конце 80-х годов признала советскую систему здравоохранения чуть ли не лучшей в мире. Это факт. И с этим надо считаться.

Но те черты, которые были у советской социальной политики, достаточно своеобразны. Я могу перечислить несколько основных. Прежде всего, конечно, решающая роль государства. Более того,

воспитанная у людей уверенность в том, что государство решит все социальные вопросы. Достаточно высокая степень выровненности и уравниловки, которая тогда была в уровне жизни. Чувство социальной справедливости, которое тогда было достаточно развито и определяло в значительной степени отношения между социальными слоями.

Ну, и, конечно, говорить в то время о самоорганизации людей с точки зрения гражданского общества и общественных организаций было сложно. Потому что была другая политическая система. И люди, с моей точки зрения, в советской системе были достаточно атомизированы. Они жили в рамках семьи, в каких-то неформальных, может быть, очень небольших сообществах.

Но я повторяю, что это устройство было внутренне непротиворечиво. Оно соответствовало всем остальным реалиям, которые тогда были. И оно было делегировано прямиком в новое российское время.

Что произошло в 90-е годы? Это следующий этап: радикальные изменения и в экономической политике, и в политике в широком смысле этого слова. И должен вам сказать, как это ни парадоксально, в социальном плане (сейчас тоже об этом можно уже сказать объективно) первая половина 90-х годов – это был период, когда возникло достаточно продвинутое социальное законодательство.

Были приняты законы о социальной защите инвалидов, о ветеранах. Были приняты на тогдашний период неплохие пенсионные законы. Были введены механизмы (потом их судьба, к сожалению, была незавидной) обязательного социального страхования. Начали заниматься рынком труда. Потому что признали факт существования безработицы, признали факт существования бедности.

Но в чем драматизм 90-х годов? Драматизм заключался в том, что те законы, которые принимались, они принимались либо в угоду политической конъюнктуре, особенно в преддверии выборов 96-го года. Это тоже уже сейчас понятно. Был принят пакет законов, который дал очень большие льготы, с которыми потом пытались каким-то образом бороться при помощи монетизации.

И второй факт. Конечно, полная рассогласованность с экономической политикой. Экономическая политика была, скажем так, крайне неудачная. Это тоже видно. Главное – что она не дала быстрый экономический рост. Она не дала перестройку экономики на современных рыночных рельсах. Снова же я об этом не буду подробно говорить. Это не тема моего доклада.

Но для социальной политики именно это имело очень значимые последствия. Почему? Потому что, с одной стороны, мы имели неплохую законодательную базу, достаточно современную по социальным темам. С другой стороны, мы, конечно, не имели под это денег. Оказалось так, что называется, замах был на рубль, а эффект на копейку. Тогда возникло это понятие так называемых «нефинансируемых мандатов», о которых так любили говорить в Минфине и правительстве.

Мы рассчитали: что вся совокупность тогдашних законов, которые должны были обеспечить социальную защиту, финансировалась процентов на 20. Это, конечно, действительно был кризис, особенно в бедных регионах.

Если говорить об образовании, здравоохранении, то там финансирование из-за того, что была такая неблагоприятная экономическая ситуация, упало в разы. Притом, что и там фактически оставалась прежняя система, которая нам досталась в наследство от Советского Союза.

В результате пошли стихийные процессы возникновения и нарастания элементов платности, что очень, я бы сказал, негативный результат 90-х годов. Было уже понятно, что платность каким-то образом должна войти в социальную жизнь страны. Но вместо того, чтобы законодательно урегулировать и четко прописать, где эта бесплатность заканчивается, где все-таки начинается платность, этого сделано не было. И в результате мы сейчас имеем ситуацию, когда, например, в здравоохранении все эти три потока – бюджетный, страховой и платный – перепутаны. Плюс у нас есть платный официальный и так называемый платный неформальный. По уровню коррупции сейчас здравоохранение и, кстати, образование занимают одно из первых мест в нашей экономике.

Это, конечно, очень негативный результат, который мы получили в

90-е годы. И снова же: в 90-е годы мы так и не получили хоть какого-то принципиального представления о том, вообще какая должна быть социальная политика в новых реалиях, в реалиях новой экономики, новой политической системы, нового международного положения.

С этим мы вошли в 2000-е годы. Это уже третий этап. Его окончание мы переживаем.

2000-е годы, безусловно, сначала дали большой шанс для того, чтобы все эти проблемы попытаться решить. И концептуальные проблемы, и технические, и финансовые, и многие другие. Экономическое развитие, которое строится, к сожалению, до сих пор на нефти, газе и прочих сырьевых делах, пошло достаточно быстро. В казне вдруг стало много денег. Бюджеты у нас теперь профицитные, появился Стабилизационный фонд и т.д.

На этом фоне правительство попыталось действительно сделать какие-то реформы. В начале 2000-х годов пришло осознание того, что для этого появилось «окно возможностей»: пришел популярный президент, у которого было время до его перевыборов. И попытки социальных реформ были сделаны.

Первая – масштабная пенсионная реформа. И вторая попытка – монетизация льгот. И там и там, к сожалению, оказалось, что реформы делать мы пока не умеем.

В чем причины такого вывода? Они в том, что у реформаторов где-то в подкорке по-прежнему сидят экономические, финансовые приоритеты – своеобразная фантомная боль 90-х годов, когда считали каждую копейку в бюджете, когда были задержки с выплатой пенсий и зарплат. Поэтому даже сейчас, когда деньги есть и достаточно большие деньги (а любая социальная реформа, естественно, стоит денег), все равно где-то там в голове по-прежнему это: нет-нет, давайте мы все-таки попробуем сэкономить, попробуем сделать так, чтобы реформы не стоили никаких денег.

В частности пенсионная реформа, с моей точки зрения, достаточно хорошо задумана, ее много обсуждали. Она уже пять лет реализуется. И вдруг эта нынешняя скандальная ситуация вокруг предложения Минздравсоцразвития эту реформу фактически остановить. Эта ситуация стала возможной только потому что пять лет пенсионной реформой не занимались. А любая реформа, которая начата, требует мониторинга и очень внимательного отслеживания. А получилось так: ребенок родился, через два дня его из роддома - на улицу и сказали: «Теперь сам, как хочешь, учись ходить, находить пищу и воду».

Кроме того, понаделали много ошибок с введением единого социального налога, а потом с его снижением.

Уже на примере пенсионной реформы видно, что пока мы не научились выстраивать такие комплексные долговременные проекты достаточно надежно и с предсказуемым эффектом.

Если говорить о монетизации льгот, то там ситуация совсем скандальная. Задача была сформулирована просто: Минфину выделить деньги, чтобы ликвидировать все льготы и откупиться от населения. Сначала хотели всех льготников сделать федеральными. Когда посчитали, оказалось: по 100 рублей на человека в месяц и даже президент понял, что выходить с такой цифрой – это означает не просто получить те волнения, которые произошли в начале 2005 года, а просто получить «оранжевую революцию». Когда поняли, что цифра маленькая, вместо того, чтобы увеличить цифру (что потом, в конечном счете, и пришлось сделать), большую часть льготников отдали регионам без достаточных финансовых ресурсов – 10 млн. ветеранов труда, 10 млн. тружеников тыла и миллион жертв политических репрессий. Себе оставили из больших категорий только инвалидов, а также участников и инвалидов Великой Отечественной войны, которых у нас, к сожалению, уже немного.

В результате что получили? Льготы так и не монетизировали, что самое интересное. Потому что остался этот пресловутый «социальный пакет»: кто желает может претендовать на бесплатные лекарства, бесплатную путевку в санаторий, бесплатный проезд на общественном транспорте. А с другой стороны, людям еще начали выдавать ежемесячную денежную выплату – достаточно большую.

Мы провели анализ с положением региональных льготников. Из 88 только в 8 регионах реально провели монетизацию (кроме ЖКХ). И то постепенно губернаторы начинают давать задний ход. Видят, что это не очень идет. А в большинстве регионов (тут Москва – классический пример) вообще никакую монетизацию не провели.

Просто Лужков добавил к тем льготам, которые есть, еще денежное пособие. В результате даже с фискальной точки зрения мы сильно, я бы сказал, пострадали. Потому что потратили дополнительно чуть ли не полтриллиона рублей вообще непонятно на что.

Сейчас у нас заканчивается очередной политический цикл. А к реформам, которые назрели в образовании и здравоохранении, даже не подступились. Были какие-то проекты законов, которые где-то там подспудно крутились, но их даже не осмелились вынести на широкое общественное обсуждение, не говоря уже о Государственной Думе и официальных инстанциях.

Уже понятно: единственное, что можно успеть сделать в социальной сфере – это национальные проекты. Понятно, потому что последняя старушка уже знает, что есть Стабилизационный Фонд в стране. Она не знает, как он называется, но знает, что где-то лежит очень большое количество ее денег. И их надо как-то срочно использовать.

Поэтому возникли нацпроекты как чисто бюджетные траты, которые пока к реформам не имеют никакого отношения. Но реформы, видимо, надо будет все равно начинать.

Что дальше? Социальная реформа, то есть приведение в соответствие социальной сферы с теми реалиями, которые мы бы хотели тоже иметь в экономике и финансах (там тоже еще предстоят, мне кажется, большие реформы), - все равно мы от этой необходимости никуда не денемся. Это просто переложено на следующий президентский восьмилетний или четырехлетний цикл.

Но с каждым годом откладывания реформы ее проведение становится все сложнее и сложнее. Потому что если мы будем двигаться дальше по инерции, то такой сценарий развития страны ведет к катастрофе. Я думаю, пять-шесть, максимум семь лет запаса. Это

относится не только к социальной сфере. И в экономике, и в политической жизни у нас назрели перемены. Где-то в конце этого десятилетия – начале следующего новый президент получит огромное количество проблем, с которыми ему будет, видимо, очень сложно справиться. По крайней мере, теми методами, которые используются сейчас.

Но существует два альтернативных сценария, по крайней мере в социальной сфере, которые можно было бы сейчас рассматривать. Первый сценарий я называю «индивидуалистическим». Его суть – ответственность за социальное благосостояние ложится прежде всего на самого человека. То есть увеличится заработная плата, увеличится доля разнообразных страховок и обязательных платежей вместо того, что мы сейчас получаем натуральным образом. Если человек, допустим, инвалид или ветеран, живет в семье, то значительная часть забот о нем тоже ложится на семью. Если человек одинокий – понятно, что там ответственность остается за государством.

Второй сценарий – это сценарий «общественный», где государство все-таки занимает достаточно активную позицию. Особенно это важно с точки зрения бюджетной сферы, образования, здравоохранения, где вводится система минимальных социальных стандартов. Минфин, конечно, этого жутко боится, потому что это огромные социальные обязательства. Но состояние нашего человеческого капитала показывает, что без резко увеличенных инвестиций в него мы, к сожалению, как раз очень быстро углубляем нынешний кризис.

Я лично сторонник второго сценария. Хотя многие элементы первого мне тоже нравятся. Как раз сейчас, видимо, время подошло для того, чтобы такие концептуальные вещи, основные направления

социальной политики, эти акценты сейчас сформировать и, видимо, предложить для следующего политического цикла.

Если мы этого не сделаем, то следующий президент придет, что называется, безоружный, невооруженный ничем. Он будет два-три-четыре года оглядываться и привыкать к своему высокому положению. А потом снова начнется чистая предвыборная политика. Все, к сожалению, повторится по кругу. Хотелось бы этого избежать.

Кувалдин В.Б. Спасибо, Евгений Шлёмович. Президент нашего Фонда – человек предельно творческий. Поэтому по предложению Михаила Сергеевича мы внесем небольшую коррекцию в привычный ход нашего обсуждения. Сейчас все присутствующие могут задать вопросы Евгению Шлёмовичу. С таким расчетом, чтобы после того, как выступит Владимир Васильевич Петухов, у Евгения Шлёмовича было бы минут десять для ответа на вопросы, на те из них, которые ему кажутся наиболее важными (мы не будем превращать обсуждение в соло двух докладчиков). А на оставшиеся вопросы он в конце обсуждения.

Пожалуйста, задавайте вопросы. Михаил Сергеевич, у Вас тоже был вопрос к Евгению Шлёмовичу?

Горбачев М.С. Мне понравились оба материала. И даже у Евгения доклад отличается от предшествующих двадцати, которые я слышал. И, тем не менее, у меня такой вопрос. Очень крутые оценки и выводы. Но если уж Евгений их делает – это что-то значит. Что это такое? Ошибки в отдельных программах, социальных проектах? Или результат общих просчетов в самом политическом курсе?

Я, в общем-то, историю с прожиточным минимумом знаю, как Борис Николаевич решил сразу, когда власть взял, уменьшить число бедных. Он просто прожиточный минимум, который в 90-м году

восстановили тогда во время перестройки, переполовинил. И сразу бедных

Это ты, Евгений, готовил тогда или нет?

Гонтмахер Е.Ш. Да, я предложил, но в указе, который подписал Борис Николаевич в марте 1992 года, было написано: установить в Российской Федерации две черты бедности. Первая черта – прожиточный минимум, вторая – минимальный потребительский бюджет. Причем прожиточный минимум вводился только на период кризисного развития.

Горбачев М.С. В развитом мире средняя зарплата по стране – это и есть ориентир для прожиточного минимума. А мы всё ищем – какие-то корзины, у нас она то распухнет, то завянет.

Гонтмахер Е.Ш. Михаил Сергеевич, в Соединенных Штатах черта бедности рассчитывается как стоимость корзины из товаров и услуг. Мы эту методику и использовали.

Горбачев М.С. Нашел специально.

Гонтмахер Е.Ш. Почему? Эта методика еще, кстати, в советское время использовалась, когда мы разрабатывали минимальный потребительский бюджет. А определять черту бедности по зарплате? Дело в том, что у нас пока доля неформальной заработной платы крайне высока (30-40%). Поэтому отталкиваться от официальной зарплаты – значит иметь тоже очень низкую черту бедности.

Волкова Л.П. *(Воронежский Государственный университет).* Сегодняшнее заседание экспертов называется «Социальные проблемы России и их отражение в общественном сознании». Какие социальные проблемы России Вы видите в качестве главных? Эти проблемы надо поставить, потому что социальная политика должна быть нацелена на решение этих социальных проблем. Можно ли понять так, что в политике нашего государства объект социальной по-

политики неточно определен и ее цель? Есть ли цель у социальной политики нашего государства сегодня и, если есть, то какая? Цель, чтобы социальная сфера так и существовала, чтобы здравоохранение у нас было? Или чтобы были здоровые люди? Чтобы у нас существовало образование? Или чтобы образование формировало качественные человеческие ресурсы, чтобы изменилось качество населения?

Есть ли в государственном социальном планировании целевой подход, или его нет? В Вашем докладе делаются выводы об отсутствии системности и комплексности социальной политики. Как, по Вашему мнению, должно идти социальное планирование? Может быть, сначала надо ставить адекватные цели, а потом формировать направления социальной политики?

Дианов М.А. (*Институт региональных проблем*). Тут два вопроса. Я хотел задать почти такой же вопрос о приоритетах социальной политики. Не буду расшифровывать – понятно. И второй вопрос. Поскольку сейчас уже фактически готов трехлетний бюджет, а по какому сценарию этот бюджет расписан? По инерционному или что-то там иное?

Медведев В.А. Хочу все-таки вернуться к этой драме – монетизации. Как Вы считаете, в чем тут причина? В необоснованности и порочности самого замысла? Или в каких-то методах ее осуществления? Это один вопрос.

И второй вопрос тоже общего порядка. Вы много и правильно говорите о необходимости социальных реформ. В чем смысл социальных реформ, о которых много говорится, что они необходимы? То - не удалось, то - не удалось. В чем же смысл?

Погребняков П.В. (*Балтийский МИОН*). Вы говорите о том, что необходимо отказываться от любой (прямой или косвенной)

поддержки неконкурентоспособных предприятий. Но опять же ставите вопрос о государственной поддержке населения, в т.ч. через предоставление бесплатных услуг образования, здравоохранения и культуры. Не является ли это скрытым субсидированием не эффективных учреждений? Не является ли субсидирование спроса на услуги здравоохранения, образования лучшим выходом из этой ситуации, нежели чем государственная поддержка в виде оказания бесплатных услуг?

Кувалдин В.Б. Евгений Шлёмович, суммирую, как мне кажется, основной вопрос. Есть ощущение, что реформы удались, и так удались, как не надеялись их организаторы. Поскольку если посмотреть на другую сторону медали, на быстро растущие ряды отечественных миллионеров и особенно миллиардеров, то скоро мы будем впереди планеты всей. И именно на это были нацелены наши реформы Как Вы полагаете?

Владимир Васильевич, прошу Вас.

Петухов В.В.

Спасибо. Я думаю, что наши тексты у коллег есть. Нет необходимости повторять то, что там написано. Поэтому я также хотел сосредоточить внимание на некоторых узловых, важных, с моей точки зрения, моментах для сегодняшнего обсуждения.

Первое, что я хотел бы сказать, – это поддержать общий пафос выступления Евгения Шлёмовича, который заключается в том, что действительно (и с этим очень трудно спорить) за последние пятнадцать-двадцать лет наша страна заметно изменилась. И если мы хотим понять, что происходит сегодня, мы должны, конечно же, понимать, с чего мы начинали и в каком направлении двигались.

Кувалдин В.Б. Владимир Васильевич – один из самых уважаемых и интересных наших социологов. Всегда с огромным удовольствием читаю то, что выходит из-под его пера.

Петухов В.В.

Действительно наше общество за эти годы заметно изменилось. И иногда мы даже себе не отдаем отчета в том, насколько эти изменения существенны. И эти изменения коснулись самых разных сторон и областей жизни: как россияне относятся к работе, семье, друг другу, государству, деньгам.

Нарисованный Е.Гонтмахером социальный портрет «советского человека», который характеризовался патернализмом, привычкой к социальной уравниловке, социальной справедливости, понимаемой как всеобщая социальная уравниловка, псевдоколлективистскими формами самоорганизации – уже не имеет ничего общего с собирательным образом среднестатистического россиянина. Россия становится современным, массовым обществом со всеми плюсами и минусами такого общества. И я не уверен, что плюсов больше. Тем не менее, современную Россию нужно оценивать «не из окопов 90-х», а с позиции сегодняшнего дня, учитывая, что сегодня мы живем в совершенно другой стране, чем 10–15 лет назад. Естественно, нас интересуют в первую очередь изменения последних 7 лет, времени, когда у власти находится Президент В. Путин.

В моем тексте говорилось о том, что сложность нынешней ситуации заключается в наличии двух контртенденций – отчетливо выраженных позитивных сдвигов и появления новых вызовов и проблем, часть из которых является обратной стороной этих самых позитивных изменений.

И в этом заключается определенная сложность анализа как текущей ситуации, так и перспектив на будущее. Каждый аналитик

может интерпретировать нынешнюю ситуацию совершенно по-разному, находя достаточное количество аргументов для обоснования прямо противоположных мнений и суждений. Кто-то сегодня видит симптомы выхода из затяжного кризиса; кто-то, напротив, полагает, что страна движется к катастрофе. То есть для кого-то «стакан наполовину полон», а для кого-то, он, наоборот, «наполовину пуст».

Если говорить о позитивных сдвигах, то я бы выделил по меньшей мере два. Первое, на что хотелось бы обратить внимание, это преодоление депрессивного синдрома. Страхи, которые довели над людьми последние десятилетия (боязнь гражданской войны, распада государства, экономического коллапса и т.п.) постепенно уходят, люди более оптимистично, уверенно смотрят в будущее. Напомню, что в середине 90-х гг. Россия воспринималась большинством населения как «идущий ко дну корабль» или «поезд, мчащийся без машиниста и без рельс». Сегодня ничего похожего нет. Впервые за последние 7 лет, подводя итоги года, прошедший 2006-й позитивно оценили больше половины россиян. Причем, как для себя лично, для своих семей (59%), так и для страны в целом (53%). Почти 70% опрошенных полагают, что нынешний 2007 год будет в целом благополучным. Стоит отметить, что эта тенденция носит достаточно устойчивый характер.

Второй позитивный сдвиг – это рост достаточно быстрыми темпами среднего слоя, переориентация значительного числа россиян со «стратегии выживания», характерной для 90-х, на новое качество жизни. По самооценкам, доля россиян, относящихся к среднему слою, выросла по сравнению с 1999г. с 37% до 59%, а доля тех, кто оценивает свое материальное положение как плохое, за тот же период времени, напротив, снизилась почти в два раза – с 59% до 31%.

Важно и то, что уходит в прошлое позорный для любой нормальной страны тип бедности – здоровых, образованных, а главное, много работающих людей – учителей, врачей и т.п.

Что касается контртенденции, то она также очевидна и, как я уже сказал, в значительной степени является обратной стороной позитивных сдвигов. Стабильность, которую так желали россияне в период прихода Путина к власти, уже не воспринимается как сверхценность, особенно молодой частью населения, без конвертации этой стабильности в устойчивый экономический рост и решение серьезных социальных задач.

Экономический рост в стране привел к резкому росту общественных притязаний. То, с чем люди мирились в середине–конце 90-х годов, с тем сегодня они уже мириться не хотят. Это приводит к парадоксальной ситуации – заработки людей растут, а «жить лучше, жить веселей не становится». Отсюда застой показателей удовлетворенности жизнью. Если в 2004 году доля россиян, которых устраивала жизнь, приближалась к трети (31%), то сегодня их лишь четверть (25%). Динамика общественных ожиданий начинает обгонять динамику экономических и социальных перемен. В частности, социальная инфраструктура оказалась не готова к появлению людей с устойчивыми доходами и не в состоянии удовлетворить их потребности, прежде всего в сфере здравоохранения, образования и жилья. Как плохую ситуацию в сфере образования оценивают 53% опрошенных, здравоохранения – 65%, жилья – 78%. При этом практически каждый второй готов оплачивать, скажем, медицинские расходы, если качество медицинских услуг возрастет. С этой точки зрения, нельзя не согласиться с Гонтмахером, что необходим поворот от «собесовской» социальной политики к созданию современной социальной инфраструктуры. Нацпроекты пока серьезных изменений в

качество медицины и образования не внесли, или, во всяком случае, люди их не видят. Решаются хотя и важные, но технические вопросы. Также сегодня всерьез стоит проблема доверия, причем в самом широком диапазоне, начиная от межличностного и заканчивая доверием к финансовым и социальным институтам.

Что касается проблем, волнующих население, то в их иерархии первые позиции занимают социальные проблемы, многие из которых приобрели уже застойный характер. Это, прежде всего, алкоголизм и наркомания, инфляция, пенсионное обеспечение и, естественно, жилье. К некоторым неожиданностям, во всяком случае для меня, можно отнести очень высокую позицию, которую заняла в иерархии тревожащих проблем безработица.

На фоне нехватки рабочих рук, разговоров о том, что страна вымирает, актуализация проблемы безработицы действительно выглядит неожиданной. Это связано, по всей видимости, с тем, что в некоторых социальных группах и типах поселений безработица достаточно высока. Это, прежде всего, село и малые города. Это Кавказ и некоторые другие регионы. Но данная проблема носит и социально-психологический характер. Это то, что называется в социологии «статусной непоследовательностью», когда люди, даже имеющие высокий уровень образования, квалификации, опыт т.д., настолько не уверены в своем будущем, что, даже имея работу, опасаются, что в любой момент могут ее потерять. Много и тех, для кого нахождение работы, особенно соответствующей их профессиональным запросам, представляет проблему. Это, прежде всего, молодежь, женщины с детьми, домохозяйки и т.д. Наконец, хотелось бы обратить внимание на высокую степень зависимости между изменениями в социальной сфере и уровнем развития демократии.

Во всяком случае, противоречия между богатыми и бедными, сохраняющийся высокий уровень социальной дифференциации воспринимаются россиянами как главная угроза российской демократии. Всего за два года доля тех, кто считает это угрозой номер один, увеличилась с 30% до 45%.

Если учесть, что второй угрозой является «сращивание» высшего чиновничества с крупным капиталом, то отчетливо просматривается новая линия социального противостояния, социокультурного раскола. «Куршевельский казус» уже со всей определенностью это высветил.

Не менее острым является сегодня противоречие между этическими, моральными установками россиян и требованиями социальной среды. Исследования показывают, что все чаще россияне стоят перед дилеммой: «успех – достаток – карьерный рост» или же – честность, порядочность, скромность. Совместить это становится все труднее, так же как труднее конвертировать знание, опыт, образование в материальный достаток.

Отсюда – замыкание в частной жизни, падение интереса к общественно-политической жизни страны у одних и формирование настроений аномии – у других. Что, в частности, выражается в росте радикализма и экстремизма, причем его уже нельзя списать на экономический кризис и политическую нестабильность. Скорее он определяется фактором, присущим любому современному обществу – невозможностью «вписаться» в новые социальные реалии.

В России же к этому добавляется то, что легальных возможностей выразить свой протест становится все меньше, поэтому социальное недовольство трансформируется в национальную рознь, а она – в стихийные бунты.

Тем не менее полагать, что экстремизм представляет слишком большую угрозу, было бы неправильным, прежде всего потому, что запрос на стабильность общества сохраняется.

И уж если что угрожает будущим выборам и в целом демократии в России – это рост апатии, безразличия людей ко всему, что выходит за рамки их повседневной жизни.

Поэтому главным направлением социальной политики государства должно стать не только улучшение материальных условий жизни людей, но и возвращение личного достоинства и осмысленности существования, чтобы личная самореализация соединялась с потенциалом общественной и гражданской активности.

Кувалдин В.Б. Спасибо, Владимир Васильевич. Какие вопросы к докладчику?

Соловей В.Д.

Владимир Васильевич, я хотел бы уточнить для себя. Этот вопрос на понимание, что называется. Ты не упомянул такой термин, как «революция ожидания». А в России это, возможно, сейчас происходит. Это следует из содержания твоего доклада.

И второе. Как я понял, в России происходит колоссальной силы экзистенциальный кризис. Люди не понимают, для чего им жить. И, как ты объяснишь в таком случае, что социальная ситуация оценивается как благоприятная, а в обществе замечен колоссальный рост агрессивности? Это заметно по криминальной статистике и даже по тому, как люди себя ведут. И вообще, что из этого может получиться? Спасибо.

Кувалдин В.Б. Кто Вы, откуда. Пожалуйста, Ваш вопрос к докладчику.

Победаш Д.И. (*Уральский МИОН*). Скажите, пожалуйста, у нас в регионе, во-первых, все проблемы с наркоманией, какие-то эт-

нические столкновения, безработица напрямую связываются, например, с таджиками. То есть любое изменение в Таджикистане сразу напрямую соотносится с внутренними региональными проблемами. Например, наша дивизия служит в Таджикистане, и они по контракту сразу к нам приходят. Наркокурьеры идут через нашу область.

И вторая часть вопроса – такой всплеск одобрения мюнхенской речи Путина. Эти ожидания, в чем-то обманутые и не оправдавшиеся во внутренней социальной политике, могут ли компенсироваться? А зато мы всему Западу покажем, какие мы сильные. То есть вопрос состоит в том, могут ли быть какие-то внешние факторы, которые заставят определенные группы населения как-то прореагировать на них или повысить их интерес к внешней политике? Спасибо.

Глазьев С.Ю.

«У государства сегодня есть уникальная возможность реализовать общественные ожидания»

Я попросил возможность кратко выступить для того, чтобы послушать ряд содокладчиков по значимому, как мне кажется, перекосу, который сложился во всей нашей социальной системе и который вызывает все больше нарастающее раздражение и в элите, и у народа. В той мере, в которой народ получает доступ к информации.

Действительно, формально мы имеем профицитный бюджет. И идет разговор о том, что зарплата сегодня растет больше, чем производительность труда, а значит, что общество все более становится иждивенческим. С другой стороны, нарастает ощущение дефицита везде - и с точки зрения качества и доступности медицинских, образовательных услуг и жилищно-коммунальной инфраструктуры и т.д. Я бы хотел обратить внимание на то, что этот дефицит действитель-

но существует одновременно с профицитом. И возникает нарастающий разрыв между запросом общества на улучшение качества жизни и государственным нежеланием этот запрос удовлетворить при наличии ресурсов для того, чтобы это сделать.

Простые цифры. Как оценить дефицит финансирования социальной сферы? Сколько денег нужно для простого воспроизводства основных фондов и человеческого потенциала в здравоохранении, образовании, культуре, науке и сравнить с тем, сколько сегодня государство дает денег.

В здравоохранении счет дает одну и ту же цифру. В этой сфере нам сегодня не хватает государственных ассигнований примерно в два раза. То есть если в мире государство тратит процентов пять-шесть на здравоохранение в среднем, то у нас оно тратит три процента. При прямом счете – вычисление потенциала здравоохранения, или сколько нужно для больниц, поликлиник, подготовки врачей - получаем ту же картину: двукратное недофинансирование. Аналогичная ситуация в образовании.

Если провести межстрановое сопоставление, мы увидим, что у нас недофинансирование социальной сферы составляет примерно шесть-семь процентов от валового продукта – бюджетное недофинансирование. И профицит в точности равен этой цифре, т.е. зеркальное отражение. Объем профицита в бюджете равен объему дефицита, нехватке денег для простого воспроизводства социальных услуг. Это первая диспропорция, которую государство легко может преодолеть, правильно распорядившись своими возможностями.

Вторая диспропорция. Всем понятно, что беды социальной сферы в основном идут от низкой зарплаты. На эту тему было очень много материалов. И из обсуждения, действительно, мы видим, что как ни считай, - я уж не говорю об абсолютном уровне зарплаты, -

доля опять же заработной платы в использовании валового внутреннего продукта у нас, по разным оценкам, колеблется от 35 до 40 с небольшим процентов. Это в зависимости от того, считать теневую зарплату или не считать. Должна быть она порядка хотя бы 70 процентов, т.е. недофинансирование зарплат по всем международным стандартам.

Хотя вроде бы вы говорите о том, что такое благожелательное у народа отношение к росту доходов и т.д., но в действительности Россия по сравнению с другими государствами СНГ сегодня единственная страна, где минимальная зарплата ниже прожиточного минимума более чем в два раза.

Теперь третий аспект. При заниженной зарплате мы имеем чуть ли не самые высокие цены в Европе. Причем это не только предметы роскоши, но и обычные продовольственные товары. Если мы исходим из нормальной нормы прибыли в торговле и берем продовольственные товары по самым распространенным группам (молоко, мясо, хлеб, овощи, фрукты), легко показать, что у нас цены на них завышены примерно втрое по отношению к ценам нормальной, добросовестной конкуренции.

Возникает вопрос. Государство создало систему с чудовищными искажениями, где цены в три раза завышены, зарплата в два раза занижена, в бюджете колоссальный профицит, а в социальной сфере такой же точно дефицит. Этот простой счет показывает, что в рамках существующего объема национального дохода можно при нормальной системе организации распределительных процессов и конкуренции улучшить уровень благосостояния людей как минимум в три раза, не увеличивая даже объемы экономической активности. А если мы к этому добавим возможности экономического роста, которые сегодня не реализуются, то можно показать, что мы сегодня

имеем КПД использования нашего потенциала на уровне 25-30 процентов – не больше.

Отсюда, мне кажется, можно сделать два вывода. Во-первых, никаких катастрофических ситуаций нет. Во-вторых, мы видим, с другой стороны, позитивное общественное ожидание. И, собственно говоря, у государства сегодня уникальные возможности эти ожидания реализовать. Мне бы хотелось понять: вообще это можно ожидать от нашего государства в его нынешнем состоянии или все эти возможности так и утонут вместе с падением цен на нефть и деградацией населения, которое продолжается?

Кувалдин В.Б. Спасибо, Сергей Юрьевич. Обожаю, когда члены-корреспонденты задают вопросы профессорам.

Дианов М.А. (*Институт региональных проблем*). Почти тот же вопрос, но немножко в другой плоскости. Собственно, у государства цель должна лежать исключительно (то, что Вы сказали) в создании удобоваримой социальной сферы и т.д., или - как первый вопрос звучал – можно отвлечь на какие-то другие цели, чтобы политическая стабильность сохранилась? Это один вопрос.

И второй вопрос. Это уже так внутренне, не знаю, есть ли на него вообще ответ. Когда говорят о том, что очень мало поликлиник или больниц соответствуют уровню социального страхования и даже не уровню, а нормам социального страхования. А у нас стремление населения именно к тому, чтобы это соответствовало нормам или просто заплатить побольше и получить те же самые услуги? То есть смысл понять: или мы боремся за то, чтобы это всё было законно и хорошо, или можно чуть-чуть просто переплатить и получить те же услуги, т.е. можно незаконно решить эти проблемы.

Кувалдин В.Б. Еще вопросы?

Ломсадзе Д.Г.*Воронежский государственный университет, зам.зав.кафедрой международной экономики и внешнеэкономической деятельности, к.э.н., доцент. Воронежский МИОН.)* Мне хотелось бы задать вопрос обоим докладчикам. Как вы думаете, каков реальный размер российской теневой экономики? Экспертные оценки дают цифру от 48 до 52% ВВП. Но ведь существует и значительная дифференциация масштабов неформальной экономики в зависимости от степени депрессивности российских регионов. Пример этому - Воронежская область, где доля теневой экономики в ВРП и нелегальной занятости значительно превышает средние значения по России.

Горбачев М.С. Интересно, сколько?

Коллега из Воронежского МИОНа. Около 68,5%.

Ломсадзе Д.Г. Но дело даже не в самих этих цифрах, а в том, что трудовые отношения существуют в теневом секторе в гипертрафированном виде. То есть социальная ответственность перед наемными работниками в теневом бизнесе существует очень формально. По самой своей природе, криминальный и любой другой теневой бизнес антисоциален, т.к. ориентирован на использование бедности и отсталости как на ключевые факторы своей эффективности. Иными словами теневая экономика, во всех ее проявлениях (будь то зарплата в конвертах, разнообразные схемы ухода от уплаты налогов, взятки за получение необоснованных выгод и льгот или другой криминал), является прямой угрозой развития наиболее отсталых в социально-экономическом развитии российских регионов. Данный аспект, на мой взгляд, должен быть обязательно учтен при выработке подходов по формированию стратегии государственной социальной политики, и оценке реального состояния дел в социальной сфере на местах.

Глухова А.В. *(Воронежский государственный университет).*

У меня, как у политолога, вызывают определенные сомнения некоторые данные, приведенные в Вашем докладе, и это в продолжение вопроса коллеги Соловья. Во-первых, это семикратный децильный коэффициент. Неужели семикратный?

Петухов В.В. Это не мои данные. Это данные Института.

Глухова А.В. Уровня жизни. Но я встречала там 15-кратные. Это почти официальные данные. А по неофициальным данным там, может быть, и к 50-кратному близко.

Петухов В.В. Вопрос понятен, но этот вопрос не по адресу. Надо обращаться в этот Центр уровня жизни. Я просто привел как иллюстрацию.

Глухова А.В. Я согласна. Но если Вы привели эти данные, то и я, в свою очередь, вправе задавать Вам вопросы.

Второй вопрос связан со средним классом. В октябре минувшего года на Социологическом конгрессе М.К. Горшков – директор Института социологии РАН называл другие цифры, характеризуя социальную структуру общества. Он называл 10 страт, в том числе и средний класс – порядка 20 –22 процентов. Т.е. у него картина куда менее оптимистичная, чем в Вашем докладе.

Я понимаю, что Вы исходите из репутационного критерия, из того, как люди сами себя относят к той или иной категории, включая и средний класс. Но все-таки этот критерий не бесспорный, потому что мы знаем, что люди, может быть, делают это ради престижа, вне зависимости от каких-либо объективных показателей.

Еще один момент связан с потенциалом и перспективами протестной активности россиян. Вы в своем докладе говорите о том, что в обществе возобладал запрос на стабильность, причем он сегодня более актуален, чем три года назад: мы можем, как Вы говорите,

не опасаться слишком экстремистских выступлений или чего-то подобного. Но, скажем, ВЦИОМ в 2005 г. фиксировал другую тенденцию, а именно то, что эта стабильность – главное достижение путинских лет – сегодня начинает обесцениваться и во всех социальных группах и слоях общества растет запрос на перемены, на обновление политической сцены. В контексте тех кливажей (расколов), которые Вы обозначили в докладе - богатые и бедные, власть и общество, культурный раскол (некоторые авторы обозначают его очень жестко, говоря, например, о «нефтегазовой культуре» и «культуре резервации»), можем ли мы согласиться с тезисом об общественной апатии, абсентеизме как об основе нынешней российской стабильности? Не кажется ли Вам, что, в принципе, общество, в котором разбужены ожидания, может достаточно быстро и неожиданно войти в состояние стихийного массового протеста?

Кувалдин В.Б. Мы закончили с вопросами. Сейчас, даем каждому из докладчиков максимум по 10 минут для ответов, после чего можно будет начать обсуждение. Поскольку у нас запланирован перерыв на кофе и чай, а, с другой стороны, я знаю, что Татьяна Михайловна должна вскоре уйти, нам надо обязательно выслушать ее выступление до кофе-брейка. Поэтому заранее предупреждаю докладчиков, что у каждого из них не более 10 минут.

Малева Т.М. *(Независимый институт социальной политики).* Прозвучал вопрос, на который я, действительно, могу дать некоторое пояснение, поскольку много лет он входит в число моих профессиональных интересов. Это вопрос о среднем классе. От него зависят ответы на многие другие вопросы, которые в той или иной форме сегодня поднимались.

Что собственно происходит вокруг проблемы среднего класса? Сам факт формирования среднего класса очень долгое время под-

вергался сомнению: откуда в бедной стране взялся средний класс? Но общества, которое состоит из богатых и бедных, не бывает. Это миф. В любом обществе средний класс есть. Вопрос, однако, в том, что на разных этапах и в разных исторических, социальных, экономических условиях этот средний класс: 1) отличается масштабами; 2) отличается функциями, которые он выполняет. И российский средний класс тоже никогда не исчезал полностью, даже после валютно-финансового кризиса 1998 года, когда был рожден другой миф, что якобы средний класс вдруг, в одночасье погиб под руинами кризиса. Классы в одночасье не рождаются, в одночасье не погибают. И российский средний класс существует именно благодаря тому, что он обладает высокими адаптационными способностями, все время приспосабливается к изменяющимся, крайне нестабильным социально-экономическим условиям.

Не нужно ему приписывать какие-то несвойственные функции и идеализировать его. Например, что в России складывается законопослушный средний класс (следующий миф). Средний класс не может быть законопослушным с незаконопослушной стране. Каково общество – таков и средний класс.

Мы вступали в этап экономического роста с социальной пирамидой следующей структуры. Около 20 процентов составлял средний класс. Но это не богатые люди. Бога ради, не будем путать его с западными или американскими собратьями. Российский средний класс не ездит на «Ауди», у него нет особняка за городом и он не обязательно работает в банке. Это просто не бедные люди, но которые в любом случае обеспечили себе безбедное существование, экономическую устойчивость и социальную стабильность. И не надо приписывать ему американские черты. Более того, тот образ, о котором я упомянула, тоже не вполне соответствует западному среднему

классу, это ближе к высшему классу. Скорее, это голливудский имидж или мечта среднего класса.

Есть абсолютно бедный, хронически бедный класс, у которого нет не только денежных ресурсов, но и никаких других, в частности, ресурсов квалификационных и образовательных. Что это значит? У представителей этой группы не хватает образования и трудовой квалификации, чтобы вступить на эффективный рынок труда и получить доступ к относительно приемлемой, пристойной зарплате. Наконец, у них отношение к самим себе, так называемая самоидентификация, как к социальному дну. Этот класс составляет около 10 процентов.

Российская главная социальная интрига кроется в вопросе: а кто же остальные? Про элиты я не говорю. Здесь речь идет буквально об 1-2-х процентах. И получается «вилка»: между 20% средних и 10% низших есть 70%. Это класс, который находится между молотом и наковальней. Они уже не бедные, но еще не средний класс. Это класс ниже среднего. И составляя абсолютно большую часть общества, мы можем его рассматривать как базовый слой российской социальной структуры. И понимание всех социальных процессов надо преломлять сквозь эту пирамиду. Из класса «ниже среднего» приблизительно половина больше похожа на средний класс, а приблизительно половина больше похожа на бедный, на низший класс.

Что нам дал экономический рост? Долгое время существовал и культивировался миф, что экономический рост автоматически обеспечивает рост доходов населения. Это оказалось решительно не так, поскольку экономический рост дает два типа импульсов.

Первый импульс – это действительно рост заработной платы и доходов в экономически продвинутых отраслях, которые находятся

на авансцене экономического роста. То есть средний класс, занятый в этих отраслях, приращивал свои доходы через заработную плату в экономически успешных секторах.

Второй тип импульса – это увеличение возможностей государственного бюджета: государство стало более эффективно «подтягивать» доходы бедных. Впервые за последние годы у нас доходная дифференциация росла по новой траектории. Раньше рост дифференциации происходил за счет того, что средний класс богател, а бедный беднел. Сейчас бедные тоже богатеют, но темпами, которые значительно уступают темпам роста доходов у среднего и высшего класса. И сейчас мы видим ситуацию, как два полюса пирамиды – средний класс и бедный класс - растут, а середина – 70 процентов «ниже среднего» – от экономического роста либо не получает ничего, либо ощущает очень усеченный эффект. Вот причина, почему на фоне экономического роста всеобщего ликования по поводу того, что жить стало веселей, нет. Его и не может быть, поскольку 70 процентов населения «вне процесса».

Горбачев М.С. Лучше, но не веселее.

Малева Т.М. Лучше, но не веселее. Прямых результатов от экономического роста эти 70 процентов не получают. Они не участники, а свидетели этого роста.

Правда, в последние годы предпринимаются попытки регулировать доходы этой группы, в первую очередь в форме повышения оплаты труда в бюджетном секторе экономики. Пусть медленно, но все-таки там позитивные сдвиги в заработной плате произошли. Это касается верхней части группы «ниже среднего», у которых есть шансы приблизиться к среднему классу. Правда, не следует и преувеличивать эти шансы. А вот те, которые были похожи на низший класс, ничего не получили. И это результат еще одного мифа: якобы

низкооплачиваемые – это исключительно представители бюджетных секторов экономики. Это не так. В российской экономике очень много низкооплачиваемых, непрестижных, низкопроизводительных рабочих мест в частнопредпринимательском секторе, в малом бизнесе, а на них государственная политика регулирования доходов не распространяется. В этих секторах сконцентрировано более 40 процентов низкооплачиваемых работников. И поднятие минимальной заработной платы до прожиточного минимума – самая популярная и обсуждаемая сегодня мера - для них ровным счетом не будет ничего означать.

Объективно анализируя приоритеты социально-экономического развития, мы должны признать: десять лет тому назад, пять лет тому назад и сегодня - ситуация принципиально разная с точки зрения того, какое место получали социальные проблемы в государственной повестке дня. Сегодня есть понимание того, что происходящие процессы в социальной сфере в значительной степени определяют наши перспективы экономического роста.

Реплика. И политические.

Малева Т.М. И политические. Потому что социальное развитие – это не результат экономического роста, а его предпосылка и фактор. Будет устойчивое социальное развитие, будет и экономический рост. У нас долгое время доминировало обратное понимание: будет экономический рост, дадим вам социальное развитие. И это было ошибкой. Сегодня мы должны понять, что нам экономически выгодно инвестировать в социальную сферу, потому что человеческий фактор экономического роста имеет принципиально важное значение, не меньшее, чем, например, рынок капитала. Социальная сфера – не балласт и не результат экономического роста, а его источник и важнейшее условие.

В чем самое главное неблагополучие сегодняшнего дня? Есть деньги и есть политическая воля. Есть позитивные сдвиги в экономике и в социальной политике. Достигнута ли цель устойчивого социального развития? Или же по меньшей мере придали ли мы нужную траекторию социальному развитию?

Мы смотрим на доходную структуру и видим, что в ней эти векторы разнонаправлены: есть группы богатеющие, есть беднеющие, есть стагнирующие. Но в конечном итоге эти векторы не обеспечивают механизм (тут много социологов, они знают этот термин) вертикальной социальной мобильности, то есть механизм, при котором все социальные группы - пусть разными темпами - но все движутся вверх по социальной лестнице.

Берем другую пирамиду - демографическую. Что является фокусом социальной политики? Нравится нам или не нравится пенсионная реформа, но пенсии всегда были в центре государственной политики. Государство действует неэффективно, но пенсионная сфера никогда не покидала список приоритетов в текущей деятельности правительства.

В последнее время заговорили о проблемах детства. И, видимо, пойдут инвестиции в детство. Почему? По простой причине. Об этом сказала первое лицо государства.

Три года тому назад в одном российском регионе наш институт начал проект по детской бедности. Когда мы впервые появились там с проблемами детства, чиновники спихивали ответственность друг на друга, никто не хотел этим заниматься. Даже в комиссию по этой проблеме они не хотели войти. Буквально несколько месяцев тому назад произошли чудеса. Сформировалась очередь из чиновников, желающих приобщиться к вопросу, поскольку после обращения президента Федеральному собранию тема попала в список государ-

ственных приоритетов. Все чиновники дружно присутствуют в этой комиссии.

Реплика. Имитация абсолютная...

Малева Т.М. Возможно, имитация. Но появилась вторая демографическая группа, которая отныне (действительно, неизвестно, надолго ли) находится в центре внимания, - дети. Итак, есть два полюса социального внимания – пожилые и дети. И вновь «проваливается» середина. Это трудоспособное население, которое в конечном итоге должно и будет поддерживать и первый полюс, и второй полюс. Сегодня при обсуждении мы лишь частично затронули проблемы рынка труда. А ведь при внешнем благополучии на рынке труда - что растет занятость и сокращается безработица - там назревают огромные проблемы. Если коротко, то на этапе экономического роста экономика не производит хороших рабочих мест. Она производит плохие рабочие места в неформальном секторе экономики. В структуре занятости последних лет мы отчетливо видим сокращение численности на крупных и средних предприятиях и рост занятости в неформальном секторе. А это значит, что экономически активному населению экономика не дает социальных ресурсов, которые могли бы помочь этому ему выполнять свои социальные обязательства по отношению к старикам и детям.

Третья пирамида – это пространственная дифференциация, это региональное развитие. Сегодня они развиваются по аналогичной траектории: богатые регионы выживают сами и не нуждаются вообще ни в ресурсах, ни даже в консультациях на федеральном уровне. Ханты-Мансийский округ легко решает свои проблемы без нашего участия. Немножко выровнялись бедные регионы. А социальная ситуация в средних регионах (условно отнесенных к средним, по-

скольку в реальности они очень разнородны) либо стагнирует, либо ухудшается.

Что в итоге? Несмотря на активизацию усилий государства в социальной сфере, главный неуспех состоит в том, что не удалось выстроить векторы последовательного улучшения всех параметров.

Вопрос о национальных проектах. В самом этом факте нет ничего иррационального. Государство, у которого на протяжении десятилетий вопросы здравоохранения, образования, жилья находились на периферии политических интересов, в момент, когда появились деньги, пытается восполнить свой долг. Казалось бы, в этом смысле тактика прорыва оправдана. Но долгосрочные последствия от этой тактики могут оказаться очень печальными. Дело не только в том, что эти проекты идут не так быстро, как хотелось бы. Проблема в ином. На самом деле, нацпроекты заслоняют собой другие реалии. Ведь реальные реформы здравоохранения и образования приостановлены на период действия национальных проектов, в течение которых эти сферы просто впитывают в себя материальные и финансовые ресурсы без функциональной перестройки. А институциональные реформы, которые сделали бы эти социальные услуги более доступными населению, отодвигаются на неопределенное время.

И возникает вопрос: что, мы теперь все социальные программы будем реализовывать в жанре национальных проектов? Некоторые наши коллеги из лучших побуждений предлагают открыть национальный проект по развитию среднего класса. А я категорически не согласна. Национальный проект, который направлен на 70 процентов населения?! Бога ради, что же это за экономическая политика, которая требует специального национального проекта для реализации естественного процесса – развитие среднего класса в растущей экономике?! А ведь еще есть проблема армии, проблема соци-

ального сиротства, проблема экологии... В стране вице-премьеров не хватит, чтобы возглавить все эти национальные проекты. Пока мы можем сказать, что произошло перемещение социальных приоритетов на достойное место в государственной политике, но векторы устойчивого социального развития – это вопрос будущего.

И я хотела бы предостеречь от ложных ожиданий. Мы, конечно, исходим из того, что российские граждане в награду за долготерпение заслужили реальных результатов. Но сегодня им посылается не вполне корректный лозунг. Это обещание быстрых перемен и быстрого успеха. С этим, в частности, связана социальная апатия (не недовольство, а именно апатия, и это не лучше, а хуже). И национальные проекты, и демографическая программа, и всё, что делается в последние годы, обещает быстрый и ощутимый результат. Но в целом ряде сфер его не будет. И в очередной раз население будет обмануто. Например, демография. Объективно существует противоречие между стратегией устойчивого социального развития и относительно короткими политико-деловыми циклами. Почему, например, в развитии демографических проблем получил реализацию проект по поддержке рождаемости? Потому что можно предложить набор эффектных, быстрых мер: повышение пособия на ребенка, материнский капитал, оплата детского сада и т.д. Что и было сделано.

Репликане получают.

Малева Т.М. Мы не знаем. Я, кстати, думаю, что получают. Но вопрос в ином - повысит ли это рождаемость? И главное – не последует ли за этим, как, например, в 80-х годах во Франции, длительный затяжной спад на целые десятилетия? Вот о чем мы не думаем, когда даем старт этим программам. Спросите любого демографа, и он скажет, что главная причина демографического кризиса в России – это низкая продолжительность жизни и высокая смертность. А тут

быстрых и эффектных мер придумать невозможно. Особенно в отношении мужского населения в трудоспособном возрасте 40-60 лет.

Прежде всего. Кстати, с женщинами тоже ничего хорошего не происходит. Идет омоложение женской смертности. Почему проблема смертности не получила развития? Потому что нельзя выдать пособие как премию за то, что ты не умер вчера. А что может сделать государство, которое на протяжении 40 лет спокойно смотрело на то, что продолжительность жизни сокращалась, а смертность росла? Сегодня оно намерено сделать что-то быстрое и эффективное, чтобы преодолеть демографический кризис. Не получится. Возможно, надо еще 40 лет инвестировать в социальную сферу для того, чтобы преломить эти тренды в будущем поколении. И отнюдь не завтрашний преемник президента Путина получит дивиденды от этого шага. Это не частное, а системное противоречие. В России политикоделовой цикл - «четыре плюс четыре», и вопреки правилам арифметики это даже не восемь. Потому что никто не пойдет на какие-нибудь серьезные реформы накануне выборов. Поэтому политики делают только те шаги, которые приносят быстрый и видимый результат в течение двух, максимум трех ближайших лет. Более отдаленная перспектива в их программу действий не входит.

А реальность как раз в том, что сегодня задача — создать условия для преодоления запущенных болезней социального и демографического развития последних десятилетий, а также создать механизмы, делающие эти изменения неотвратимыми. Я предпочитаю логику пусть медленных, но системных позитивных изменений, чем штурмов, за которыми могут последовать новые разочарования. Эти социальные разочарования, когда в рамках следующего политикоделового цикла люди поймут, что рождаемость не возросла, материнский капитал и пособие не решило проблемы, что дети стоят лю-

бой семье дороже, чем социальные пособия, все эти разочарования очень опасны. Так мы не сможем решить ни демографических проблем, ни других острых социальных вопросов, которые мы сегодня наблюдаем. Перед страной стоит вызов новой парадигмы социальной политики. Сегодняшняя политика научилась (более или менее успешно) решать проблемы на полюсах откровенного благополучия. Но пока она не может вывести страну на траекторию позитивного и устойчивого социального развития. Вот в чем проблема, с которой мы сталкиваемся сегодня и с которой мы будем сталкиваться завтра. Спасибо.

Кувалдин В.Б. Вопросы к Татьяне Михайловне?

Горбачев М.С. Вроде живем мы лучше, чем это должно быть по статистике. Так в чем же дело? Вот это надо понять все-таки.

Малева Т.М. Мы иногда статистику неправильно сами читаем и не понимаем. Например, статистика не использует термин «бедность». Она использует термин «доля людей с доходами ниже прожиточного минимума», и она нас не обманывает. Действительно, используется статистический парадокс – показатель прожиточного минимума, который можно посчитать очень по-разному. Росстат уже второй год не публикует показатель прожиточного минимума. Региональный прожиточный минимум есть, а общенационального прожиточного минимума нет. Произошли разночтения в законе о прожиточном минимуме и результат налицо: нет прожиточного минимума, нет и доли лиц с доходами ниже прожиточного минимума. Простое решение сложного вопроса. Но если серьезно, то бедность – это не только показатель денежного дохода. Это не результат, а состояние, в котором оказываются люди и семьи. И приходят они в это состояние по причине одновременного действия сразу нескольких факторов. Даже с точки зрения материально-имущественного со-

стояния текущий доход – это не единственная характеристика: есть сбережения, есть недвижимость, есть имущество и т.д. И по этому интегральному показателю бедность в России ниже, чем официальный показатель. Я в принципе считаю, что в постиндустриальном обществе мы должны отказаться от прожиточного минимума, потому что жизнь сегодня - это уже не вопрос хлеба и молока. Это вопрос об ограничениях доступа к социальным ресурсам, к медицине, к образованию, к социальным услугам, причем не формального доступа, а к качественным услугам этих рынков.

Горбачев М.С. Татьяна Михайловна, я Вам вопрос задавал для того, чтобы подвести к такому выводу: значит, мы все-таки должны с этим феноменом разобраться? Думаю, что как-то люди выкручиваются. Индия при населении в миллиард сто миллионов закупила в прошлом году один миллион автомобилей, а мы – два миллиона. Ведь это же всё откуда-то берется. Где теневая экономика? Мы определили критерии? По-моему, всё оттуда. Глядите, Воронеж кивает, они согласны. Живем, потому что ворует или еще что-то в этом роде. Вы же заинтересованы, чтобы получить данные в конце концов. Иначе, как можно считать, если это неизвестно.

Малева Т.М. Мы все заинтересованы понять феномен неформальной экономики. Существуют разные оценки. Вот, например, Евгений Шлемович назвал этот термин «коррупция в социальных отношениях». Но дело в том, что это не коррупция. Это особый, параллельный экономический уклад. Коррупция – это криминальная деятельность, официально преследуемая законом. А речь идет о том, что в неформальный экономический уклад втянуты массовые группы, миллионы. У этой экономики огромная социальная база. Например, наш институт занимался неформальными платежами в здравоохранении, позже – в образовании. Честно сказать, пять лет тому на-

зад очень хотелось предложить меры по выводу этих отношений из тени в свет. С такими светлыми надеждами мы начинали этот проект. Но пришли к парадоксальному выводу. Было обнаружено, что в устранении этих теневых, неформальных практик ни в здравоохранении, ни в образовании не заинтересован никто. Нет ни одного экономического субъекта, который был бы в этом заинтересован. Понятно, что ни одна система вообще никогда не хочет самореформироваться. Нужен внешний критерий, нужен внешний импульс. Тем самым министерства и ведомства не хотят и не будут инициировать реструктуризацию системы. Но поразительно другое. Казалось бы, в этом заинтересована жертва – население. И опросы общественного мнения подтверждают, что населению как потребителю этих услуг дискомфортно, оно недовольно и т.д. Но затем выясняется, что тут тоже есть социальная инерция: пусть всё плохо, но система сложилась и действует, сформировались каналы, по которым у людей – худо ли бедно ли – есть доступ к этим услугам, а попытки реформирования медицины и образования воспринимаются как наступление на достигнутые позиции. Сегодня уже более-менее известны неформальные тарифы на ту или иную услугу: сколько стоит хирургическая операция, сколько стоит университетский репетитор и т.д. И люди, ориентируясь на эти практики, придерживаются той или иной стратегии. И нам не удалось найти экономического субъекта, который бы инициировал реформирование и построение социальной системы. А отсылка на государство как на субъекта, заинтересованного в реструктуризации, – это риторика. Неясно, например, почему государство должно быть заинтересовано в реформе здравоохранения, если ему удобна сегодняшняя система, в которой врачи сами научились зарабатывать, а клиенты исправно платят за их услуги?

Горбачев М.С. Все-таки никто не ожидал того, когда вдруг через два года после начала Перестройки начнет меняться в лучшую сторону ситуация в семьях. Увеличилась рождаемость и продолжительность жизни мужчин самая большая за всю историю нашего государства. Интересный феномен. Что мы тогда стали жить лучше? Нет. Пить, может, по принудилровке меньше стали, но все равно пили и травились даже. Вряд ли это имело решающее значение. Все-таки, наверное, дело в оптимизме. Можно жить лучше, но если нет внутреннего ощущения, что хочется жить...

Малева Т.М. Совершенно верно. Это вопрос социального климата и общественной стабильности. Вот почему я даже боюсь, если хотите, быстрого роста рождаемости. Я с высокой степенью вероятности прогнозирую дальнейший спад, из которого уже будет выйти еще тяжелее. А создание дружественного климата и формирование у людей уверенности, что государственная политика будет поддерживать семьи с детьми в разных формах на протяжении долгого периода, может дать гораздо больший эффект, нежели меры материального стимулирования. Хотя и в арсенале социальной политики есть сильные меры.

В чем барьеры для роста рождаемости? Это конфликт между занятостью женщины и временем, которое она должна тратить на рождение и воспитание детей. Особенно в России, где традиционно высокая доля работающих женщин. И тогда становится ясным, что рождаемость – это вопрос не только и не столько денег, сколько трудового законодательства, развития неполных, нетрадиционных форм занятости, которые не ставили бы женщину перед мучительным выбором – или она работает, или рожает детей. Нужно, чтобы любая женщина могла найти компромисс для разрешения этого конфликта. Наконец, чтобы рождались дети, нужно развивать со-

вершенно другое направление, нежели организация выдачи Пенсионным фондом материнского капитала. Эта сфера называется «рынок социальных услуг». Но это не просто строительство и открытие детских садов. Если в нашей аудитории есть молодые мамы, то они знают, что детские сады закрываются формально в пять или шесть часов, а реально в четыре часа. Причем если вы придете за вашим ребенком в четыре, воспитательница смотрит на вас с обидой и укором, потому что она давным-давно стремится к своим собственным детям. Чтобы забрать в это время ребенка, вы в два часа должны покинуть свое рабочее место. А это типичные полставки.

Реплика. А для того, чтобы попасть в детский сад, нужно четыре года стоять в очереди.

Малева Т.М. Да. Есть проблема с очередями. Уже ребенок вырос и пошел в школу, а очередь наконец подошла. Все это главным образом относится к женщинам с высшим образованием, которые могли бы себе зарабатывать сами и которые не нуждаются в пособиях. Для их интересов социальная инфраструктура не приспособлена, Условий для женщин, чтобы и работать, и заниматься репродуктивными функциями, в нашей стране не создано.

Есть страны в Европе, в которых рождаемость была почти такая же низкая, как и у нас. Например, во Франции и Швеции достигнут рост рождаемости, но не за счет социальных пособий, а за счет введения гибких отпусков, изменения законодательства, либерализации трудовых норм и всемерного развития рынка социальных услуг, которые не сводятся к вопросу детских садов и т.д. Этот рынок состоит из разнообразного предложения услуг - няни, бэбиситтеры, развивающие детские центры и т.д.

Горбачев М.С. Наверное, есть и неполный рабочий день?

Малева Т.М. И неполный рабочий день вплоть до дистанционных форм занятости. Российский Трудовой кодекс допускает неполные формы занятости – полставки. Их не любит работодатель, они для работодателя не удобны. Но это вопрос в том, как заинтересовать работодателя. А дистанционная форма занятости просто входит в клинч и с Трудовым кодексом, и с Налоговым кодексом. Работать дома женщина не может. Ее работодателя накажет налоговый инспектор.

Реплика. То есть государство?

Малева Т.М. Да, государство. Вот что нужно делать, чтобы решить эти вопросы.

Кувалдин В.Б. Спасибо. «Допрос» Татьяны Михайловны закончен.

Горбачев М.С. Докладчики еще не ответили.

Кувалдин В.Б. Да, они не ответили. Поэтому сейчас за всю социальную политику за эти 15 лет ответит Евгений Шлемович. Прошу, и за десять минут.

Гонтмахер Е.Ш. Вопрос об ошибках или просчетах.

Горбачев М.С. А кто-то сказал, что мы о целях говорим и т.д.

Гонтмахер Е.Ш. Совершенно верно. Конечно, это не просчеты, это органический порок не только социальной политики, а вообще нашей политической системы. Тут был вопрос о государстве. Мы сейчас в это уперлись.

Михаил Сергеевич, мы подошли к драматической развилке. Потенциал в стране для того, чтобы люди жили лучше, есть. Что этому мешает? Этому мешает, безусловно (я повторяю), та политическая система, то государство, которое у нас существует, которое не может создать эффективные рабочие места. Нынешнее государство не может воспринять здравых посылов, о которых тут многие го-

ворили. Сколько статей было написано о демографии! И Жанна Антоновна Зайончковская, и Анатолий Григорьевич Вишневский, и Татьяна Михайловна Малева, и даже я еще лет десять назад, если не больше, писали о том, что у нас демографический кризис. Сколько статей было написано лет десять назад о кризисном состоянии человеческого капитала в России! О том, что у нас плохо с образованием, здравоохранением и поэтому у нас нет будущего.

Горбачев М.С. Кстати, нас по последним индексам развития человеческого потенциала вниз опустили?

Гонтмахер Е.Ш. Да, мы опустились на 65-е место. Наше государство, начиная с 1992 года, так или иначе, работало на себя. Я имею в виду тот политический слой, который пришел к власти, и который сделал возможным нынешние чудовищные воровство и коррупцию.

Возьмем приоритетные нацпроекты. Они были придуманы пятью людьми. Не было проведено никаких консультаций о том, куда направить деньги, которые уже есть. Экспертный совет по нацпроектам был создан буквально на днях, когда уже второй год идет их реализация. Это стиль. Мне приходится общаться с довольно высокими государственными людьми. Когда им начинаешь что-то говорить, у них в глазах безразличие. Они решают свои проблемы – проблемы выживания после выборов, проблемы собственного обогащения и т.д. и т.п.

Поэтому нет возможности создать эффективные рабочие места и переместить туда людей, чтобы они могли там получать хорошую заработную плату. Поэтому нет возможности провести реальную реформу здравоохранения и образования, обеспечив государственные гарантии – реальные высокие государственные гарантии, а

сверх этого еще какие-то вещи, связанные с платностью и страхованием.

Поэтому мы сейчас – я всегда об этом говорю – стоим перед вопросом: если у нас будет другая политическая элита после 2008 году, то у нас есть какой-то небольшой шанс. Если у нас политическая элита останется той же самой, перелицованы будут только фамилии, у нас ничего хорошего не будет. Мы просто зайдем через несколько лет в огромный жуткий тупик. Мы будем Югославией в самом худшем варианте этого слова.

Михаил Сергеевич, дело же не в конкретных людях. Дело в системе...

Был вопрос насчет цели. Государство и политическая элита нужны для того, чтобы обслуживать достижение простой цели: у нас в стране люди должны жить хорошо. Есть конкретные показатели и продолжительности жизни, и средних доходов, и минимальных доходов и т.д. Вы сами сказали, Михаил Сергеевич, о нашем «достойном» месте по развитию человеческого капитала. Вот цель как раз в том, чтобы эту ситуацию исправить системно, а не только деньгами сыпать.

Есть такой параметр, конечно, не бесспорный, что если в стране ВВП свыше 6 тыс. долларов на человека в год, то там демократия неизбежна. А если нет демократии, то и 6 тыс. долларов ВВП на душу не будет. Мы сейчас подошли к моменту, когда мы можем элементарно обеспечить и нужный ВВП и нормальное распределение доходов, чтобы у нас не было бедности. Этот момент ключевой в истории страны.

Был задан вопрос о приоритетах. Если мы говорим о целях – это, конечно, благосостояние. Я бы сказал, что такое достаточно выровненное благосостояние, конечно, с дифференциацией, но не в

том виде, как это сейчас. Здесь, за этим столом, приводились ориентиры – 10:1 хотя бы иметь соотношение между 10% самых богатых и самых бедных. Сейчас у нас 15:1 по данным Росстата.

Что касается приоритетов, то они у нас, с моей точки зрения, очень простые. Это дети. Потому что если мы сейчас что-то не сделаем с детским здравоохранением, если мы что-то сейчас не сделаем с детским образованием, то у нас будущего не будет вообще. На наше поколение, конечно, крест ставить не надо. Но дети – это сейчас ключевая проблема. Но посмотрите на нацпроекты – в «Образовании» какие-то есть фрагменты, но к детям имеющие косвенное отношение. В «Здравоохранении» вообще нет раздела по детям. Это просто абсолютно недальновидно.

Второй приоритет – это рынок труда. Вот мы говорим о проблеме заработной платы. У нас сейчас, по официальным данным треть предприятий неконкурентоспособна. Хорошо, мы там можем повысить административными методами заработную плату. Дальше чего? Банкротство, безработица? Мы должны обеспечить развитие в стране действительно конкурентоспособной экономики. Это малый бизнес, прежде всего. Это средний бизнес. И это, конечно, не активное вмешательство государства в экономику, которое сейчас происходит.

Но государство реально нужно, чтобы помочь людям перейти с неэффективных на эффективные рабочие места. Оно должно создать такую систему образования, чтобы человек и в 50, и в 60 лет мог получить нужную квалификацию и претендовать на рабочее место, где ему будут платить нормальную зарплату. Это и способствование межрегиональной миграции и т.д.

Трехлетний бюджет – это, конечно, бюджет инерционного развития.

Что касается монетизации, то связанные с ней замыслы обсуждались еще в конце 90-х годов. Были разные варианты. Например, я предлагал, чтобы монетизацией не были затронуты демографически уменьшающиеся категории населения. Участники и инвалиды Великой Отечественной войны, труженики тыла, жертвы политических репрессий – надо было оставить их в покое. Этих пожилых и больных людей вовлекли в разговоры, сколько они стоят государству. Это для них и до сих пор невыносимо.

До сих пор так и не найдено оптимальное сочетание между монетарными способами поддержки и натуральными. Пока у нас, конечно, натуральные преобладают. Но они часто не адресные, не эффективные, создают возможность неформальных, а если высказаться более жестко – коррупционных схем.

Смысл социальной политики (об этом тоже Вадим Андреевич Медведев спросил) – это, конечно, уровень жизни, благосостояние нашего населения. Причем благосостояние бедных работающих – вот ключевой показатель. Работающий человек, человек, получающий зарплату ниже даже не прожиточного минимума, а в два раза его превышающего минимального потребительского бюджета – нонсенс. Это говорит о нездоровости экономики и опасно с политической точки зрения.

Если человек работает и при этом в любом случае получает достойную заработную плату, значит у нас всё в порядке. Тогда и тем, кто уже не может работать неплохо – хотя бы за счет налогов, которые платят занятые.

Последний вопрос был задан насчет здравоохранения, о соотношении в нем платного и бесплатного. Сейчас, исходя из медицинских показаний, надо экстренно спасать наше население. Это может сделать только бесплатное здравоохранение. Кроме того, с таким

уровнем доходов населения развивать страховые механизмы рановато. Это дает результат только для очень немногих слоев.

Сейчас надо вбросить достаточно большие средства в бесплатную медицину. При этом, конечно, надо предусмотреть новые механизмы использования этих денег, а не просто влить в старые меха новое вино. Это сложный и большой вопрос.

Но тем не менее понятно, что мы должны обеспечить высокие минимальные гарантии, чтобы человек на территории Российской Федерации в любой точке мог получить достаточно внушительный объем бесплатных медицинских услуг. Сверх этого, возможно и нужно развитие дополнительного медстрахования, развитие платных услуг, но только сверх и в дополнение.

Кувалдин В.Б. Владимир Васильевич, пожалуйста.

Петухов В.В. Я коротко. Если можно, то я некоторые вопросы суммирую просто для краткости.

Вопрос Валерия Соловья по поводу революции ожиданий. Вот те данные, которыми я располагаю, не показывают какой-то взрыв ожидания населения и в отношении власти, и в отношении государства. Как бы возникает некий диссонанс: в обществе нет той тревожности, которая наблюдается за этим столом, в экспертном сообществе, аналитическом. Я это объясню очень просто.

На самом деле, за эти 15 лет люди научились жить помимо государства, и они, по большому счету, ничего особенного от него не ждут, кроме того, что, может быть, оно оставило их в покое и дало возможность строить свою частную жизнь, так, как хотелось. Единственное, чего хотят от государства, чтобы оно выполняло элементарные какие-то свои функции, которые положены.

Кстати говоря, в этой связи можно сказать, что нет какого-то тревожного ожидания 2008 года среди населения, в отличие от на-

ших экспертных кругов, что земля там как бы сойдется с небом и пройдет что-то такое непонятное и вообще неведь что будет (достаточно посмотреть в любой газете). У населения этого нет. Ну, будет 2008 год, каким-то образом власть изменится так или иначе. В общем, есть ощущение некоторой неопределенности, какой-то непонятности. Каких-то особых опасений и страхов, ожиданий нет.

Я подчеркиваю, что не все, но очень многие люди научились выживать. Эти годы, эти десятилетия были очень хорошей школой в этом отношении. И каких-то особых революций и ожиданий я не вижу.

Что касается роста агрессивности и какого-то социального кризиса, то да, здесь мы сталкиваемся с одной очень серьезной проблемой, которая требует отдельного, как мне кажется, обсуждения. Это все-таки наличие в обществе двух укладов. Действительно, быстро формирующегося уклада современного типа в классическом смысле и традиционалистского. Конечно, очень большая часть населения не вписывается в современную жизнь. И вот то, что известный термин называет «бунтом против современности», конечно, есть. То есть по мере того, что какая-то часть населения понимает, что они лишние на этом празднике жизни, что никогда им уже не оказаться на нем, конечно, такие настроения рождаются.

Причем, что интересно. Исследования, например, сразу после Кондопоги показали очень любопытный феномен. Мы-то думали, что зона вот таких повышенных протестных, агрессивных настроений – это как раз города типа Кондопоги, но выяснилось, что это не так. На самом деле, самое большое недовольство – это крупные индустриальные центры, многие из которых здесь были представлены. Это города-миллионники. В маленьких городках – типа Кондопоги – стихийные бунты возможны, и они, видимо, будут продолжаться по

одной простой причине. Это единственный способ достучаться до властей, вообще как-то прокричать про себя. Потому что они понимают, что другого способа у них нет, просто не существует. А они Богом забытые и никто никогда о них не вспомнит. Если в Москве уровень межнациональной напряженности, особенно в Питере, самый большой, но в Москве есть возможность прийти к Белому дому, есть возможность прийти в суд, есть возможность пройти по улице под телевизионными камерами – это завтра покажут по телевизору, то в маленьком городке ты ходи туда-сюда, делай, что угодно, никто о тебе не узнает и не услышит. Поэтому вот такая форма.

На самом деле, это, конечно, чрезвычайно опасно – вот этот не мотивированный, идеологически никак не окрашенный радикализм и экстремизм. Это мы видим. Не политический, о котором все время говорят, а вот экстремизм совершенно отчаявшихся людей.

Теперь вопрос по поводу некоторых компенсаторных моментов, связанных с тем, что вот, мол, не решаются социальные проблемы, зато мы там покажем «кузькину мать» Западу и можем каким-то образом отвлечь внимание. Возможно, такие намерения есть, но у меня нет ощущения, что это подействует, потому что в российском обществе все последние годы доминируют изоляционистские настроения.

Людей волнует исключительно то, что происходит внутри страны, те проблемы, о которых мы здесь говорили. А вот то, что происходит за ее пределами, интересует постольку поскольку. Все опросы, которые мы проводим ... Самые драматические ситуации (например, в выборной кампании на Украине; конфликт с Белоруссией) вызывают очень периферийный интерес. Вроде что-то слышали, что там происходит, но так, чтобы особо это беспокоило, в общем, мы этого не наблюдаем. Естественно, когда это начинает как-

то уже вплетаться в нашу внутреннюю ситуацию, грозит каким-то серьезным конфликтом или каким-то обострением каких-то отношений, тут, конечно обеспокоенность есть. Но в целом внешнеполитическая тематика, даже если вы посмотрите (что вы опасаетесь в наибольшей степени) в приложении этот рисунок, международные сюжеты в самом низу этой иерархии. Кстати, как и проблема преемственности власти - предпоследнее место.

Я еще на половину вопросов не ответил. Мне хотелось, буквально, про средний класс. Я – один из авторов этого доклада, поскольку работаю еще и в Институте социологии. Я вообще, будучи социологом, тем не менее являюсь большим противником типологий, этих группировок и т.д. Тут я как бы выступаю с критикой, может быть, собственного авторского коллектива. Может быть, это неправильно и некорректно, но тем не менее, когда люди пытаются из самых благих побуждений вычленивать критерии и потом в эти критерии как бы поместить группы российского общества, мне не кажется это убедительным.

Как ни парадоксально, я выскажу самую непопулярную мысль, но мне гораздо ближе, мне симпатичнее самооценка. Я считаю, что если человек говорит в трезвом уме и ясной памяти, что он считает себя средним классом, для меня это гораздо важнее, чем десятки критериев, которые эксперты как бы обрисуют: образование, социальный статус. Это всё инструментально и, возможно, работает, но мне кажется, что социальная структура находится в головах, а не где-то в другом месте. Если человек себя позиционирует, как сейчас модно говорить, со средним классом, это огромный мотивационный стимул. Это значит, что он не потерян. Значит, он, возможно, по каким-то объективным показателям туда не входит, но, по крайней мере, он говорит о том, что я буду предпринимать какие-то усилия

для того, чтобы свою жизнь построить таким образом, чтобы я и моя семья были нормально обеспечены в материальном и во всяких других смыслах.

Поэтому это пренебрежительное отношение к самооценкам людей, что вот, они же сами это говорят, ну ч разве можно этому доверят, этому доверять нельзя – вот ученые скажут, вот они сейчас критериев десять штук придумают и по этим группам. их всех распределят... Я же считаю, что категорически нельзя вводить критерии среднего класса. Например, по образованию, или по критерию физического труда.

Короче говоря, я считаю, что самооценка так же важна, как и те критерии, которые делают эксперты-аналитики. Во всяком случае, мне приходится постоянно работать с эмпирическими данными, и я должен сказать, что часто опросы общественного мнения опережают и бывают гораздо более, скажем, информативными и продуктивными, чем некоторые научные разработки. Я, во всяком случае, иногда гораздо больше пищи для ума получаю, чем в каких-то экспертных наблюдениях. Спасибо.

Кувалдин В.Б. У меня такой вопрос на засыпку участникам нашего обсуждения. Если кто-то по различным обстоятельствам не может принять участие во второй половине нашего обсуждения, то мы можем дать слово сейчас для короткого выступления или же сразу после перерыва.

Глазьев С.Ю. Если можно, я бы свой собственный вопрос завершил очень кратко набором, мне кажется, достаточно очевидных рекомендаций, которые нужно реализовать для того, чтобы последний, может быть, шанс, который становится все меньше для благополучия нашего общества, не был бы упущен.

Я рассказал о тех диспропорциях, которые сложились в распределении доходов. И, конечно, очень интересный вопрос: а куда идут деньги у тех, кто получает избыточный доход. Те, кто завышает цены, это по сути налог на общество, который идет в пользу организованной преступности и еще монополистов (конечно, если мы берем крупные корпорации).

Я берусь выдвинуть такую смелую гипотезу: то, что по статистике мы подозреваем средний класс, это, на самом деле, нечто вроде такого плохо выбритого охранника на рынке. Отнюдь не учителя и не врачи. Потому что средняя зарплата учителей, врачей, ученых по-прежнему в пределах 10 тысяч рублей. Это еще в хороших регионах, а в большинстве там 7-8 тысяч. И люди, вообще говоря, не могут себе прокормить. Молодежь уходит, и фактически вся эта система держится на пенсионерах. Поэтому средний класс у нас формируется не там, где высокий интеллектуальный потенциал, а там, где высокие теневые перераспределения доходов, прежде всего, связанные с криминализацией товаропроводящей сети.

Отсюда первый вывод. Вообще самое простое и самое важное, что государство обязано сделать, это провести декриминализацию рынка. Ради чего к рынку переходили: чтобы мафия сливки снимала? Декриминализация рынка – это необходимое условие для всех других мер, потому что повышение зарплаты, если мы не пройдем декриминализацию рынка, выльется в рост цен, как всё это и происходит на наших глазах.

Теперь второе. Именно это самое повышение оплаты труда. Оно, конечно, необходимо, и пора ликвидировать этот позор двукратного сокращения минимальной зарплаты по отношению к прожиточному минимуму. И в качестве контрмеры я бы предложил отказаться от НДС. НДС тоже давит на цены, так же как рост зарпла-

ты, и это вполне оправданно, потому что НДС (я уж не буду сейчас тратить время) – налог, который собирается в десять раз меньше, чем начисляется. Объем НДС, который начисляется (бухгалтера миллионы операций проводят), в десять раз меньше того, что реально получает бюджет, и он очень инфляционный.

Наконец, удвоение ассигнований на здравоохранение и образование, потому что вторым получателем этих сверхприбылей перераспределения являются иностранные государства, этот самый Стабилизационный фонд, который вкладывается в финансирование военных расходов США и НАТО. То есть мы вкладываем в их армию в два раза больше, чем в собственную.

Поэтому нужно отказаться от профицита бюджета и направить деньги на удвоение здравоохранения и образования, прежде всего, на удвоение зарплаты работникам в этих отраслях.

В отношении экономического роста краткая реплика. Действительно, экономический рост не приводит к снижению дифференциации народа по доходам, потому что именно такой характер этого экономического роста. Это не рост, основанный на новых технологиях. Это рост, основанный на ценах по нефти и газу, который напрямую касается, может быть, пяти процентов нашего населения. Поэтому и такая диспропорция. Действительно, чем больше доходов формально мы видим, тем больше дифференциация, потому что бедным слоям почти ничего не достается.

Я замечу, Татьяна Михайловна, что все-таки этот экономический рост надо корректировать на инфляцию еще, потому что она для разных потребительских групп совершенно разная.

Малева Т.М. Совершенно верно.

Глазьев С.Ю. У нас есть мнение – я думаю, что оно требует серьезной проверки, - что бедные, 20 процентов, не имеют роста доходов за последние годы.

Малева Т.М. Можете сказать, опирайтесь на наши данные. Это доказано.

Глазьев С.Ю. Последнее, о чем я хотел сказать, уважаемые коллеги. Мне кажется, что дифференциация общества, которая чудовищна у нас по доходам и которая в последние годы еще усиливается, несмотря на формальные благополучные макроэкономические показатели, ведет уже просто к качественному результату распада общества на страты или группы, где вообще никакой мобильности просто быть не может. Уже бедность во втором поколении появляется. Причем застойная бедность во втором поколении, где у детей, которые не получили образование и у которых плохое здоровье, вообще говоря, шансов нормально устроиться в жизни почти нет. Вот если мы сейчас перелом не обеспечим, то мы точно получим через пять лет уже воспроизведенную бедность во втором поколении. Это у нас будет совершенно другой народ, с совершенно другими ценностями. Половина вымрет, конечно, от наркотиков и алкоголизма. Надеяться, что оставшаяся треть сможет поднять страну, мне кажется, маловероятно.

Самое последнее. Классик говорил, что революция возникает, когда низы не хотят, а верхи не могут. А сейчас у нас ситуация противоположная: низы хотят, как мы видим, жить лучше, а верхи могут сделать их жизнь лучше. Но проблема в том, что низы не понимают, а верхи не знают, как это сделать. И вот я призываю к тому, чтобы наша дискуссия стала достоянием общественного мнения. Спасибо.

Кувалдин В.Б. Спасибо, Сергей Юрьевич. Перед перерывом (сейчас у нас будет кофе-брейк) два коротких замечания..

Одно из личного опыта. Я – профессор МГИМО и МГУ, причем в МГИМО почти 15 лет. И могу подтвердить то, что здесь сказали коллеги. Два наших лучших университета, но сейчас частенько мы даем высшее образование без среднего. Я рассказываю студентам о современном мире, и на зачетах и экзаменах лучше ничего не копать. Они не просто плохо знают историю и географию. У них серьезные проблемы с русским языком. Порой они не в состоянии произвести элементарные математические действия в уме. Это первое.

Реплика. Мы занимаем одно из последних мест по способности школьников к чтению. Вы знаете, есть такое обследование, которое называется ПИЗА. Мы занимаем 30-ть какое-то место по чтению.

Кувалдин В.Б. И второе наблюдение не личного, а общего порядка. Все-таки мы не одни в этом мире. Есть мировая шкала самых разных показателей. Есть мировой опыт, к нему полезно обращаться. Многое из того, что здесь говорилось, до боли напоминает процессы, происходящие в Латинской Америке в последние 20 лет, и это не очень хорошая характеристика для вчерашней сверхдержавы. Среди множества показателей уровня развития страны есть наиболее агрегированные. Это прежде всего продолжительность жизни. В современном мире около 200 государств. В половине из них люди живут более 70-ти лет. Мы, как вы знаете, находимся в другой половине. Мы несколько десятилетий не можем дотянуться до этого показателя. Судя по тому, что сейчас у нас происходит и о чем здесь говорится, у нас нет шансов сделать это в обозримом будущем. Это, по-моему, печальный диагноз.

Надеюсь, что моя заключительная реплика никак не испортит вам аппетит. У нас есть 15 минут для того, чтобы в ударном темпе подкрепиться. Потом мы продолжим наш разговор. И, наверное, начнет Михаил Валентинович.

(После перерыва)

Кувалдин В.Б. Продолжаем наше обсуждение. Слово предоставляется Малютину Михаилу Валентиновичу.

Малютин М.В. Давно не бывал на Круглых столах в такой приятной – и одновременно интеллектуально насыщенной - атмосфере обсуждения. Дискуссия мне понравилась значительно больше самих докладов: она была, скажем так, очень резкая и живая. Евгений Гонтмахер сказал, что фактически наступает ключевой момент во всей истории страны - с ним можно только согласиться. Как и с тем (так считают сейчас самые разные люди, думающие очень по-разному) - что в случае продолжения «инерционного сценария» для РФ катастрофа для самого элементарного выживания и самовоспроизводства русского народа наступает быстро. Нас всех «катастрофами» пугали уже неоднократно, а «обсуждения» - в большей или меньшей степени кликушеские - социальных проблем, демографических проблем России всем надоели. Поэтому с самого начала хотелось бы, буквально, одной короткой репликой разъяснить: почему это обсуждение самых серьезных тем «жизни и смерти» своего собственного народа всё еще носит такой странный и гротескный характер. Даже если его ведут умные и ответственные люди!

Большинство из здесь присутствующих еще жили при Советской власти и поэтому помнят один, уж не знаю, старый добрый или недобрый анекдот. Был один фанатический работник-несун на заводе, который официально производил швейные машинки. У него бы-

ла мечта жизни – собрать швейную машинку из украденных деталей. По странному стечению обстоятельств...

Горбачев М.С. Когда собрал, оказывается - пулемет.

Малютин М.В. Либо автомат, либо ручной пулемет Калашникова. Вся вариативность сводилась именно к этим двум обстоятельствам.

Горбачев М.С. Хороший анекдот.

Малютин М.В. Анекдот имеет прямое отношение к сегодняшней теме: не «вывеску над лавкой» надо обсуждать, а потом всерьез удивляться, что «никак не выходит у тебя, Данила-мастер, каменный цветок!». Второй анекдот в сегодняшнюю тему: когда антисоветские элементы ругали Советскую власть, они говорили, что «еще более страшным врагом Советской власти, чем неурожай, является большой урожай». Неурожай можно на что-нибудь «списать», а сгнивший большой урожай говорит о том, как эта власть реально «управляет» страной. Теперь, прожив 16 лет и при антисоветской власти, мы уже можем сами сопоставлять, как они нами «правят». Выясняется, что большой урожай «капусты» при Путине – значительно хуже для и.о. «власти», чем предыдущий «неурожай» у Ельцина. Трудно объяснить даже самой темной бабушке-пенсионерке, детям и замученным жизнью домохозяйкам, почему русские люди по-прежнему так скверно живут. Когда «там где-то» лежит какой-то Стабилизационный фонд, а более чем 100 непрерывно растущими миллиардами \$ мы (точнее – «они!») поддерживают американскую экономику и военную машину - и не хотят поддерживать «нашу»! Возникает дискомфортная ситуация - для нынешних руководителей «трофейной России».

Откуда же этот гротеск, абсурд, который наиболее четко - как нормальный экономист и государственный деятель – описал сегодня

С.Глазьев? Где профицит - там и дефицит, действует закон сохранения энергии – от чего отнимется, то и прибавится. С.Глазьев говорил про «низы, которые еще могут» (ибо еще помнят, как это делалось в СССР) – и нынешние «верхи, которые сознательно не хотят», удерживая население на грани выживания. Вспоминается анекдот, как спрашивает студент у профессора на лекции: «Если человек хочет, но не может – он импотент. А если может, но не хочет?» - Профессор задумывается, а с галерки аудитории раздается женский визг: «Сволочь он! Сволочь!» Очень актуальный анекдот – в предвыборный год.

Если же обходиться без визга, то я, откровенно говоря, долго размышляя над этими проблемами, тоже никак не мог понять, где же вот спрятана эта «иголка» - и где находится кощеево яйцо «русского вопроса». Почему ощущение, что ситуация «сжимается, сжимается и сжимается» и вот, действительно, разрешится («пружина распрямится или лопнет»), у всех нормальных людей в России нарастает - под казенные «трели» об успехах, прогрессе, экономическом росте и социальной стабилизации? Могу предложить только свой собственный ответ по поводу Причины Причин «самовоспроизводящегося Абсурда». Без нахождения и успешного взлома этого «яйца с кощеевой смертью» - скоро умрем мы с вами. Иначе любые рассуждения о социальной политике в современной России – это либо пустая трескотня, либо еще хуже – демагогия и кривляния «на похоронах».

Ведь мы – русские советские люди действительно создали в ходе «Великого Перелома» очень оригинальную социальную систему. Система, которая была создана в советской России в начале тридцатых - в нынешней «трофейной» России (как тот АК или пулемет Калашникова) по-прежнему все еще существует и в ухудшенном виде ныне воспроизводится, только чуть «перекрашенная» под «демо-

кратию» и «рынок». Кстати, существует она не только у нас в мире. В Китае она все еще работает очень успешно, какое-то время - даже вступила в полосу большого процветания после того, как исчез ее советский вариант. Это - система управляемой из одного центра «единой большой городской фабрики» в масштабах имперской страны.

Всё, что произошло, когда перестройка стала Катастройкой: большая фабрика раскололась на кусочки – отдельные «цеха» и национальные территории. Как только «хаос дележки» понемножку стал заканчиваться, а хоть какой порядок восстанавливаться, то фактически в ходе этой «новой» ситуации, нам Чубайс начал петь про либеральную империю, потом Путин – рассказывать про энергетическую империю. Однако выяснилось: ничего, кроме АК или пулемета Калашникова из наличных деталей пока на этой территории с таким количеством людей такой квалификации вроде бы собрать невозможно. «Сделать» ну хоть что-то «свое собственное» у новых хозяев «трофейной России» почему-то никак не получается. Все время какие-то лишние «детальки» остаются (включая «лишние миллионы» русских людей), а к «имитационному процессу строительства» всё несерьезнее относятся все - в отличие от набивания карманов «верхов» и выживания «низов».

Есть одно «ключевое звено», которым с присутствующими сегодня бы и хотелось поделиться. На самом деле, при огромной силе и эффективности системы СССР в одних вопросах, в других она оказалась чудовищна, катастрофична. Прежде всего, в главном для нас сегодня вопросе: уже в СССР проблема «выживания русских» встала вполне реально. Когда после Победы в Отечественной войне и восстановления разрушенного хозяйства окончательно возникла современная Россия, т.е. городское индустриальное общество, тогда

еще быстро и эффективно развивавшееся - у СССР быстро возникла «ключевая проблема». Из-за нее пришлось власти «химичить» уже и с итогами переписи 1959 года — десятками миллионов активно в «русские» записывая «полукровок», русскоязычных украинцев и т.п. На глазах начала нарастать депопуляция русского народа, живущего в «советском городе».

Ведь за счет чего существовали все предыдущие великие Чудеса и Победы в СССР, несмотря ни на какие народные беды? За счет того огромного демографического избытка, который давала в XIX веке после «освобождения» и в XX веке русская деревня - и за счет колоссального стремления этой активной части деревни любой ценой убежать в город и стать «городским советским русским». И для себя, и для своих собственных детей. «Централизация-дисциплина - самопожертвование» как исторические традиции основной массы русского крестьянина центра европейской России, которыми «успешно воспользовались красные», - так описал причины победы над белыми и интервенцией еще Ленин в конце 1919 года. На основе хищнической эксплуатации этой «русской триады» побеждал далее 25 лет всех «врагов внутренних и внешних» Сталин.

Как только демографическая машина русской деревни оказалась перенапряжена и разрушена в СССР к концу 50-х, из всей Большой Машины начали выходить воздух и энергия. Чем дальше, тем больше на глазах все катилось «по инерции» до Катастрофы. Почему такого не произошло с китайской Мегамашинной, мы сегодня знаем. Там деревня в главном сохранилась, со своим демографическим избытком, несмотря ни на какие чудеса с «Большим Скачком» и «коммунами» — мировую войну Мао и К спровоцировать не удалось. Более того, благодаря Дэн Сяопину, в отличие от системы СССР, которая была автаркической до самого краха, КНР не просто

вышла на мировой рынок. Китай с начала 80-х стал за срок жизни одного поколения главной мастерской мира. Бóльшая часть всего ширпотреба, который сейчас лежит на всех прилавках всех ведущих мировых стран, либо китайская, либо так или иначе в значительной степени произведена при помощи китайского капитала.

Наша «небоскрежная система» — городская индустриальная Россия — сейчас страдает самым страшным недугом: 17% русских женщин просто официально бесплодны, а большинство семей в нынешнем «выживании» (а не нормальной жизни) — рожать не хотят. Ползучая тихая депопуляция русских в СССР начала приобретать всё более стремительный и размашистый характер при «реформах=геноциду», в среднем каждый год с начала 90-х умирает на миллион больше русских, чем рождается. В мерзкие годы конца XX века это чуть «микшировалось» для России бегством миллионов русских из Чечни и средней Азии с Казахстаном («туркменбаши» нужных для сохранения города русских рабов выпускать перестал уже в 90-е: и Ельцин, и Путин «за газ» это проглотили).

А еще раньше бить в набат не велели КПСС-КГБ и сам «Союз нерушимый республик свободных», у него был еще избыток демографический, за счет которого он так или иначе трудовые ресурсы пополнял. Существовала единая страна: и хоть армия и даже ее стройбат от пресловутого таджика 70-80 гг. плевались, он все-таки был «обтесан» (спасибо Советской власти!) под русское городское индустриальное общество. Насколько его вообще (жившего реально по-прежнему в исламском кишлаке даже в СССР), под городское индустриальное общество можно было обтесать. Сейчас фактически в Москве и в других больших городах России образуются Москва-аул, Питер-аул и т.п. Самые классические этнические гетто, которых никогда не было за всю многовековую историю России. И, слава Бо-

гу, с моей точки зрения, что не было: ни при царях, ни при секретарях - чтобы мы сегодня не думали про довольно варварские методы урбанизации и индустриализации.

В этом смысле здесь действительно наступает ключевой момент для судьбы «трофейной России», и на нем хотелось бы остановиться подробнее. Возникла разруха принципиально нового типа. Более страшная, чем та, которую фиксировал профессор Преображенский, когда она в 20-е годы XX века «была в головах». Впервые возникла разруха в социальных тканях. Русская деревня стала первой жертвой. Оказалось, достаточно уничтожить социальную ткань воспроизводства крестьянского образа жизни русского народа - а потом можно было с конца 60-х сколько угодно вкладывать денег и в технику, и в жилье, в быт людей. Все равно все уходило в песок: без непрерывных государственных инъекций продовольствием страна не могла себе обеспечить ни в СССР (хотя там были другие ресурсы, а дела были чуть получше) - не может и сейчас в «трофейной России». Очевидно, что ни одна нормальная страна мира, в особенности еще претендующая на величие, без хоть минимально элементарного «на автомате» продовольственного самообеспечения - жить не может. Пока этого нет, мы живем не в России, а в «трофейной России»...

В чем противоположность «первых разрух» России XX века - и нашей? После мировой + гражданской и после Отечественной в русской истории произошло самое страшное уничтожение материальных ценностей и десятков миллионов людей. Однако поскольку оба раза, во-первых, стихийно сохранилась существующая социальная ткань, а во-вторых, большевики придумали новые, невероятно эффективные на первых порах социальные механизмы - то вспомните, за сколько лет и как сравнительно легко было восстановлено чу-

довищно разрушенное хозяйство после 1945 года. Было ощущение, что раз мы ТАК победили, нам теперь сам черт не брат! То были не механизмы на уровне станков» а социальные механизмы, которые позволяли Чудеса делать. Кстати, в начале 60-х медицина и система социального обеспечения в СССР дали самый низкий в мире уровень смертности (6 на 1000 человек), дальше он в 70-е и 80-е только рос, как ни «химичили» со статистикой. А сенат США после запусков спутника и Гагарина устраивал слушания про две системы образования: «Что знает Иван и чего не знает Джонни?»

Сейчас ситуация с точностью до наоборот: вместо общества, где (пусть на краткий срок) действительно были «одна мечта, одна тревога, одна судьба, одна земля», возникло общество одиночек - от президента с олигархом и до последнего бомжа. Они вполне заслуженно не доверяют друг другу и потому не способны к элементарным кооперативным действиям (за вычетом самой ближайшей перспективы «против кого сейчас дружить будем?»). Не только детей русские не рожают. Бессмысленно заниматься любым длительным планированием Дела, потому что точно знаешь: либо тебя обязательно «кинут», либо всё само провалится и развалится. За вычетом такого сверхмощного механизма, который создал Советский Союз в области ВПК, инфраструктуры, транспорта, трубы, по которой что-то все время качалось, за вычетом некоторой регенерации в этой сфере - ничего нам «стабилизация» и ничего экономический рост не дал. Все противоречия, которые так замечательно описывает Владимир Петухов и Леонтий Бызов в своих трудах, они эту ситуацию и характеризуют.

Вот, Михаил Сергеевич, при Вас в первые года перестройки говорили, что потому и начался рост населения, что пить стали меньше, а «жить стало веселее, хотя и не лучше». Сейчас ситуация,

действительно, с точностью до наоборот. Вроде лучше, катастрофа и выживание на самой грани для большинства прекратились, а бесперспективность существования полная. Потому что ради крысиного бега продолжать невозможно и устали уже напрягаться, а новых рожать для этой муки – не хотим, тем более что опять все может рухнуть в любой миг: с Россией как с Союзом. Был и буквально на глазах заканчивается все тот же советский накопленный запас человеческого капитала и материальных ресурсов, а перспективы по-прежнему нет.

В этом смысле мы как русские и как Россия, действительно, подходим к некому решающему рубежу. Всё еще, во-первых, есть (пусть сильно постаревший, изношенный) «человеческий капитал советского периода» в нынешней России. Во-вторых, все-таки наших нынешних замечательных властителей немножко «припекло». Ведь до самого последнего момента была ситуация чисто трофейной экономики. Рос «государев профицит» годами, но бюджет ни во что новое не инвестировался. Самоинвестированием занимались РАО ЕЭС, Газпром, РЖД и вся эта получастная, полуказенная «нефтянка». Сейчас вроде бы и назначение Иванова, и все эти истории про конверсию (хоть и шутили в советский период, что «конверсия – это нечто среднее между конвульсией и диверсией» и фактически так оно и получилось, но что выросло, то выросло) говорят о новом этапе. Правители России еще так неуверенно, осторожно, бочком сказали: «таки да, мы собираемся запускать новый инвестиционный цикл». И не просто это сказали с трибуны, а и контракты еще заключили. До 2010 г, даже до 2012-15 гг.

У контрактов есть одна очень интересная особенность. Под них уже нет нефти и газа на готовых месторождениях. При всем огромном запасе прочности, который создал СССР, разрабатывать те

нефть и тот газ, которые в земле еще лежат, даже той Мегамашине было не под силу (или казалось несвоевременно). Вот теперь – надо! А где же те самые машины социального взаимодействия - пресловутые «стройки коммунизма» - они где? В рифму – «в Караганде», и во всех других соответствующих местах. Теперь для наших нынешних правителей «трофейной России» встает очень интересный «вопрос на сообразительность». Обойтись одним пиаром невозможно. Явно что-то придется делать. А делать по-настоящему не умеем и не хотим, ибо уже накопилась эта инерция успешного пиара, инерция типа «мы сидим, а денежки идут», которая существует все годы правления Путина.

В этом смысле В.Петухов абсолютно прав, что в 2007 году население абсолютно не интересуют вопросы преемственности власти (как и все остатки публичной политики). И тут население в своем праве. Кто там будет делать вид, что они «нами правят»? Путин и Абрамович – как сейчас, Иванов и Рабинович (из известного сочинения Кунина) - завтра, да хоть Сидоров и Пидоров (какая нам принципиальная разница!). Лишь бы (опять в полном соответствии с тем, что сказал Петухов) не лезли в наши дела и минимально выполняли свои элементарные обязанности. Так может рассуждать обыватель, которого из политики (в которую его во многом силой втянули Горбачев и Ельцин) при Путине «уволили в отставку». А вот любые государственные деятели, думающие о будущем общества, так рассуждать не могут, потому что «время-то тикает». Сокращение численности населения на миллион в плохой год или даже чуть больше и чуть менее в хороший – уже некоторого рода реальность для целого поколения подряд. Как и не родившиеся миллионы в эпоху 90-х и начала нового тысячелетия.

Второе – это вопрос о качестве людей. Как-то раз ехал я в Московском метро, и там вел кампанию один националистический хам, он повесил очень хорошую, с моей точки зрения, листовочку: «Спасибо за наше счастливое детство - сказали Юрию Лужкову таджикские, узбекские, чеченские и азербайджанские дети». Когда мне тут сегодня говорили, как замечательно дела обстоят во Франции и в Швеции с демографией, потому что у них есть какие-то социальные услуги для женщин на дому: да не рожают все равно французские и шведские женщины по большей части. А какие там «дамы» рожают, мы уже знаем: достаточно посмотреть телевизор.

В этом смысле перед Россией встает ключевая проблема: надо решить три вопроса сразу, и причем сопоставимые по масштабу с пресловутой первой пятилеткой, ибо многих нынешних «дров наломали тогда». Там для нищего деревенского СССР с бешено активным трудовым народом по итогам революции индустриализация была целью и даже Мечтой, а теперь надо сохранить индустриальную городскую Россию, иначе она рассыпается на глазах. Тогда не хватало станков и квалифицированных кадров, а теперь не хватает социальных механизмов. Тогда стояли во главе СССР люди, по дерзости отвязанные до «отмороженности», удивительно (даже для XX Века Героев) организованные и бесстрашные, которые, действительно, «вздернули на дыбы» Россию и сначала - успешно выиграли «внутреннюю войну» с русской деревней, а потом и внешнюю с Гитлером и всей Европой. А теперь во главе «трофейной России» - стоит удачливое «Ничто с рейтингом»: что выросло на обломках СССР, то и выросло.

При этом Ленин правильно завещал, что всегда в любом деле надо ухватить решающее звено; что если этого кем бы то ни было сделано не будет, результат будет понятным. Здесь этих решающих

фактически получается «два звена». Во-первых, надо открывать новые месторождения и строить трубы. Без этого конец - и очень быстрый конец. Не только всей «кремляди» (как нынешнюю «элиту» ее конкуренты за кресла ласково зовут за многочисленные качества), но через очень короткий промежуток времени – и русскому народу со всей страной в целом. Абсолютно правы Чубайс и Кириенко: для выживания в XXI веке нужно России 20 новых АЭС. Мы еще умеем и можем делать в Волгодонске оборудование, и успешно строим в Бушере руками иранцев одну станцию. Надо массово построить для «своих» теперь «оболочки» в России. Плюс для меня здесь момент важнейший: уж вот этого таджики и даже китайцы (в отличие от нефти и газопровода) - строить не будут. Начнется настоящее восстановление городской индустриальной России, ее материального фундамента. Для этого есть в наличии все советские заготовки. Если этого не сделают (все украв и провалив), то это, действительно, будут преступники и мерзавцы. А народ, который допустит, чтобы они им потом еще правили, больше не очень заслуживает того, чтобы дальше жить.

Но есть вторая проблема, которую как раз Советский Союз не решил и потому Михаил Сергеевич на перестройку и пошел – хотя, по-моему, не очень оценил степень риска и сложности проблемы. А что делать с демографическим обвалом? Что делать с ситуацией, когда русские не воспроизводятся, не хотят дальше жить - и более того, это уже настолько долго происходит, что мы не хотим об этом думать, что мы это давным-давно не называем вслух **ВЫМИРАНИЕМ НАРОДА**. Называем наркоманией, алкоголизмом, нехваткой рабочих ресурсов, избытком рабочих мест. Ключевая проблема, на деле, находится здесь, а власти на нее реагируют «на-

циональным проектом материнского капитала» - и все время врут, жадно и мелко жульничают...

Я не готов здесь сейчас предлагать какие-то способы решения демографической катастрофы русских, над темой думали десятилетиями – и решения пока не нашли. Однако поскольку Россия все-таки не одна, поскольку у нас все-таки есть - хороший или плохой – наш белорусский и украинский сосед (а так уж складывалась моя жизнь в последние годы, что я мог живьем и подолгу смотреть на наши отличия), некоторые подходы к решению этой проблемы есть. Как же я счастлив был за украинцев и с какой мерзостью и отвращением я реагировал на наши доморощенные пляски про т.н. «материнский капитал»! Абсолютно вся южная и восточная Украина, ненавидящая Ющенко и «западенцев», 3 года дружно говорит: ну, сделали хоть одно доброе дело с «нормальными разовыми деньгами» на каждого новорожденного! Поскольку у них нет проблем с таджиками, узбеками, чеченцами и азербайджанцами в таком количестве, для них любой малыш (не важно, на «ридной мове» он заговорит или на плохом русском языке) - он свой, он живое будущее собственной страны. Украина, не имеющая нефти, газа и много чего на свете - страна национально живая, живая демографически; она политически живая и будет жить, даже если на что-то там будет раскалываться. В Беларуси (хоть я «батьку» сильно и не люблю) реально создана государственная демографическая политика – за повышение рождаемости бьются как «за урожай»: довольно тупо, бюрократически, однако это не вороватые пиар-имитации, как в «трофейной России»...

Есть один обнадеживающий момент. В истории России уже не раз возникали, казалось бы, совершенно безнадежные положения. И как гласит известная народная мудрость: пока гром не ударит, из-

вестно, кто не начинает креститься. Причем опять от самого верха и до самого низа. Для меня в данном контексте именно национально-демографическая проблематика является первичной в сравнении с социально-экономической. Даже решив нынешние неотложные социально-экономические проблемы, но не решив проблему демографического воспроизводства русской городской России, мы тем самым просто отодвинем эту же самую ситуацию еще немного дальше. Для того, чтобы столкнуться с ней в новом, куда более тяжелом облики и положении. Хотя стране в ее нынешнем виде не помешает любая передышка и отсрочка!

Кувалдин В.Б. Михаил Валентинович, спасибо большое. Ради точности, некоторые данные по демографии во Франции из официальной международной статистики: рождаемость - два человека, по Европе – это 1,3-1,5; прогноз численности населения на 2030 год – 75 миллионов человек. Напомню, что в настоящее время во Франции так же, как в Италии и Великобритании около 60 миллионов населения, т.е. для них это действительно острая и застарелая проблема. Они с ней столкнулись одними из первых в Европе, искали разные подходы. Но, похоже, при всей сложности этой проблемы кажется, они одни из первых нащупали решение.

Слово Вадиму Андреевичу Медведеву, и все, кто хочет выступить, пожалуйста, записывайтесь.

Медведев В.А. Вначале мне хочется поделиться общими соображениями, навеянными докладом и устным выступлением Евгения Гонтмахера, и потом затронуть и более конкретный сюжет, касающийся реализации целей социальной политики.

Должен солидаризироваться с общим выводом, содержащимся в докладе Гонтмахера о том, что сейчас в России пока нет сколько-нибудь внятной, развернутой и глубоко обоснованной социальной

политики. Ее отсутствие не могут компенсировать т.н. «национальные проекты», которые обоснованно ставят отдельные острые проблемы, но не дают общей концепции социальной политики. В общем объеме финансирования социальной сферы на долю национальных проектов падает не более 5-10 процентов общих ассигнований.

Но я не очень согласен с докладчиком, когда он, судя по тексту доклада, и особенно по устному выступлению, объясняет такую ситуацию в социальной сфере тем, что непоследовательно и не до конца решены проблемы, унаследованные от нашего советского прошлого, что они оставались нерешенными в 90-е годы, остаются таковыми и сейчас. Отсюда вроде бы и суть социальной политики в том, чтобы окончательно преодолеть это наследие прошлого и перейти, как пишет в докладе Евгений Шлёмович, к «желаемой долгосрочной модели, многие параметры которой еще не очень ясны».

Мне думается, что суть проблемы в другом. Необходимость выработки новой социальной политики связана с особенностями переживаемого страной момента – выходом ее из тяжелого экономического кризиса 90-х годов, когда во всей полноте встает проблема, как быть дальше, в каком направлении развиваться и экономике, и социальной сфере.

Дело не в преодолении каких-то пережитков советского наследия, которое в устном выступлении докладчик оценил более положительно, чем в письменном тексте. В выстраивании новой социальной политики надо учитывать не только советский опыт с его негативными и положительными моментами, и суровые уроки 90-х годов и, конечно же, опыт Запада, не отвергая ни англо-американского, ни европейского варианта, включая шведский, ни новые тенденции и потребности, которые может быть еще не нашли

адекватного выражения в нынешнем современном зарубежном опыте в Европе или за океаном.

Мне кажется, что главное здесь - в конкретном анализе и конкретном подходе, исходящих из двух ключевых задач, которые стоят перед страной и которые в последнее время довольно четко и ясно сформулированы президентом. Первая - отказ от нефтяного и газового акцента как основного в экономической политике в пользу инновационного подхода, в том числе энергетического. Правда, тут заявления президента противоречивы. То энергетическая составляющая – это основа нашего влияния в мире, то признается, что надо искать более надежные, соответствующие современным потребностям источники и направления экономического развития.

Вторая ключевая позиция – это активная социальная политика, абсолютно жестко связана с инновационным типом развития, который немыслим без наращивания и совершенствования человеческого капитала. А социальная справедливость, направленная на улучшение жизни людей, создает для накопления человеческого капитала необходимые условия. Так называемый индивидуалистический вариант, мастерски обрисованный Гонтмахером (мне кажется в душе он все-таки склоняется именно к нему), - далеко не самый благоприятный для накопления человеческого капитала, поскольку не создает равных условий доступа людей к интеллектуальным, культурным, духовным ценностям, без которых человеческий капитал немыслим.

Я бы не искал каких-то готовых образцов в мировом опыте, а исходил бы из того, что все должно взвешиваться на весах того, насколько это соответствует инновационным, постиндустриальным тенденциям в социально-экономическом развитии, интересам наращивания и умножения человеческого капитала.

Что касается конкретного вопроса, который я бы хотел поставить здесь, он частично затрагивался в нашей дискуссии и касается налоговой базы социальной сферы. В ней обнаружились серьезные изъяны, острый недостаток денег в пенсионном фонде и т.д. Это, конечно, парадокс при наличии такого количества свободных денег в стране. С моей точки зрения, он имеет одно конкретное объяснение, о котором здесь не говорилось.

Глазьев критиковал сегодня налог на добавленную стоимость. Я же считаю своим долгом высказать свои соображения по поводу единого социального налога.

Известно, что два года тому назад с 1 января 2005 года ставка единого социального налога была довольно резко сокращена и составляет сейчас примерно 26 процентов к зарплате. Именно с этим связывают трудности с финансированием Пенсионного фонда и других социальных расходов. Считаю, что дело не в ставке единого социального налога, а в его системе, при которой работодатели выплачивают его и направляют в социальные фонды в процентах к заработной плате. Между тем, по имеющимся оценкам, треть заработной платы не проходит через бухгалтерский учет. Если она не была «серой» зарплатой, то отчислений в социальные фонды, видимо было бы достаточно. Но этой цели достичь невозможно при нынешних условиях, при самой этой системе единого социального налога, потому что сама она включает в себе стимул сокрытия заработной платы, уводу ее в тень.

Это очень серьезный вопрос, который, кстати говоря, имеет отношение не только к проблеме финансирования социальной сферы, но и к вопросу о коррупции, который поднял коллега из Воронежа. Мы это поймем, если зададимся вопросом, для чего нужны предпринимателям наличные деньги? Во-первых, для того, чтобы

выдавать заработную плату в конвертах и, во-вторых, - для взяток, подкупа, откатов. В каких случаях они, может быть, идут и по безналичному расчету, но они в основном по «черному налу» из рук в руки. Причем система единого социального налога определяет ее предельную «цену» безналичных денег в наличные: наличные деньги примерно на четверть дороже безналичных денег. Разница делится между участниками операции по обналичиванию денег. На этом процветает криминал, связанный с обналичкой.

Таким образом проблема ЕСН затрагивает не только социальную сферу, но проблему оздоровления экономики. К сожалению, никто этот вопрос не поднимает, потому что требуется другое позитивное решение.

Ее позитивное решение требует того, чтобы отчисления в социальные фонды были связаны с расходами, которые не могут не проходить через бухгалтерский учет, как, например, добавления стоимость или прибыль. Это было бы еще одним подтверждением того, что в ходе выработки единой социальной политики предстоит критически пересмотреть многие решения и институты, которые возникли в 90-е годы.

Кувалдин В.Б. Спасибо, Вадим Андреевич. Слово предоставляется Дианову Максиму Анатольевичу.

Дианов М.А. Первое, с чего нужно начинать исследование, это понять, что происходит, понять, куда идти, понять, какими средствами решать проблемы и т.д. В общем, примерные схемы методологии, по-моему, все тут знают отлично как схему, как руководству к действию.

Собственно, что у нас сейчас происходит? У нас, как уже все говорили, правда, в явном и неявном виде, по-разному это формулируя, это изменение структуры общества. Это совершенно точно. Как

бы тут никто не сомневается. Кто-то говорит об одних изменениях, кто-то о других, но тем не менее структура изменяется очень сильно. И этот процесс носит многоуровневый характер, он как глубинный, о чем говорила Татьяна Михайловна, так и коротко- и среднесрочный, что социологи показывают нам очень хорошо.: за два-три года, максимум за четыре меняется фактически настроение людей или какие-то тренды появляются, исчезают и т.д.

Задача или цель, которая должна быть поставлена, с моей точки зрения, перед социальной политикой, - это понять эти изменения и либо приспособиться к ним и приспособить эту политику к этим изменениям, либо как-то повлиять на эти изменения, причем одно не исключает другого. Не будем строить утопий, но стремиться к этому, как сказал президент, надо.

Поэтому решение, на самом деле, не может заключаться отдельно ни в экономике, ни в демографии, ни в политике. Оно должно быть в принципе комплексным. Вот у нас, по-моему, сейчас этого понимания у властей нет, экспертное сообщество тоже предлагает какие-то решения одной какой-то проблемы, а, на самом деле, социальная политика в первую очередь будет затрагивать всю структуру общества. То есть она и влияет на него, и приспособливается к ней. Я специально повторяю, потому что это основная мысль. Все проблемы, которые есть у нас в проектах, которые мы сегодня обсуждали так или иначе связаны, но при этом их нужно решать. Не поленись всё это перечислить. Решение может быть разным, но если их решать по одной каждую, то решения в социальной политике не будет никогда.

Я не просто так спрашивал про приоритеты. Их примерно все одинаково представляют. В первую очередь было сказано, что дети, но, на самом деле, это, конечно, демография. И очень хорошо, что

власть этим занялась. Все-таки очень долго ее убеждали в этом, причем где-то, по-моему, лет более 20, наверное, или 25. Потому что еще, если я не ошибаюсь, перепись 1979 года показала тенденцию и появились после нее работы о том, что в ближайшие 15-20 лет будет серьезный демографический спад (это было известно еще тогда), но тем не менее ни Советский Союз, ни Россия ничего по этому поводу не делали.

Тут уже предлагали способы решения демографических проблем. Единственное, что нужно, - это понимать, что демографическая проблема сама по себе (увеличение рождаемости) ничего не решает. Собственно, для чего нужно, как говорят, плодить бедных, а хватит ли потом у нас структур здравоохранения? Вот хороший был пример. Родила ребеночка, выходи сразу и занимайся своими проблемами, мы тебя не трогаем. Не решается так проблема.

Наверное, по важности вторая проблема так или иначе связана с рынком труда. Собственно, и вопрос: а для чего нам решать демографическую проблему? Чтобы был этот рынок труда, и он был нормально заполнен. Но здесь не только проблема в демографии, но и проблема миграции, на самом деле, встает, о которой тоже сегодня говорили, и тоже эта проблема социальной политики. Не буду углубляться, здесь об этом много говорилось.

Дальше, а как, собственно, должен заполняться этот рынок труда? То есть нужно решать проблемы здравоохранения, причем здравоохранения в широком смысле слова. Не только, чтобы все были здоровы, лечились болезни, соответственно лекарства, пенсионное обеспечение и вообще физическое здоровье нации и вообще физическое здоровье граждан страны. Тут и физкультурные проблемы как физического здоровья тоже лежат. А вот у нас Олимпийские игры сколько угодно рекламируем, а вообще о физическом здоровье

просто забыли. То есть опять - нужно побыстрее родить, как можно больше сделать. А что с ними делать и как они будут выживать – никто не знает.

Туда же и проблемы экологии обязательно. Так или иначе, нужно их решать опять же не как проблемы экологии (закрыть какой-то химический комбинат и т.д.), а в принципе к чему нужно идти. По каждой проблеме должны быть выработаны государственные стандарты так.

Проблема образования. Нацпроекты вроде как бы нащупали, но каждый проект решается безотносительно к другому. Проблема питания, причем опять же и образование, и питание. Вопрос не в том, чтобы накормить, а накормить той пищей, которая нужна. Американцы решили проблему накормить, но зато создали проблему генетически измененных продуктов (кто в Соединенных Штатах был, тот, наверное, видел много людей такого вот диаметра). Это не решение проблемы здоровья нации.

Образование в широком смысле слова, т.е. не просто образование. Если так грубо, то оно должно быть общее (вообще понимание того, что такое мир и т.д.) и профессиональное. Опять же сегодня уже говорилось о том, что олигархи уже поняли, что у них не хватает квалифицированных кадров. Я просто конкретный пример приведу. Чубайс – самый лучший менеджер с точки зрения накопления денег на том, на чем он сидит, но он эти деньги потратить не может. За 15 лет построена только одна Богучанская электростанция... Но нет людей, которые могут это сделать.

Действительно даже тот же проект из моей любимой атомной промышленности, которому я 15 лет посвятил. Только на старых кадрах можно решить эту проблему, потому что то, что сейчас воспитано, я, собственно, знаю многие институты, в которых всё это

происходит, решить можно только с помощью старых кадров. Не только в России.

С моей точки зрения, просто задавили атомную энергетику с помощью нефтяных и газовых лоббистов во всем мире (не имеет значение, какая страна). В Америке тоже задавили. У них там, если не ошибаюсь, 60 процентов электростанций на угле, если кто не знает, а у нас – 16.

Проблема богатых и бедных. Вот то, что говорилось о децильных коэффициентах, у нас уже употребляется (я, по-моему, два или три раза встречал) двудецильный (когда одна пятая). Название не помню, но соотношения там у нас хорошие, хотя, на самом деле, это тоже страшная вещь. Вот там как раз пять или шесть. Но тем не менее эта проблема есть.

Может быть, стратегически не важная, но жизненно важная проблема –финансовая. И проблема бюджетирования, проблема использования профицита бюджета, стабилизационных фондов и т.д. Вот не нужно дергать, нужно просто сказать: мы тратить это будем на то-то, то-то; дайте план – должно сказать государство. И дальше выбрать из тех планов, которые есть, куда и чего, собственно, как и бюджетный процесс реально происходит.

Еще одна, может быть, самая важная проблема опять же с моей профессиональной точки зрения, поскольку у меня Институт региональных проблем. Я могу очень долго говорить, когда человек вопрос задал про регионы. Это отдельный, если не два, «круглых стола», и это проблема не только федерализма, но и, в том числе, проблема того процесса, который идет сейчас. Не просто Центр-регионы, а еще и проблема государственной власти и местного самоуправления. Говорили уже, что социалку сбросили либо на предприятия, либо на местное самоуправление. Финансами не обеспече-

но. Там не только финансы, там вообще ресурсы. Ресурсов-то нет. То есть деньги-то они получили, только купить ничего не могут.

Про криминализацию тоже уже частично говорили. Тут процесс длительный. И на оптимистической ноте: наверное, власть все-таки хочет решить эту проблему просто из чисто прагматических соображений, чтобы им жилось спокойно. Спасибо.

Кувалдин В.Б. Их можно понять. Спасибо, Максим Анатольевич. Здравомыслова Ольга Михайловна – прошу Вас.

Здравомыслова О.М. Ю.В. Андропову приписывают слова: «мы не знаем страны, в которой живем». Это было сказано в начале 80ых, и, конечно же, имелся в виду Советский Союз. С тех пор прошло 25 лет и, кажется, можно сказать: теперь мы, несомненно, больше знаем об обществе, в котором жили прежде, многое знаем и о современной России. В то же время складывается впечатление, что, имея так много новой, важной информации о разных сторонах жизни нашего общества, мы все меньше понимаем «куда идет» нынешняя Россия - это ясно прозвучало в выступлениях на круглом столе.

Один из классиков западной социологии Талкотт Парсонс, перечисляя главные функции, которыми обладает любая социальная система, назвал первой функцию достижения целей. Если общество не ставит перед собой целей и не определяет путей их достижения, оно не может развиваться и постоянно находится под угрозой распада. В конце 70ых годов Советский Союз, находившийся на пороге глубокого системного кризиса, называли обществом, в котором «потеряны цели». В середине 80-х, в Перестройку были сформулированы цели - выход из тоталитаризма, демократизация. Были определены пути их достижения - построение правового государства и развитие гражданского общества. Благодаря этому обществу был

придан динамизм. В 90-е годы общественные цели постепенно отошли на периферию: люди приспосабливались и выживали на пределе возможностей, мобилизуя для этого все свои ресурсы. «Достижение целей» переместилось в сферу частных интересов, и это захватило все социальные слои - от рядовых граждан до политических элит. В современном российском обществе развиваются, разумеется, разные тенденции, но по-прежнему сильны те из них, которые ведут к социальной дезорганизации и дезинтеграции. Об этом, по сути дела, оба доклада, обсуждению которых посвящен круглый стол.

В докладе Е. Гонтмахера показано, что социальная политика 90-х годов не могла сформироваться в условиях социально-экономического хаоса первой половины 90-х годов. Поэтому, несмотря на то, что делались попытки с помощью законодательства реформировать отдельные сферы (прежде всего, здравоохранение и образование) и вводить меры для облегчения положения самых уязвимых групп населения (пенсионеры, инвалиды, беженцы и т.д.), меры социальной политики оказались не способны смягчить последствия шоковой терапии и стремительного социального расслоения. Создается впечатление, что тогдашняя социальная политика существовала в собственной нише - «отдельно» от общества. Интересно, что, судя по сценариям, которыми завершается доклад, Е.Ш. Гонтмахер не видит особых перспектив и для современной российской социальной политики. Он признает, что в российских условиях не будет эффективно работать ни «индивидуалистический», ни «общественный» сценарии, названные им в качестве альтернативы «инерционному» (заведомо провальному). Автор доклада видит перспективу социальной политики в постоянном «перескакивании» с одного сценария на другой в зависимости от того, какое «крыло» политики в данный момент будет сильнее - «правое», более либеральное,

или «левое», более социально ориентированное. Таким образом, предполагается, что ситуация ближайшего и более отдаленного будущего полна неопределенности и следовательно, невозможно планировать сколько-нибудь ясное направление для социальной политики.

В. Петухов в начале своего доклада тоже говорит о разнообразных, тенденциях последних лет, которые дают пищу для многих интерпретаций и оценок. Однако, по сути дела, доклад представляет собой попытку социологического анализа того, как в отсутствие ясной цели посткоммунистической трансформации в России, в обществе образовался целый клубок противоречий. Их результатом является то, что на сегодняшний день в России почти сформировались несопоставимые друг с другом «миры», каждый из которых может жить только по своим правилам, и не признает правил, общих для всех. Это наиболее заметно проявляется в растущем социальном неравенстве и бедности, которая разразилась в нетрадиционном, постсоциалистическом обществе с населением, все еще имеющем высокий, по современным меркам, уровень образования. Часть этого населения, как утверждают социологи, уже живет в «культуре бедности», то есть *воспроизводит* бедность, передавая ее по наследству своим детям. В это же время на другом полюсе общества утверждается «культура сверхбогатых» со своими правилами игры. Обе эти «культуры», по сути дела, находятся за пределами нормального общества, которое ориентировалась бы на принципы гражданской морали и в котором индивидуальный успех не находился бы в полном противоречии с профессионализмом и элементарной честностью. В докладе приводятся данные опросов, которые показывают, что существование в российском обществе двух противостоящих друг другу миров (богатых и бедных) является, по мнению насе-

ния, главным препятствием становлению нормального общества и принципам современной демократии.

Не решив этих общих вопросов, невозможно точно определить среди многочисленных проблем России те, что являются на сегодняшний день приоритетными. Не сформулировав ясно целей общественного развития, невозможно эффективно решать вопросы экономики, идеологии или социальной политики. Например, при всей исключительной важности демографической проблемы нельзя думать, что ее можно решать «отдельно» от проблем бедности и социального неравенства. Так, многочисленные исследования показывают, что ресурсы семьи, которые помогли людям пережить 90ые годы, почти исчерпаны и у подавляющей части населения существует естественный страх перед перспективой оказаться вместе со своими детьми среди бедных и неуспешных. Поэтому самое важное сейчас состоит в том, чтобы остановить идущую из 90ых годов инерцию распада российского общества на социальные организмы, живущие по собственным программам. В этом состоит принципиально новая, сложная задача социальной политики, если она хочет быть политикой, а не просто набором мероприятий, имеющих кратковременный эффект.

Кувалдин В.Б. Благодарю Вас, Ольга Михайловна. Слово Андрею Виленовичу Рябову.

Рябов А.В. Хотел бы поделиться с участниками «круглого стола» несколькими разрозненными мыслями в связи с уже прозвучавшими выступлениями и, прежде всего, с тезисом, который сформулировал Евгений Шлемович. Он говорил об ограниченности возможностей в осуществлении социальной политики таким вовсе не социальным фактором, как качество политической элиты и характер

властных отношений. Мне эти сюжеты наиболее близки в силу моих профессиональных занятий и интересов.

Если для понимания текущей ситуации в нашем обществе мы воспользуемся таким тезисом, как транзит в транзите (может быть, не совсем удачным термином, но за отсутствием другой терминологии, видимо, и эта будет операциональной), то, по большому счету, будем вынуждены констатировать, что нынешняя политическая и в значительной мере деловая элита ориентированы на сохранение статус-кво. Долгосрочные стратегические интересы побуждают эти элиты именно к такой линии. В данной связи интерес к новациям в области социальной политики возникает, главным образом, лишь тогда, когда появляются угрозы, подрывающие устойчивость этого статус-кво.

Давайте вспомним, как в политической повестке дня возникла демографическая проблема. Подчеркиваю, не в экспертном или академическом дискурсах, а именно как политическая проблема. Это произошло потому, что появилось осознание простой истины, что источник благосостояния нынешней элиты находится на тех территориях, где население катастрофически убывает. И в случае продолжения данной тенденции в определенной исторической перспективе можно будет лишиться этих территорий вместе с живительными фонтанами нефти, газа и прочих природных кладовых Сибири и Дальнего Востока. Отсюда возникла простая и утилитарная реакция – нужно срочно увеличивать население. А то, что для решения этой сложной задачи в слабо освоенных районах Востока страны нужны огромные вложения в инфраструктуру, которые сделали бы закрепление людей на данных территориях привлекательным, то об этом особо не думали. Ни правящие элиты, ни российское государство не привыкли работать с долгосрочными инвестициями. Поэтому они

ищут простых решений, ориентированных на достижение скорого эффекта. Так и появился национальный проект, в центре которого повышение рождаемости.

Несколько слов о тезисе, который в докладе Гонтмахера описывается как перескакивание с одного типа социальной политики на другой. На мой взгляд, подобное перескакивание на самом деле запрограммировано характером существующей политической системы России. Хорошо известно, что нынешняя российская «трубопроводная» экономика способна по разным оценкам обеспечить нормальный среднеевропейский уровень, стандарт жизни максимум 50, может быть, с последним ростом цен на нефть 60 млн. человек. А остальные 85-90 объективно оказываются в ином социальном пространстве. Это и приводит к формированию в экономике и социальной жизни страны разных укладов. Факт возникновения подобной многоукладности был отмечен в докладе Владимира Васильевича.

С этими 80-90 миллионами при такой структуре экономики, естественно, реально ничего нельзя сделать с помощью никаких моделей социальной политики. Однако на ситуацию воздействует политический фактор - выборы. Надо, чтобы эта, живущая в отсталых социальных укладах основная масса населения «правильно» проголосовала, заняла бы лояльную по отношению к власти позицию. Естественно, реагируя на не вытекающие из сути социальной проблематики и социальной политики вызовы, элита вынуждена думать о раздаче денег перед выборами. Так появляются инициативы типа национальных проектов. Вспомним, что они появились вскоре после зимы-весны 2005 г. и в значительной мере были реакцией власти на массовые выступления льготников. Думаю, что пройдет избирательный цикл 2007-2008 гг., на повестке дня снова будет продолжение

реформ и национальные проекты, по крайней мере, в их нынешнем виде, постепенно спустят «на тормоза».

Все это вытекает из так называемой «маятниковой» формы современного российского политического процесса, когда возможности рыночных реформ упираются в их категорическое неприятие значительной частью населения, живущей в распадающихся полутрадиционных социально-экономических укладах. После выборов, когда властная элита получает мандат на управление страной, «маятник» движется в сторону реформ. И чем больше голосов получили представители властной элиты на выборах, тем радикальнее бывают их попытки осуществить болезненные социальные реформы. Но, столкнувшись с сопротивлением элиты, как правило, отступают, а по мере приближения к выборам заменяют курс реформ на политику социального популизма и раздачи денег тем социально зависимым группам, от которых многое зависит при голосовании. Соответственно и разными в данном политическом контексте получаются и модели социальной политики.

Нужно упомянуть и о специфическом понимании социальных реформ правящей российской элитой. В концепт «либеральной реформы» она вкладывает вполне определенное, выгодное лишь для себя содержание, интерпретируя его как простое освобождение государства и его чиновников от социальной ответственности, механическое перекладывание ее на плечи населения. И не важно, готово ли оно к подобным изменениям или нет. Не нужно искать в таких подходах и красивых публичных декларациях каких-то долгосрочных задумок и социальных стратегий. Все прекрасно знают, что печально известная монетизация льгот рождалась вовсе не в недрах Министерства социального развития, а в Минфине, где несколько человек посчитали, прикинули по-бухгалтерски и решили эту про-

блему с чисто фискальных позиций. Хотя известно, что социальная политика, наверное, лишь в последнюю очередь требует бухгалтерского подхода. Зато этот подход объективно соответствовал интересам самой властной элиты. Публичное давление на нее, зависимость от общественного контроля в последние годы резко ослабли. А степень автономности от общества резко усилилась. Ресурсы, которыми элита распоряжается, резко возросли и были концентрированы в руках нескольких групп интересов. Почему бы в таких условиях, наконец-то, не осуществить решающий шаг к конечной цели – полному освобождению государства и чиновничества от социальной ответственности?

Если посмотрим на все проекты социальных реформ – здравоохранения, образования, ЖКХ и др. то и здесь видна все та же цель. Пусть люди сами за себя решают свои задачи. Иногда даже высокопоставленные чиновники на этот счет проговариваются. Помните, кажется год назад, министр образования и науки Фурсенко высказался в том духе, что, мол, было бы неплохо среднюю школу финансировать, опираясь на спонсорскую помощь родителей. Даже в остальных странах Азии и Латинской Америки это теперь не практикуется. А у нас возникает жгучее желание провести такую, с позволения сказать, «новацию». Правда, потом министра поправили. Он, конечно, отказался от своих слов, но тем не менее важен прецедент – что у наших высокопоставленных чиновников на уме.

Естественно в рамках такого подхода, когда реформа рассматривается как лишь способ ухода от ответственности, сбрасывания ее с плеч государства, трудно говорить о какой-либо долгосрочной социальной политике. Напомню, что любая либеральная реформа, может быть, действительна лишь при двух очень важных базовых обстоятельствах: ее транспарентности (прозрачности) и наличии публично-

го контроля. Там, где этих обстоятельствах нет, реформы зачастую приводят к результатам, противоположным задуманному. Есть блестящие примеры некоторых арабских стран, которые от полусоветского и прочего социализма переходили к либерализации – Египта, позднее Алжира и Туниса. Это привело к концентрации богатств, к колоссальной коррупции в самом верхнем эшелоне власти и к резкому увеличению огромного слоя бедных на другом полюсе жизни.

И еще об одной, очень важной проблеме, о которой нужно упомянуть и о которой сегодня не было сказано. Речь идет о препятствиях к выработке осмысленных и долгосрочных стратегий социальной политики, обусловленных неконкурентностью нынешней элиты, ее опасениями конкуренции. Отсюда мне представляется сладостной и несбыточной мечта российского среднего класса, и других, находящихся на более низких социальных ступенях слоев, о которой опять-таки говорил Владимир Васильевич - о том, что «лишь бы нас не трогали». Да, такие надежды были реалистичными в 90-е гг. Тогда властная элита, испытывавшая дефицит легитимности, была заинтересована в социальной и политической поддержке нарождавшегося среднего класса и потому шла навстречу его стремлению быть подальше от государства. В нынешних же условиях пока, может быть, опрошенный среднестатистический россиянин не успел осознать, но очень скоро осознает, что надежды на то, чтобы его не трогали, постепенно становятся несбыточными. Почему? Нынешняя элита, не заинтересованная в конкурентности, опасаясь конкурентности, целенаправленно ограждает себя от нее через пресинг на различные, преимущественно новые средние слои населения, прежде всего, в крупных городах. Я имею в виду постоянные ограничения для бизнеса, ужесточения в налоговом законодательстве и т.д., которые объективно социальную энергию этих слоев пере-

ориентируют на процесс постоянной адаптации. Тем самым это снижает уровень их социального и политического активизма. Поскольку нужно постоянно бороться за существующий статус, за сохранение достигнутого материального положения, подтверждать их.

В этом плане я бы хотел подчеркнуть, что вовсе не факт, что нынешняя элита заинтересована в усилении городского среднего класса. Для этого более нет необходимости. Сейчас с помощью новейших технологий, в том числе и манипулятивных, достигнута достаточно широкая степень поддержки власти в обществе, в том числе и со стороны зависимых слоев населения. Легитимация власти существенно выше, чем в 90-е гг. А этот класс, который, как мы знаем, в ходе серьезных изменений в некоторых постсоветских странах в начале XXI в. продемонстрировал значительный преобразовательный потенциал (не в плане создания новой реальности, а в плане стремления преодолеть прежнюю), является в достаточной степени опасным для российского статус-кво.

В этой связи я думаю, что объективно политика будет направлена на восстановление социальной поляризации в обществе, поскольку зависимыми и слабыми в экономическом отношении слоями проще управлять.

В этом контексте те масштабные социальные задачи, которые, по крайней мере официально, формулируются и признаются, - о преимущественном развитии человеческого капитала, создании экономики знаний, - в рамках описанной политической среды неизбежно становятся лишь декларациями о намерениях. А на самом деле те самые важнейшие отраслевые сферы, которые и характеризуют состояние этого человеческого капитала, — образование и здравоохранение — приобретают всё больше социально сегрегационный характер.

Посмотрите на списки российских вузов по разным категориям — для выходцев из элит и всех остальных. А реформа здравоохранения: врач-незнайка для основной массы населения (т.н. общего профиля) и вполне квалифицированная и профессиональная медицина, но очень дорогая, для верхних социальных групп. Естественно, говорить о социально сбалансированном развитии и о каких-то задачах социальной политики, где целью является общество не как инструмент для решения каких-то утилитарных задач, а само по себе, как объект развития, я думаю, при таких подходах едва ли приходится.

Зайончковская Ж.А. Несколько реплик. Мне кажется, что здесь были высказаны соображения относительно демографии так, как будто демографические тенденции специфичны для каждой страны. Демографы давно доказали, что эти тенденции универсальны для всех обществ, которые движутся в сторону урбанизации. Поэтому неправомерно называть депопуляцию российской или советской спецификой. Россия просто отстала в этом движении примерно на три-четыре десятилетия по сравнению с Западным миром. Так получилось, что самые неблагоприятные демографические тенденции календарно совпали со временем 90ых годов. Но они были бы таковыми и без этого, потому что были запрограммированы предшествующим развитием.

Кроме того, неправомерно в этом отношении сравнивать Россию с Китаем, утверждая, что Китай сумел сохранить сельское население. Китайская политика по отношению к сельскому населению идет почти «один в один» по советскому сценарию. Буквально, года два-три назад сельскому населению было разрешено переезжать в города. Были выданы паспорта. Точно так же, как, скажем, в советское время сплошная паспортизация сельского населения была про-

ведена только в 1961 году. До этого сельское население не пользовалось правом свободного передвижения по стране, потому что у него не было паспорта. Для того чтобы выехать, сельские люди получали справку в сельсовете, удостоверяющую их личность. Эта справка имела временное действие.

Сейчас после того, как Китай разрешил свободный переезд из села в город, города моментально задохнулись от лавины сельских жителей. Китай очень быстро урбанизируется, и его сельское население тает чрезвычайно быстро. И более того - население тает точно так же, как это было и у нас, в глубинных районах. Уезжает очень много людей из приграничных районов с Россией, не потому что они граничат с Россией, а потому что это для Китая глубоко провинциальные районы. В китайской прессе уже есть, например, такая нотка, которая очень сильно звучала у нас в 50-е, 60-е и 70-е, 80-е годы – «плач по деревне». В Китае теперь тоже начинается плач по деревне, что уходит очень много людей и некому работать на селе. И, конечно, это тоже будет продолжаться довольно долго, но все равно движение идет в ту же сторону, что и в России.

Поэтому Китай, в отношении демографии, не может служить для нас примером. (Как и во многих других, кстати, случаях, он не может служить примером, но в этом - уж никак).

Прозвучало выражение «городская индустриализация». Сейчас о нашем обществе часто тоже говорят как о постиндустриальном обществе - но нам до постиндустриального общества двигаться и двигаться еще, по крайней мере, не одно десятилетие. Очень часто, говоря о постиндустриальном обществе, оперируют структурой занятости, сопоставляя структуру занятости индустриального общества и постиндустриального общества. Особенно часто оперируют трендами занятости в промышленности, имея в виду, что в постин-

дустриальном обществе занятость в промышленности очень быстро сокращается. При этом забывают о том временном отставании, которое существует между Россией и западными странами. Это огромный интервал времени, «перескочить» который нельзя, потому что нагнать его можно, только ускорив эволюцию, но никак не избежав этой эволюции.

Если как бы поднять цифры и посмотреть, до какого уровня доходила занятость в промышленности в некоторых развитых странах Запада, то нам до них очень далеко. Например, в Федеративной Республике Германии (потому что тогда еще не было объединенной Германии в то время, с которого можно вести отчет) занятость в промышленности стала сокращаться после того, как ее доля в числе занятых достигла 48 процентов. Это было в 60-е годы, это было не так давно, когда каждый второй работал в промышленности. Во Франции эта доля достигала 46 процентов. Самые большие цифры, которые были достигнуты в СССР, это в тех областях, где ВПК был очень сильно развит: Свердловская область, Москва, естественно, с Московской областью, Донбасс. Уровень занятости в промышленности составлял где-то 37-40 процентов, по-моему, только в Свердловской области. Именно промышленность создает тот базис, на котором потом всё может развиваться.

Более того, становлению постиндустриального общества очень способствовал вынос промышленного производства в третьи страны. Это был важнейший фактор сокращения занятости в промышленности и перераспределения рабочей силы в пользу сервисных отраслей. Если бы этого не было, население Западной Европы сейчас жило бы значительно больше за счет большей иммиграции. Иначе постиндустриальное общество с тем запасом своей рабочей силы, которым располагала Европа, было бы невозможно построить.

Ничто не происходит само по себе. В общем-то, так или иначе, за всё приходится платить. Нам сейчас самое время идти по линии выноса производства в третьи страны. Это не обязательно должен быть Китай, куда производство уже выносится. Во всяком случае, обувное, текстильное производство наше – то, что выпускается с российскими лейблами - очень многое из этого производится уже в Китае. Мы можем идти в Узбекистан. Можем идти в Таджикистан. Нам они ближе, но, во всяком случае, это, конечно, прямой путь преодоления демографического дефицита.

Теперь я не совсем разделяю пессимизм насчет того, что ничего новое время нам не дало. Я согласна с Ольгой Здравомысловой в том, что мы не знаем наше общество. Так, бывает думаешь, что знаешь своего ребенка, что он весь твой, но потом оказывается, что ты его не знаешь, потому что твои представления о нем были не верны. Вот так и наше общество. Мы, конечно, его не знаем.

Вспомните то время, когда рухнул СССР, и тот пессимизм, который, охватил тогда большую часть общества, потому что массовая потеря работы, массовый кризис социальной идентичности, статусной идентичности, растерянность, но, буквально, уже 95-й, да даже 94-й год, когда прошло несколько лет, этот короткий период выявил огромный самовоспроизводящий потенциал в обществе.

Мы в то время проводили очень большие исследования в нескольких странах СНГ по трудовой миграции. И уже для меня, например, это было в то время полным откровением, что, буквально, за несколько лет люди, которые вынужденно ушли в торговлю, которые рассматривали это как вынужденную социальную миграцию, сформировали такую организованную инфраструктуру закупки, сбыта, поставки товаров и розничной торговли, которая могла соперничать тогда с любой другой государственной инфраструктурой

по своей организованности, слаженности всех механизмов и взаимодействию. Таким образом, при бездействии государства, вопреки его сопротивлению, общество создало альтернативную структуру, которая позволила ему выжить. А еще года через два, когда мы опрашивали этих людей и спрашивали, пойдут ли они на завод, если завод станет работать, эти люди говорили: я – не дурак, я теперь никому не буду подчиняться.

Более того, почти каждый пятый из тех, кто испытал кризис идентичности в свое время, создал свой бизнес. Это, конечно, был такой бизнес: или два ларька с нанятыми продавцами или маленький ресторанчик на базаре или свои два автобуса, которые возили шоп-туры. Это был очень маленький бизнес, но тем не менее с нанятой рабочей силы, и человек этот был абсолютно самостоятелен. Он увидел мир, он получил, как говорится, в этих международных сетях, в которые он уже вклинился, понял, что везде надо работать. Нигде нет дырочки, в которую сыпятся деньги. Он очень многому научился из своего опыта, и это был совершенно другой человек.

Сейчас мы имеем такую параллельную инфраструктуру во многих случаях, в том числе в миграции. Мы имеем точно такую же миграционную инфраструктуру, которая работает независимо от государства. И когда мы говорим о партнерстве, мы это понимаем в основном только как деньги: ты – мне, я – тебе. Вот ты берешь деньги с людей за что-то, плати мне налог, а я тебе за это закон какой-то, который тебе разрешает легально работать. Вот на такой основе партнерство не получается. Получается рост коррупции, перетекание доходов еще в чьи-то карманы государственных представителей.

Наладить партнерство между этими разными системами, которые сейчас существуют и социально обслуживают людей – вот это трудно.

Говоря о демографических целях, можно привести такое сравнение: у лыжника, который бежит сзади, есть плюсы и минусы. Плюс - у него готовая лыжня. Минус – то, что все-таки он сзади. Наверное, плюсов больше. Во всех развитых странах уже было принято сколько разных способов воздействия на рождаемость за прошедшие четыре десятилетия, что, наверное, если бы их свести, то это не поместилось бы в несколько томов. И все страны убедились, что управлять этим процессом общество пока не может. Не может потому, что наука не знает механизма этого процесса. Нет ответа на вопрос, почему рождаемость снижается. Почему, чем богаче люди, тем меньше детей? Потому что это устойчивая универсальная тенденция, закономерность, которую выявила жизнь. Мы можем ее игнорировать, можем называть безобразием, но это так. И почему это происходит, нет у демографов ответа – ни у наших, ни у западных. Поэтому никто не отрицает, что рождаемость может когда-то повысится при каких-то условиях, потому что в длительной ретроспективе было много колебаний. Задним числом как бы всё легко объяснить.

Татьяна Малева говорила о высокой занятости женщин, которая влияет на снижение рождаемости. Вот вам Испания – страна с традиционно низкой занятостью женщин, ультракатолическая на фоне Европы страна. И что мы видим? Низкую рождаемость. Она долго держалась в Испании высоко, и многие говорили: это потому, что там женщины не работают. Не спасло это Испанию.

Мы знаем, что и в Европе, и среди белого населения Соединенных Штатов рождаемость низкая. Но какие демографические цели ставят эти страны? Никто уже не ставит цель – повышение рождаемости. Соединенные Штаты ставят в области демографии очень амбициозную цель – не только не допустить сокращение населения

страны, но сохранить темп его роста. Но за счет чего? За счет того, что они планируют вплоть до 50-го года привлекать по одному миллиону иммигрантов в год. То есть сохранить свою планку, которая у них была достигнута в последнее время. По одному миллиону в год вплоть до 50-го года. Но цель у них – не допустить сокращения населения страны: ни белых американцев, ни черных, никаких.

Европейский Союз – его цели менее амбициозные, но тоже достаточны. Они формулируются более утилитарно. Евросоюз ставит цель – обеспечивать экономический рост. Для этого ему тоже нужно почти миллион иммигрантов в год, прежде всего, для того, чтобы восполнить рынок труда. Но никто не ставит цель – повышение рождаемости при значительных, более разветвленных детских программах.

Мне кажется, что если мы критикуем наши проекты – можно назвать их национальными, не национальными, но лучше просто называть мерами социальной политики в области поддержки семьи, - то, конечно, меры по поддержке семьи нужно принимать и нужно расширять. Но, прежде всего, для того, чтобы сохранить здоровыми тех детей, которые семьи хотят родить, и чтобы этим детям дать возможность нормально вырасти даже тогда, когда семья от них отказывается. Прежде всего для этого. Если рождаемость повысится, то слава Богу. Не повысится – жить-то надо.

Кроме того, все-таки закрывать глаза на тот огромный провал на рынке труда, который нас ожидает до 25-го года, это уже меньше, чем 20 лет... У нас убыль трудоспособного населения – 19 миллионов при занятости в 70 миллионов. Вот соотнести эти две цифры и видно, что ситуация очень тяжелая. Конечно, очень плохо для страны и будет осложнять наше развитие в течение двух ближайших десятилетий тот факт, что у нас все институты социальной поддержки

находятся в стадии становления, и мы не знаем, как вообще их наладить. Поэтому - какая реформа ни проводится, она проваливается.

Еще одно. Мне кажется, что мы и сегодня избегаем говорить об этом, потому что это уже всем надоело. Я имею в виду фактор алкоголизма. Говорить о социальных программах и сбрасывать этот фактор со счета никак нельзя.

В докладе у Гонтмахера отмечен тот факт, что в тех регионах, где больше людей (пенсионеров) предпочло взять деньгами (денежное возмещение льгот), наблюдался такой факт, что люди взяли деньги, а не стали покупать лекарства. Потому что те, кто работает в наших сберкассах, знают, что самый массовый клиент сберкасс – это бабушка, которая пришла и взяла сто рублей утром, а вечером пять рублей назад принесла, потому что эти пять рублей оставшихся у нее вытрясут либо муж, либо сын.

Есть еще одно, на что я хотела бы обратить внимание. Люди не очень доверяют государству и создают параллельные структуры. Я бы не стала называть все их мафиозными. Они, конечно, все за счет частного оборота функционируют, а не за счет официального. Но они не обязательно мафиозные эти структуры. Значительная часть людей опирается уже на эти параллельные структуры. И что государство как бы ни затеет, всё выворачивается каким-то боком, не так, как это было задумано и как было обещано. Поэтому мне кажется, что преодолеть это недоверие к государству – одно из условий успеха каких-то социальных начинаний. Все-таки наш «официоз» (будем так говорить) очень самоуверен. То есть им (чиновникам) кажется, что они знают это государство, этих людей, как свои пять пальцев, когда затевают какие-то реформы. Даже тогда, когда возможен эксперимент. Вот сейчас идет внедрение нового миграционного законодательства, которое, кстати, очень либеральное. Практи-

чески, все меры там бесплатные. Но теневые структуры в это уже внедрились, и государство не поспевает, поэтому по-прежнему всё решается за деньги.

Кувалдин В.Б. Благодарю Вас, Жанна Анатольевна.

Ломсадзе: Я хотел поддержать «бухгалтерский» подход к оценке масштабов проблем в государственной социальной политике, предложенный С.Ю.Глазьевым.

Абсолютно очевидно, что понимание того насколько социально ориентирована модель данного государственного устройства, приходит из анализа расходных статей государственного (федерального) бюджета. Чем больше доля социально значимых статей (расходов на здравоохранение, образование, социальное обеспечение) в структуре госбюджета, тем выше гарантии защищенности своих социальных интересов имеют граждане страны. Пример тому - США, где доля таких статей более 50% , и это притом, что сам их федеральный бюджет, не в пример нашему, весьма дефицитен.

Поэтому, давая оценку проектам по удвоению государственного финансирования социальных статей, надо понимать от какого базового уровня их поддержки в нашем бюджете мы отталкиваемся. И те цифры и расчеты, что были приведены академиком Глазьевым, лишь более наглядно подтверждают, что скорее от минуса, чем от плюса.

Волкова Л.П. В соответствии с темой сегодняшнего обсуждения главной социальной проблемой современной России является сложившаяся в результате рыночных преобразований нецивилизованная, недемократическая социальная структура. Проявилась тенденция перехода социально-экономической дифференциации социальных групп в их поляризацию.

В 2006 году мы проводили исследование по всем МИОНам в стране и называлось оно «Будущее России: взгляд из центра и регионов». Результаты исследования, как нам показалось, близки к оценкам, прозвучавшим сегодня у многих экспертов.

Исследование показало, что нет единой России, что есть Россия стратифицированная. Это одновременно и проблема, и реальность.

Особую тревогу вызывает группа бедного населения, определяемая по отношению к прожиточному минимуму. Величина прожиточного минимума в среднем на душу населения и в том числе по основным социально-демографическим группам (трудоспособное население, пенсионеры, дети) по Воронежской области примерно в 1,2 раза ниже, чем по России. Соотношение среднедушевого денежного дохода и прожиточного минимума по Воронежской области составило 194 %, по России – 266 %. Для региона характерна высокая доля населения с доходами ниже прожиточного минимума (27.2% от общей численности населения, 639.7 тыс. человек). Причем, большинство бедных - это трудоспособные люди. По данным социологического исследования, 50 % респондентов отметили, что их материальное положение за последние три года не изменилось, или даже ухудшилось. Более 50 % населения выражают неудовлетворенность своим материальным положением.

И как такая реальность отражается в сознании населения? По-разному. Мы сегодня не можем говорить о среднем россиянине.

Посмотрите, как трудно ученым и политикам методологически и статистически определить параметры среднего класса. Потому что в нашей стране есть несколько средних классов по разным параметрам.

Не всегда дифференциация сознания, взглядов совпадает с социальной стратификацией по доходам. Важной тенденцией стратификации, выявленной в настоящем исследовании, является совпадение материального расслоения населения с возрастной и территориальной дифференциацией. Возрастная и территориальная (поселенческая) дифференциация является более значимым фактором, влияющим на идентичность и ценностные ориентации населения, чем имущественная. Возраст, поколения – это вообще разные люди. Это надо учитывать. Например, сейчас много говорят о том, почему молодые работники не несут свои пенсионные деньги куда-то в частные фонды, почему теневая экономика так развита и «серая» зарплата не встречает отторжения у самих работников. А все очень просто. Сейчас молодой человек получает 20 тысяч рублей «серыми» деньгами. А «белая» зарплата составит без налогов только 15 тысяч рублей в месяц и меньше. Зачем молодому человеку терять ежемесячно по 5 тысяч рублей сейчас, чтобы в будущем, может быть, получить всего 500 рублей прибавки к пенсии? За такой размер пенсии, как сейчас, молодой, успешный работник не считает нужным беспокоиться!

Все воззвания к народу должны быть сильно аргументированы и содержать выгоду для народа, а не для государства. Сформировался новый подход к оценке приоритета общественных и личных интересов. По мнению населения, общественные интересы важны, но они не должны идти вразрез с интересами личности, более того, личные потребности должны стать основополагающими при определении общественного устройства и порядка.

Хотелось бы еще сказать следующее. Социальная политика должна быть ориентирована на социальную структуру общества, причем на все элементы этой социальной структуры. Для среднего

класса – одна политика, для пенсионеров – другая. Для богатых тоже должна быть социальная политика, пусть они зарабатывают деньги и помогают всем остальным. Только в этом случае социальная политика государства приобретет стройный системный вид, где реформа в образовании не будет противостоять пенсионной реформе и т.д.

Поэтому, мне кажется, что главная социальная проблема для России сегодня – это проблема стратификации, а социальная политика должна преследовать цели формирования человеческого капитала в каждом социальном слое. Спасибо.

Шахматова Н.В. Саратовские социологи (Саратовский МИОН) участвовали в программе – «Будущее России Будущее России: взгляд из центра и регионов», где производили диагностику социальной сферы общества и столкнулись со всеми обсуждаемыми проблемами. И в связи с этим у меня возникло несколько дополнений.

Я здесь хочу поддержать уважаемого профессора В. Петухова, который говорил о том, что характеристика срединного класса или базового слоя – эти 70 процентов населения – она работает. Идентификационный тест со слоем³, проведенный в ходе исследования населения Саратовской области в 2004-5 году показал, что 50,1% респондентов относят себя к среднему социальному слою, 14,4 % ассоциируют свое положение с низшим слоем, 6,9% нашли свое место между средним и низшим слоем, между высшим и средним идентифицировались 5,4%, к высшему слою отнесли себя 2,1%, элитой считают себя 0,5%. Исследование показало, что часто выражение «средний слой/класс» употребляется респондентами в контексте

³ Эмпирическое социологическое исследование «Трансформация социальных структур в Саратовской области» Было проведено авторами в конце 2004-начале 2005 г. Объем вероятностной, квотно-стратифицированной выборки составил 1478 респондентов

идентификации себя «не хуже других» со слоем/классом не только в рамках экономической характеристики, но и с точки зрения потребительских параметров и с ориентацией на стандарты потребления окружающих. При этом по сути категория «срединного» или базового слоя «работает». Одномерный дисперсионный анализ и Т-тест в совокупности с методом постэкспериментального сравнения Стьюдента – Ньюмана – Кулса, а также последующий двумерный дисперсионный анализ, показали, что по совокупности 10 групп признаков (78 переменных) можно четко выделить в социальном расслоении региона три различных статистически обоснованных класса: низший, средний и высший. Иными словами, здесь мы имеем дело не только с субъективным мнением респондентов, но и с реальной результирующей процесса дифференциации населения региона. Аналогичная операция, проведенная по другому признаку – факторам, способствующим обогащению в современной России, также подтвердила наличие четких границ между низшим, средним и верхним классом (слоем)

И несколько слов о разрыве, который существует между позитивным ощущением и негативными оценками населением современной ситуации, которые здесь звучали. Каждый давал свое объяснение. И один из моментов, на который мы обратили внимание. Сегодня очень велика оказалась роль банковско-финансовой системы и ее влияние на самоощущение населения. За 2 года (2004-2006) в Саратовской области почти в 3 раза увеличилась и достигла 70,7% доля тех, кто указал, что денег достаточно на повседневные расходы, но покупка дорогих товаров вызывает необходимость брать заем, кредит. Иными словами, население, особенно в городах, стало активнее интегрироваться в банковскую кредитную систему и, благодаря этому, почувствовало себя увереннее, оптимистичнее, чуть бо-

лее защищенным. Это подтверждается и мнением банкиров, которые отмечают, что в область, и особенно город Саратов отличается быстрыми за последние 1,5-2 года темпами роста доходов населения и потребительского рынка. Более того, банки рассчитывают увеличить кредитный портфель к концу 2010 года в несколько сот раз⁴.

Однако это не свидетельствует о реальном росте благосостояния населения. Более того, 27,3% (или каждый четвертый) опрошенных, особенно живущих в селах и районных центрах, по-прежнему испытывают затруднения при покупке самого необходимого, одежды. Иными словами, они находятся за чертой бедности. Что это означает на практике? По нашему мнению, можно вести речь о наметившейся тенденции «индивидуализации бедности», которая из социальной категории переходит в разряд индивидуальной (невозможность выплатить банковскую ссуду, утрата по этой причине всего имущества, квартиры, машины и прочее – проблема отдельной личности, не реализовавшей свои возможности). Однако если данное явление будет принимать массовый характер, оно чревато ростом социальной напряженности. Более того, что возможно именно отсюда вытекает особенно обостренное ощущение страха за свое основное или дополнительное рабочее место, боязнь конкуренции на рынке труда. В нашей многонациональной («принимающей») области господствует толерантное отношение к представителям различных национальностей, мигрантам и беженцам в любой сфере жизни социума, кроме рынка труда. Таким образом, возможные социальные конфликты, вызванные массовой «индивидуализацией бедности», могут приобретать националистические формы.

Кувалдин В.Б. Спасибо.

⁴ Из интервью с президентом-председателем правления ВТБ-24 М. Задорновым от 26 сентября 2006 года. <http://www.interfax.ru/r/B/exclusive/227.html>

Глухова А.В. Хотелось бы высказать некоторые соображения по поводу проблем, обозначенных в выступлении О.Здравомысловой. Она упомянула имя теоретика структурно-функционального анализа Т.Парсонса, обратив наше внимание на то, что любые общественные преобразования должны учитывать системные свойства объекта и четко формулировать цели и задачи, решаемые в ходе этих преобразований. Хочу особо отметить, что функцию целеполагания и мобилизации ресурсов на достижение этой цели Т.Парсонс отводил именно политической системе, ее институтам и структурам. Следовательно, в случае, если общество не достигает определенных целей или даже не формулирует их достаточно отчетливо, оно не развивается, и ответственность за это ложится на политическую систему, и, прежде всего, на тех, кто «населяет» политические институты и структуры, т.е. на лидеров, на правящую элиту. Полагаю, что этот неутешительный вывод можно сделать и в отношении нашей правящей элиты (если к ней вообще применимо такое комплиментарное понятие, как «отборное», «лучшее» и т.д.). Нынешняя правящая элита России, на мой взгляд, не справляется с теми вызовами, которые адресует ей современный этап общественного развития, и доказательств тому более чем достаточно как во внутренней, так и во внешней политике.

Теперь о соотношении целей и задач. Дело в том, что это не только наша проблема, и возникла она не сегодня. В свое время, размышляя о причинах молодежного бунта 1968 года во Франции, известный французский социолог Р.Арон писал, что это было выступление против общества, которое уже не знает, и не будет знать **целей**, поскольку имеет дело только **с задачей**. Эти слова были обращены к современному Р.Арону западному обществу, но и для России они имеют огромное значение. В России в 90-е годы прошлого

века попытались осуществить переход от социалистического общества, т.е. общества с единственной и заранее определенной целью, к демократии, которая в определенной последовательности пользуется наработанными процедурами и решает очередные задачи. Отказ от цели был, конечно, мезью социализму, а также попыткой освободить себя от нелегкой функции целеполагания. Однако очевидно, что в каком бы направлении не осуществлялось наше дальнейшее развитие, оно не может убить потребность в цели. Люди хотят знать, ради чего стоит бороться или хотя бы просто жить. Если они не получают ответа на эти вопросы, то потребность в цели взрывается, народный вулкан выбрасывает лаву, с которой власть не знает, что делать.

Думается, что сегодня слова Р.Арона еще более справедливы, чем прежде. События последних лет в близких России в этноконфессиональном и социокультурном отношении странах - Сербии, Болгарии, Белоруссии, Украине, Киргизии показывают, что граждане, особенно молодежь, ищут смысл существования, а не просто стремятся к реализации целей, удовлетворяющих материальные потребности и интересы. Как известно, формой молодежной активности в последнее время стали «розовые», «оранжевые» и прочие революции, в ходе которых современные студенты (из Тбилиси или Львова) вершат судьбы своих государств. Думаю, что если положение вещей в социальной сфере, да и в других сферах тоже, в ближайшие годы не изменится к лучшему, то и нам долго ждать потрясений не придется. Это только на первый взгляд кажется, что ситуация стабилизировалась и все спокойно. Нельзя стабилизировать безумное социальное расслоение, нищету и несправедливость, претендующую на статус нормы социальной жизни.

Отсюда, собственно, третий вопрос, но он, скорее всего, риторический. Мы говорим: «государство должно»; «государство осознает, наконец, свою ответственность перед обществом» и т.д. А есть ли у нас государство в строгом, политологическом смысле слова? Мы имеем дело с государством, т.е. с неким институциональным образованием, или же у нас режим власти, где все держится на субъективной воле и понимании вещей в меру собственного разума? Тут, наверное, Сергей Юрьевич сказал бы об антинародном режиме. Я бы поставила вопрос о том, насколько национальна наша элита с точки зрения осознания тех задач, которые она призвана понимать и решать в силу своего предназначения, если вообще понятие «элита» применимо к нынешней власти.

Здесь напрашивается, как у П. Милюкова, знаменитый вопрос: это глупость или измена? Надежда на то, что предстоящие парламентские или президентские выборы что-то тут решат, призрачна: посмотрите, две группировки элиты второго и третьего эшелона («Единая Россия», «Справедливая Россия») оспаривают друг у друга пальму первенства. На кого нам здесь можно возлагать надежду? С моей точки зрения, ни на тех, ни на других. Это осколки всей одной номенклатуры не самого высокого интеллектуального развития. Что же делать? Откуда ждать перемены к лучшему и где те национальные силы, которые в состоянии здесь что-то изменить? Я, по правде говоря, не знаю. По-моему, главные проблемы кроются здесь – в отсутствии субъекта преобразований.

Кувалдин В.Б. Мы завершаем наше обсуждение.

Владимир Васильевич, если Вы хотите как-то отреагировать на прозвучавшие выступления, пожалуйста.

Петухов В.В. Во-первых, хотел бы поблагодарить за терпение и внимание. Несколько слов хотелось бы сказать в продолжение по-

следнего выступления по поводу субъекта преобразований. И раньше, и сейчас мы много претензий предъявили к государству. И эти претензии в большинстве случаев были совершенно оправданы. Но, мне кажется, что и само общество не должно находиться в стороне от идущих в стране процессов.

Между тем, исследования фиксируют «замыкание» многих наших сограждан в своем непосредственном окружении, происходит снижение уровня самоорганизации, общественной активности. Крайне низок потенциал солидаризма. И тот социокультурный раскол, о котором говорила Ольга Здравомыслова, и о котором шла речь в моем тексте, расколе между «архипелагом» Рублевок и большинством населения, начинает сказываться на мировоззрении очень многих сегодня. Гедонистский образ и стиль жизни, «пофигизм» начинают проникать и в массовые слои, тем более, что на это «работает» вся индустрия развлечений, шоу-бизнес, торговля, сфера услуг и т.д. Осуждая наших олигархов, многие хотели бы оказаться на их месте, а еще лучше, если бы на месте олигархов оказались их дети.

Поэтому мне кажется, что социальная политика в современной России будет меняться тогда, когда в обществе возникнут какие-то крупные группы и слои, которые заинтересованы в этих изменениях и которые смогут оказать необходимое влияние на власть предрежащих с тем, чтобы подвигнуть их к каким-то более энергичным и эффективным действиям. А что это возможно – продемонстрировали наши старики и пенсионеры в ходе монетизации льгот. И сегодня доказывают наши обманутые дольщики, «бутовцы», автомобилисты и т.п. И когда власть видит организованный социальный протест, внятное мотивированное требование, как правило, она идет навстречу или, во всяком случае, считается с ним.

Кувалдин В.Б. Спасибо всем участникам сегодняшнего круглого стола.